

Оригинальное название:

TASH hearts TOLSTOY

by Kathryn Ormsbee

«Таш любит Толстого»

Кэтрин Ормсби

Перевод: Екатерина Морозова

Редактор и оформитель: Александра Кузнецова

Вычитка: Ксюша Попова

Русификация обложки: Анастасия Токарева

Переведено специально для группы:

[Книжный червь / Переводы книг](#)

**Любое копирование без ссылки
на переводчиков и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!**

Оглавление:

1.....	3
2.....	7
3.....	13
4.....	17
5.....	22
6.....	26
7.....	33
8.....	39
9.....	45
10	52
11	57
12	65
13	72
14	80
15	83
16	87
17	91
18	96
19.....	101
20.....	107
21.....	114
22.....	118
23.....	125
24.....	129
25.....	135
26.....	141
27.....	146
28.....	150
29.....	157

*Если сколько голов, столько умов,
то и сколько сердец, столько родов любви.
Лев Толстой, «Анна Каренина»*

Вы только что посмотрели очередной незадачливый эпизод веб-сериала «Несчастливые семьи» авторства Льва Толстого и студии Seedling Productions.

Действующие лица и исполнители:

Анна - Селена Бишоп
Алекс - Джей Прасад
Долли - Клавдия Зеленка
Китти - Ева Ханикатт
Левин - Джордж Коннор
Стива - Брукс Лонг
Вронский - Тони Дэвис

Команда:

Продюсеры - Джек Харлоу и Таш Зеленка
Режиссер - Таш Зеленка
Монтаж - Джек Харлоу
Авторы сценария - Джек Харлоу и Таш Зеленка
Графика - Пола Харлоу
Музыка - Тони Дэвис

Ловите наши новые эпизоды каждый вторник и четверг в 11 утра по восточному времени!

Однажды дежурные шутки берут и оборачиваются правдой. Разве не забавно?

Вот смеетесь вы над очередной кошмарной попсовой песней, но в один прекрасный день она играет у вас на повторе раз двадцать, и это совершенно не смешно. Или вас смешит название «жареная окра», а потом одним судьбоносным вечером вы с семьей оказываетесь в каком-нибудь занюханном кафе, шутки ради заказываете эту самую окру - и все, у вас новое любимое блюдо. Или вас веселят клоуны, пока однажды ночью после отхода ко сну вы не смотрите фильм «Оно» - и вот она, моральная травма на всю жизнь.

Не удивлюсь, если какие-нибудь римские аристократы тусовались в местной бане и болтали в таком духе:

— Слушай, Гай, а правда смешно будет, если в город ворвутся варвары?

— Блин, Тит Флавий, ну ты и придумаешь!

Мы с двумя моими лучшими друзьями долго шутили о том, что будем делать, когда станем знаменитыми. Мы так и говорили, когда мечтали вслух: «Вот стану знаменитым - и куплю всю Новую Шотландию», «Вот стану я знаменитой - и будет у меня платье, как у Кэйт Хадсон в “Отделаться от парня за десять дней”», «Вот стану я знаменитым - сяду за руль «ДеЛореана» и буду ездить точно со скоростью восемьдесят восемь миль в час». Мы болтали и смеялись над масштабами абсурда. Это были просто шутки.

А потом раз - и нет.

1

Первое, что вам надо обо мне знать: я, Таш Зеленка, без памяти влюблена в графа Льва Николаевича Толстого. Это его полное имя, но мы настолько близки, что я позволяю себе называть его Лео.

Мы познакомились в книжном, когда мне было четырнадцать. Учебный год только начался, и у меня были грандиозные цели. Английский уровня девятого класса был слишком легким - за две недели я просто осатанела от скуки. Поэтому взяла и загуглила список великих романов, составив себе план того, что буду читать в этом году. Первым пунктом в нем стояла «Анна Каренина» Льва Толстого. Так что, можно сказать, нас познакомила Анна Аркадьевна Каренина.

Это была любовь с первой строки. Если вам интересно, строка была такой: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Разве не прекрасно? Лео всегда знал, что сказать, чтобы вскружить девушке голову. В тот день я не ложилась до трех ночи - читала первые двадцать глав «Анны Карениной». Я была безумно влюблена, и влюблена до сих пор.

У нас с Лео все немножко как у Ромео с Джульеттой. Мощно сошлись звезды. Взять хотя бы тот факт, что мой папа настроен против Лео, ведь тот - самый настоящий русский. Папа предпочел бы, чтобы я сходила с ума по какому-нибудь приличному чешскому писателю типа Вацлава Гавела или Милана Кундеры. Они, конечно, хорошие парни, но вы вообще пытались читать «Невыносимую легкость бытия»? Больше похоже на «Невыносимые выверты выпендрежа», не находите?

Есть и еще одна проблема. Лео мертв. Как гвоздь в притолоке. Он спит смертным сном уже сто семь лет.

Истинная любовь это всегда непросто.

Второе, что вам нужно знать: я - режиссер. Или, по крайней мере, начинающий режиссер. И нет, я пока не пытаюсь снять нового «Гражданина Кейна», но мы с моей лучшей подругой Джеклин Харлоу ведем канал на YouTube, и прямо сейчас снимаем веб-сериал. И не просто сериал, а современную версию «Анны Карениной». Чуете? Круг замкнулся. Если вы еще не поняли, Толстой, мой возлюбленный, играет очень важную роль в моей жизни.

— Давайте снимем это заново. Начиная со слов Евы: «Я знаю, что здесь написано».

Поздним вечером пятницы у меня дома мы снимаем одну из ключевых сцен сериала. Я стою у штатива зеркальной камеры, а Джек управляет уровнем звука. Ее старший брат и, по совместительству, мой лучший друг Пол стоит вне кадра и держит подвесной микрофон над головами наших звезд - Джорджа и Евы.

Сегодня мы, в принципе, не снимаем ничего сложного, и нам нужны всего два из семи актеров. Но нам жизненно необходимо сделать все идеально, потому что этот эпизод раскрывает важную сюжетную линию, которая назревала на протяжении не одного десятка серий.

Да, это сцена с поцелуем.

Если вам казалось, что снимать сцену с поцелуем неприятно, вы ошибались. Это в десять раз неприятнее. Начнем с того, что надо заставить людей, которые не влюблены друг в друга, целоваться так, чтобы выглядело правдоподобно. А вам придется сидеть в обнимку с камерой и записывать все, как будто вы какой-то бешеный вуайерист. Что особенно забавно в моем случае, потому что меня это даже не привлекает. И, конечно, вам придется заставлять их целоваться много-много раз. Представьте себе: «Слушай, ты чуточку неправильно двигал губами», «Ой, тут у нас капелька слюны, придется переснимать».

Сейчас мы снимаем уже в четвертый раз. Мне неловко, но я пытаюсь вести себя как профессионал. Это мое творческое кредо: «Профессионализм превыше всего». Но жить было бы куда легче, если бы Джордж с Евой еще и не поругались.

— Постой, — отвечает Джордж на мои указания. — погоди минуту.

— О боже, — вздыхает Ева и роняет голову на руки, потому что Джордж решает сделать дыхательное упражнение, а потом переходит к тренировке дикции.

Когда он складывает губы бантиком и начинает повторять: «ба, бо, бу, бе», Ева не выдерживает:

— Мы даже не разговариваем, мы, черт возьми, целуемся!

Пол принимается истерично хохотать, так что микрофон попадает в кадр и трясется в такт его смеху.

Я начинаю терять надежду. Если так пойдет, мы никогда не снимем идеальную сцену, где все пойдет как надо, а игра актеров будет смотреться по-настоящему естественно. Обычно Джордж с Евой прекрасно ладят. Сегодняшняя размолвка случилась из-за того, что час назад Джордж заявил, будто у Евы пахнет изо рта и он не станет с ней сниматься, пока она не пожует жвачку. Это, конечно, было свинством с его стороны, но Ева могла бы и пропустить оскорбление мимо ушей. Обычно она хорошо играет, но поди изобрази влюбленный взгляд, когда у тебя на лице написана жажда убийства.

— Может, прервемся минут на пять? — спрашивает Джек, стаскивая наушники.

— Видимо, — киваю я. — Так, вы двое, перерыв пять минут. Погуляйте там или еще что. Вам надо отвлечься.

Еву не надо уговаривать, она тут же срывается с места и выбегает из комнаты. Через секунду на кухне начинает течь вода. Джордж стоит, где стоял, и продолжает свои упражнения на дикцию, как будто ничего не случилось.

Я оборачиваюсь к Джеку, и у меня на лице явно написано: «Убейте меня». Подруга только руками разводит. Она иногда бывает невыносимо спокойной. Но я-то знаю, она тоже злится.

Дела нашего сериала «Несчастливые семьи» идут не слишком гладко. И я сейчас не про финансовую сторону, потому что мы не зарабатываем на канале ни цента. Наши фанаты вовсе не так многочисленны, как мы надеялись в декабре, когда все только начиналось. Мы поставили цель достичь тысячи подписчиков, что, конечно, неслабо, но осуществимо. Сейчас почти конец мая, а у нас жалких четыре сотни, то есть даже меньше половины.

Не то чтобы мы с Джек рассчитывали немедленно проснуться знаменитыми, как Бибер, но мы ожидали, скажем, немножко больше внимания. У нас есть несколько верных зрителей, которые два раза в неделю комментируют наши новые видео, и все. Никакого фан-клуба. Никаких воплей с требованием новых эпизодов. Никакой тысячи подписчиков. Мы с Джек ни разу не произносили этого вслух, но, кажется, сегодняшняя сцена Джорджа и Евы - последняя надежда для нас обеих. Если что и способно вдохнуть жизнь в нашу аудиторию, так это сцена с поцелуем. Как выражается Джек, «люди любят поцелуйчики». Мне этого не понять, но я, так и быть, подыграю.

Джордж повторяет скороговорки («Карл у Клары украл кораллы...»). Я хлопаю его по колену.

— Чего?

Он смотрит на меня так, будто не понимает, как я посмела прервать его торжественный театральный ритуал, но все же замолкает и вопросительно поднимает брови.

— Тебе не кажется, что неплохо бы извиниться перед Евой?

Джордж, кажется, оскорбляется еще сильнее:

— Зачем?

— Ну, ты немного погорячился, она на тебя злится, и ваши поцелуи выглядят неправдоподобно.

— Я не считаю себя виноватым.

Медленно выдыхаю, стараясь сохранять спокойствие. Иногда заниматься постановкой не лучше, чем сидеть с дошкольниками: нужно иметь много терпения, лужёную глотку и уметь уговаривать всяких самовлюбленных идиотов делать то, что нужно.

— Знаю, — отвечаю наконец. — И прекрасно тебя понимаю. Но не мог бы ты сделать мне огромное одолжение и убедительно *разыграть* сожаление? Мы не сможем нормально снять, пока вы не помиритесь, и я прошу тебя поговорить с Евой, потому что ты всегда хорошо играешь.

Я спиной ощущаю взгляд Джек. Наверное, она одновременно и восхищена, и возмущена моей грубой лестью. Да, ни для кого не секрет, что Джордж считает себя лучшим актером из всех семи. Обычно я в шутку называю его нашей примадонной, но ради дела можно чуточку перегнуть и сказать, что он хорошо играет.

Джордж глотает наживку. Еще одно «пожа-алуйста» - и он с молчаливым кивком марширует в сторону кухни, будто солдат, отправляющийся на передовую.

Когда он выходит из комнаты, Джек медленно, театрально хлопает в ладоши.

— Это было изящно, — замечает Пол.

— Просто делаю свою работу, — отвечаю я. — Пол, можешь пока положить микрофон.

— Правда? Слава небесам! — Пол осторожно прислоняет свою ношу к дивану, где только что неубедительно целовались Джордж и Ева.

— Да, лучше оставь немножко сил на завтра, — добавляет Джек.

Завтра Пол и моя старшая сестра Клавдия заканчивают нашу школу «Кэлхаун-хай». Я стараюсь об этом не думать. Просто невозможно себе представить Жизнь в Кэлхауне без Пола. Что ж, по крайней мере, он пойдет в местный колледж и никуда не уедет.

За моей спиной кто-то негромко кашляет. В дверном проеме стоят Джордж и Ева. Он выглядит немного сердитым, но довольным, она - немного раздраженной, но более спокойной. Наконец хоть какой-то прогресс. С чуточкой раздражения уже можно работать.

— Отлично, — говорю я. — Готовы попробовать еще раз?

Джордж и Ева усаживаются обратно на край дивана перед доской для скрэббла. Пол поднимает микрофон и принимает прежнюю позу. Джек надевает наушники и берется за хлопушку-нумератор.

Сейчас все пойдет, как надо. Сейчас мы все снимем идеально. Я уже это вижу. Даже воздух вокруг пары кажется другим. Из глаз Евы исчезла злость. Актеры наконец-то готовы. Осталось только включить камеру.

— С начала сцены, — команду я, нажимаю на кнопку записи и киваю Джек. Она хлопает нумератором и убирает его из кадра. — И... поехали!

Я умру от разрыва сердца раньше, чем моя сестра получит аттестат.

Солнечные лучи бьют прямо на трибуны футбольного стадиона «Кэлхаун-хай», и я зажата между папой и Джек. Пола только что вызвали, теперь осталось пересечь огромный алфавитный пустырь между “Н” и “Z”. На улице восемьдесят пять по Фаренгейту и такая влажность, что можно достать соломинку и пить воздух вместо коктейля. Утром я полагала, что поступаю мудро, надевая свое лаймовое льняное платье. Думала, оно спасет меня от жары. Но я не учла, что моя пятая точка пропотеет насквозь, и на платье появятся два позорных полукруглых следа. В зеркало я себя не видела, но отлично их чувствую. Пятна пота, как и пятна от месячных, просто нельзя не почувствовать.

Так что я сижу, тушусь в собственном соку, очень хочу пить и прикидываю, как бы отсюда исчезнуть так, чтобы при этом не вставать. И тут Джек наклоняется ко мне и шепчет:

— Взгляни на телефон.

Церемония только-только дошла до буквы «М», так что я ничего особого не пропущу, если на секунду отвлекусь.

— Половина двенадцатого, — отвечаю я.

— Нет, ты на канал глянь! — Джек тычет свой телефон мне в лицо. Я шурюсь.

— Ничего не вижу, солнце.

Джек кидает телефон мне на колени:

— Просто посмотри.

Я накрываю телефон руками; экран все еще слишком темный и отражает все вокруг, но что-то уже можно прочесть. Страница нашего канала на YouTube выглядит как обычно: оранжево-розовая шапка с длинными тонкими буквами Seedling Productions, логотип - арбуз на фоне лучей солнца среди туч, и два активных плейлиста - один с моим собственным влогом, другой с сериалом. Ничего необычного.

Джек смотрит на меня без улыбки, так что я готовлюсь к худшему:

— Чего там? — тарашусь на страницу, пытаюсь увидеть, что же я упускаю из виду.
— Что случилось, нас кто-то взломал? Я не вижу...

— Подписчики. Только взгляни!

Обычно я проверяю количество подписчиков раз в неделю, по воскресеньям, когда загружаю влог на утро понедельника. В это воскресенье их было ровно четыреста девять. Я помню потому, что из-за этого целый день напевала одноименную песню Beach Boys, пока Клавдия не прикрикнула на меня, чтобы я заткнулась, и не порадовалась, что в августе она наконец отсюда съедет.

Обычно мой влог за неделю смотрят раз сто, а «Несчастливые семьи» - чуточку больше. Маленькая, но верная аудитория. Думаю, сложно ожидать большего, если тебе семнадцать и ты влоггер-любитель с полной учебной нагрузкой. Ничего большего я и не ожидаю, переводя взгляд на красное поле с числом подписок.

Там стоит: «43 287».

На нас. Подписалось. Больше. Сорока. Тысяч. Человек.

— Черт, — выдыхаю я.

Папа хлопает меня по колену сложенной программкой, смотрит с деланной строгостью и кивает в сторону сцены. Я гляжу на него с наигранным раскаянием, но не возвращаю Джек телефон. Я просто плююсь в экран. Потом обновляю страницу, в полной уверенности, что это какой-то глюк. Теперь их 43 293.

Зрачки Джек расширены, а ее кислотно-фиолетовые волосы, кажется, наэлектризованы больше, чем обычно. Ее щеки заливает краска. Частично, конечно, от солнца - черт бы побрал традицию вручать аттестаты на улице! - но по большей части, думаю, от полного изумления.

— Черт, — повторяю я. — Это ведь какая-то ошибка, да?

— Что-то произошло, — отвечает Джек. — Наверно, какая-то большая шишка что-то про нас сказала. Это единственное объяснение.

Я все еще таращусь на экран, когда слева материализуется чья-то рука. Я поднимаю голову: мама тянется ко мне через папины ноги и строго смотрит на меня уже безо всяких шуток. Она хватает телефон и поднимает бровь, как бы говоря: «Наташа Зеленка, неужели я слишком многого хочу, когда прошу тебя посвятить час времени этому важному для нашей семьи событию?»

Я мотаю головой. Удовлетворенная, мама разжимает руку. Вот такая у меня мама, вроде и строгая, но ее так легко задобрить, что вся ее строгость сходит на нет. Я возвращаю Джек телефон и больше не свожу глаз со сцены, как образцовая дочка. Шутка дня: все знают, что это место давно и прочно занято Клавдией.

Клавдия симпатичнее, выше и умнее меня. Никто никогда не говорил мне этого вслух, все и так очевидно до боли - до боли от ампутации без наркоза. Осенью она уезжает учиться в университет Вандербильта, а после него планирует получить докторскую степень по химическому машиностроению. А потом она будет строить химические машины, выйдет замуж, родит семерых детей и, наверно, между делом станет президентом.

Я совершенно не завидую ее идеальной жизни, потому что это значит вот что - ко мне будут куда меньше приставать с требованиями найти мужа и плодить потомство. У меня такая теория: пока старший ребенок делает все как надо, младший может пускаться во все тяжкие. Взять хоть Уильяма и Гарри. Принц Гарри - это я. Вот только я веду свой род от чешских политических диссидентов и новозеландских рыботорговцев, а не от британских королей. И, как уже было сказано, самая горячая у нас в семье тоже не я.

Так что пусть Клавдия забирает мудрость и материнство, а я с радостью похлопаю с трибун. В переносном смысле или, как сегодня, в буквальном. Но, черт возьми, сорок. Слишком. Тысяч подписчиков. И это я еще просмотры не видела.

Сцену топчут выпускники с фамилиями на «П», но мои мысли сейчас блуждают далеко от школьного стадиона посреди штата Кентукки и теряются где-то в интернете. Джек права: должно быть, кто-то - кто-то очень серьезный - умудрился нас упомянуть. Но кто? И что там о нас сказано, хотя бы что-то хорошее?

И тут мне становится дурно. При виде этих волшебных пяти цифр меня захлестнула эйфория, но теперь я начинаю думать, что случилось что-то плохое. Что если нас раскритиковали в пух и прах? Но не будут же люди подписываться на канал с какой-то дрянью? Или будут? Кто в этом вообще разбирается, профессиональные пиарщики? Где найти видео с руководством, как жить, если твои ролики становятся вирусными?

«Вирусный», по-моему, отвратительное слово. Как будто интернет-сообщество это одно огромное больное тело, съедаемое одной болезнью за другой. Разве нельзя придумать термин поприятнее? Например, «ролик становится сверхновой звездой». Это и звучит круче, и, похоже, аналогия гораздо точнее: мощный взрыв, а потом постепенное угасание.

И, похоже, проект Seedling Productions становится сверхновой звездой прямо сейчас. Мы мчимся вперед в буйстве света и цвета прямо в тот момент, когда мне стоило бы размышлять над торжественной речью и пускать слезу, глядя, как сестра перекидывает кисточку на шапке выпускника справа налево. И почему это не могло случиться посреди января, когда было холодно и пусто, время текло вдвое медленнее, и я от нечего делать запоем смотрела «Друзей» по «Нетфликсу». Все десять сезонов подряд. Почему это происходит сейчас, одновременно с другим Жизненно Важным Событием?

Краем глаза я вижу, как дрожат колени у Джек, и как ее пальцы летают по экрану.

«Всего один час, — говорю я себе. — Один час можно пережить».

Мой организм со мной не согласен и, кажется, выделяет слишком много желудочного сока. В мозгу бушуют бесконечные перспективы. Хэштеги, фан-арт, посты в блогах - и все это про нас. Может, даже... «Золотая труба»?

«Хватит, Таш, — говорю я себе. — Дыши ровно».

Между тем церемония добралась до буквы «Т», и к сцене тянется последняя порция выпускников. Я вижу Клавдию; на ее темно-зеленой шапке выпускника стразами выложено: «Поступаю в Город Музыки».

Может быть, когда Клавдия узнает новости, она решит остаться в Лексингтоне и дальше сниматься с нами. Может быть, она перечитает все статьи, которые я ей посылала, и осознает наконец, что свободный год между школой и колледжем поможет ей более полно и гармонично развиваться как личности.

«Если бы я шла в театр или кино, это было бы чудесно, — ответила мне Клавдия, когда я пыталась ее в этом убедить. — Но вряд ли хоть одного инженера впечатлит, что я буду год играть с камерой».

После этого - дело было в марте - мы крепко поругались, и я до сих пор оправляюсь от этой раны. Пусть себе Клавдия будет идеальной, пусть у нее будут планы на будущее, но зачем вести себя так до отвращения снисходительно? Думаю, можно делать ставки, будет ли Клавдия искренне рада нашему успеху или подожмет губы, напустит на себя скучающий вид и проговорит: «Какая прелесть, Таш, я знаю, сколько для тебя значит эта твоя сумасшедшая идея».

С тех пор, как Клавдию приняли в Вандербилт, она постоянно поджимает губы и со скучающим видом повторяет, что ждет не дождется конца августа.

— Клавдия Мари Зеленка.

Мой ряд - по большей части семья и друзья - подается вперед и наблюдает, как Клавдия выходит на сцену. Она идет выверенными шажками, спина идеально прямая, и широко, но не по-дурацки, улыбается, пожимая руку директору Хьюитту, когда принимает из его рук диплом. С мест выпускников долетает парочка восторженных взвизгов - наверно, кричат ее подруги Элли и Дженна. Потом Клавдия покидает сцену и самый, самый последний выпускник, Чарли Чжан, тоже получает право несколько секунд погреться в лучах славы. И все.

Так... скучно.

Наверно, через год у меня, Джек и остальных будущих двенадцатиклассников все будет примерно так же. Даже грустно. Хотя кто знает? Может, если у нас уже сорок три тысячи подписчиков (и будет больше!), мне вообще не понадобится заканчивать школу? Я вполне успею заработать огромную кучу денег и спокойно купить поместье где-нибудь в Калифорнии.

На этот раз я даже не пытаюсь обуздать свое воображение. Потому что мы столько раз шутили об этом, а теперь это уже не шутка. Это жизнь.

Как вы могли догадаться, моя комната просто увешана Толстым. Над моим туалетным столиком висит огромный постер с его портретом, на стенах - с полдюжины цветных карточек с его фразами. Раз в несколько месяцев я нахожу новые цитаты, выписываю их на карточки и вешаю на место старых.

Одна из фраз такая: «Нет сильнее тех двух воинов, терпение и время».

Просто правда жизни. Вот, например, вручение аттестатов уже закончилось, но время идет так, та-а-ак медленно, что мое терпение тает. Больше всего я сейчас хочу запереться в спальне, включить ноутбук и разобраться, кто, как и почему устроил нам скачок подписчиков. Но то, что аттестаты уже вручили, вовсе не значит, что все закончилось. Нафотографировавшись и наобнимавшись вокруг стадиона, - я все время держала руки за спиной, пытаясь прикрыть пятна пота на заднице - мы отправились праздновать к семейству Харлоу.

Я предпочитаю думать, что мы с Полом и Джек были бы такими же неразлучными, закадычными друзьями, даже если бы не жили на одной улице. Что мы бы гоняли на великах, перестреливались из водяных пистолетов и ночевали в палатке на заднем дворе, даже поселись мы на разных концах города. Наша с ними железобетонная дружба течет из спокойного лета в длинную суровую зиму и снова в лето. И так долгие, долгие годы. Это адская смесь истеричного хохота, сломанных лодыжек, воплей на улице и первых плохих слов. Такая дружба должна была быть написана на роду. А то, что наши родители когда-то удачно купили недвижимость - просто приятное совпадение. И никто не убедит меня в обратном.

Конечно, близость наших домов очень кстати. Например, сегодня, когда Пол и Клавдия вместе празднуют окончание школы: с семьи Харлоу - участок, потому что у них есть бассейн, и гриль лучше работает; с нас - еда, потому что мой папа - лучший шеф-повар Лексингтона, штат Кентукки. Все, что требуется для этого идеального симбиоза - пятнадцать секунд езды между двенадцатым и двадцать четвертым домом по Эджхилл-драйв. Нам очень удобно вместе отмечать дни рождения, потому что мы с Полом оба родились на одной неделе в августе. Думаю, вряд ли кто-нибудь может соперничать со мной по количеству вечеринок с бассейном. Только, конечно, Пол.

Сегодня будет первый праздник у Харлоу, который напрямую не касается меня. И немного удивляет, как Клавдия на это согласилась. Она никогда не была одной из нас и никогда не стремилась стать частью нашей компании. У меня с ней всего пятнадцать месяцев разницы, но она с младенчества считала нужным вести себя так, будто годится мне в матери. Когда я подружилась с Полом и Джек, Клавдия немедленно списала нас троих со счетов как стайку маленьких вредных троллей. Конечно, она никогда не делала нам гадостей, но всегда соблюдала дистанцию.

Так что у нас чуть челюсти не отвисли, когда мы узнали, что Клавдия собирается праздновать выпуск вместе с Полом. Хотя, мне кажется, тут дело в том, что это семья Харлоу и семья Зеленок будут праздновать вместе, а мы всегда так делаем.

Сейчас представитель Зеленок как раз ищет своих Харлоу: мне надо найти Пола, чтобы нормально поздравить его с окончанием многолетней борьбы со средним образованием. А ещё надо отыскать Джека, чтобы вместе разобраться, что же происходит с нашим каналом. По пути я еще раз проверила: подписчиков уже больше сорока пяти тысяч. Почему-то у меня заслезились глаза. Похоже, организм не очень-то способен справиться с непонятными эмоциями, которые на него навалились.

С тех пор, как я пришла на вечеринку, меня преследуют родственники и друзья семьи. Все они считают нужным поздравить меня с выпуском сестры, как будто я в этом хоть как-то участвовала. Выскользнув из когтей очередного преисполненного благих намерений соседа, я замечаю Джея Прасада, который стоит один-одинешенек на краю бассейна. Точнее, раскачивается на краю бассейна. Он всегда начинает раскачиваться, когда ему неловко.

— Джей! — кричу я, бросаясь ему на шею. Он подается назад, увлекая меня за собой, и мы некоторое время шатаемся вдвоем, прежде чем нам удастся восстановить равновесие.

Джей - друг Пола, значит, и мой тоже, следовательно, Клавдия с ним не дружит. Он невысокий, стройный - и бесценный член команды Seedling Productions.

— Я никого здесь не знаю! — произносит Джей, поправляя съехавшие очки. Я оглядываю собравшихся гостей.

— Есть такое. Молодец, что пришел. Пол будет просто счастлив тебя видеть!

Я хватаю его за руку и веду вдоль края бассейна. Пол сидит на вышке для ныряния в обтягивающей футболке и шапке выпускника. Судя по всему, он успел на что-то поспорить с ребятами, стоящими у подножья вышки.

— Пол! — зову я. — Смотри, кто пришел!

— ДЖЕЙ! — ревет Пол. Он вихрем слетает с вышки и разгоняет стоящих вокруг парней. Сейчас друг напоминает мне короля, который величаво спускается с лестницы и царственным взмахом руки отпускает слуг.

Они с Джем хлопая друг друга по спинам, потом Пол поворачивается ко мне и чмокает меня в щеку:

— Где ты пряталась?

— Давно собиралась подойти тебя поздравить, но родственники проходу не давали.

Пол вглядывается в мое лицо и указывает на мои слезящиеся глаза:

— Таш, ты плакала? Грустишь обо мне? Больше никаких плюшек от знакомства со мной!

— Не то, чтобы они когда-то были, лузер, — парирую я. — Если с кем-то и круто дружить, то это с Тони.

Тони - будущий двенадцатиклассник и тоже играет в нашем веб-сериале. У него трехдюймовый ирокез, и я точно не знаю никого круче него. А еще он бывший парень Джек.

— ТОНИ! — Пол пользуется любым шансом проорать чье-нибудь имя на весь зал. — Есть тут Тони?

Джей снова начинает раскачиваться. У некоторых чувства на лице написаны, а у него, похоже, все огромным шрифтом вышито на груди, как будто он в аляповатом вязаном свитере.

— Он, наверно, гоняет по вечеринкам всех своих друзей, — отвечаю я.

— Это какие-такие друзья важнее, чем я? — надувается Пол. Конечно, не всерьез. Он никогда не умел обижаться по мелочам.

— Ах, во-от ты где! — произносит резкий голос за моей спиной. Это Джек. Ядвигаюсь в сторону, чтобы она тоже поместилась в нашем растущем кругу. — Я поняла, что происходит.

— А что происходит? — спрашивает Джей.

Пол складывает руки на груди и так высоко поднимает брови, что они исчезают под его длинными лохматыми темными волосами.

— Сериал пошел в массы, — тихо и весомо произносит Джек.

— Что?! — в унисон спрашивают парни.

— Ну, не настолько уж в массы, — продолжает Джек. — Эллен Дедженерес нам звонить пока не собирается, но статистика взлетела до небес. Думаю, сегодня дойдем до пятидесяти тысяч подписчиков.

— Что?! — ошеломленно повторяют Пол и Джей.

— А теперь самая шикарная новость, — продолжает Джек.

Я восхищена: ей удастся сообщать все это даже без намека на улыбку.

— Знаете, кто во всем виноват? Тейлор Мирс.

— Что?! — теперь изумленно верещим уже мы с Джем.

Лицо Пола принимает виноватое выражение, которое я очень хорошо изучила за последние пару лет. Пола не интересуют веб-сериалы, актерское искусство и театр. Он просто не может поддерживать некоторые разговоры. За несколько месяцев съемки у нас накопилось слишком много внутренних шуток, специфических терминов и культовых имен. Одно из них - Тейлор Мирс.

— Это такая интернет-звезда, — объясняю я, прежде чем Пол успевает спросить. — Она почти изобрела веб-сериалы. В те давние-предавние времена, когда их еще не пытался снимать каждый, у кого есть камера.

— «Гробовой перевал», чувак! — Джей поражен неведением Пола. — Ты правда никогда о нем не слышал? Девочки ни разу не заставляли тебя его смотреть?

— Я что-то о нем слышал. — У Пола краснеют кончики ушей. — Я только не знал имен. Как вы говорите, Тейлор Спирс?

— Мирс, — поправляет Джек. — Она помогала писать сценарий, помогала продюсировать, а еще играла Кэти. Она просто богиня! А еще у нее есть влог, и в нем она упомянула о нас. Сказала, что у нас одни из лучших актеров среди всех любительских сериалов, которые она только видела.

— Она так сказала?! — почти кричу я.

Я хватаю Джек за обе руки и радостно их сжимаю, потом яростно трясу, затем поднимаю вверх, обезумев от счастья. Все это проделываю я одна, Джек не относится к разряду людей, с которыми можно вместе поорать. Она хладнокровная почти до состояния льда и вечно имеет мрачный вид. Но хоть она никогда не унижится до того, чтобы прыгать и орать, она так же взволнована, как и я. Это видно по легкому изгибу ее накрашенных фиолетовой помадой губ.

— Покажи мне это! — прошу я. — Прямо сейчас!

— Ага, не волнуйся, у меня уже открыто.

У Джек всегда наготове телефон, так что она немедленно загружает нужную страницу: на стоп-кадре замерла радостно улыбающаяся Тейлор Мирс. Джек выкручивает звук на полную и включает видео.

Ролик называется «Новые и недооцененные». Сначала Тейлор рассказывает, что просмотрела десятки малоизвестных веб-сериалов, снятых режиссерами-любителями с маленьким бюджетом, и сообщает, что хочет поделиться тремя сокровищами, о которых мир еще не знает. Первые в списке - «Несчастливые семьи».

— Ребята, — говорит Тэйлор с горящим, искренним взглядом. — Ребята! Шагом, нет, бегом марш смотреть этот сериал. Там уже сорок серий, так что найдите время посмотреть их все. Понятия не имею, как этим девочкам удалось сделать огромный русский роман таким чертовски понятным, но, поверьте мне, им это удалось. Они подошли к проблеме радикально - сократили число персонажей «Анны Карениной» до семи: оставили Анну, Алекса, Вронского, Долли, Стиву, Левина и Китти. И, господи, что за прелесть они сделали из любовной линии Левина и Китти! Оба актера чертовски талантливые и обаятельные, вы в них просто влюбитесь! Так что, если вам надо осилить эту книгу к уроку литературы или вы просто хотите провести ночь за прекрасно снятым сериалом, немедленно смотрите «Несчастливые семьи»!

— Ни хрена себе... — выдыхает Джей, и я с ним полностью согласна.

Я долго молчу, поэтому Джек спрашивает:

— Ты собираешься умереть от счастья? Моргни дважды, если слышишь меня.

Но я ничего не слышу и ошеломленно молчу всю вечеринку. Я даже вкуса торта не чувствую. Голоса гостей сливаются в белый шум.

— У тебя укуранный вид, — замечает через некоторое время Пол.

— Поверить не могу... — начинаю я и не могу договорить.

Пол гладит меня по щеке.

— Иди домой, Таш. Никто не заметит. Ты все равно потеряна для общества.

Звучит резко, но Пол не хочет меня задеть. Его глаза лучатся заботой.

— Пол прав, — включается Джек. — Иди, приходи в себя.

Они хорошо меня знают. Мне правда надо пойти домой, свернуться калачиком в кровати и тщательно изучить всю возможную статистику и отклики в соцсетях. Мне нужно надеть удобные пижамные штаны, налить себе огромную чашку «Эрл Грея» от «Гвайнингс» и врубить на полную мощность новый альбом Сен-Венсан. Все, что отделяет меня от этого блаженного состояния, будет белым шумом, бессмысленным копошением.

— Спасибо, — отвечаю я и поворачиваюсь к Полу: — Хорошего праздника!

Он салютует мне двумя пальцами.

Пока я бегу домой, мне в голову приходит мысль, и я тут же спрашиваю себя, не слишком ли она эгоистичная. Мысль такая: «Сегодня великий день для Пола и Клавдии, но, может, и для меня тоже?»

Я нажимаю на повтор. Снова. И смотрю влог в девятый раз.

Добравшись до дома, я первым делом включила чайник, стянула с себя пропотевшее платье и влезла в пижамные шорты и мешковатую футболку. Потом я налила кипятка в свою самую большую чашку, утопила в ней пакетик «эрл грея» и припустила по лестнице в спальню. Там я сначала врубила на полную мощность Сен-Венсан, потом осознала, что не смогу слушать музыку и Тейлор Мирс одновременно, так что оставила свою любимую певицу на потом и посмотрела ролик восемь раз.

Затем я наконец поняла, что надо на что-то переключиться, иначе мозг взорвется, и сделала то, что предвкушала и чего опасалась весь вечер - зашла на страницу нашего канала. 48 063 подписчика. Я открыла первую серию «Несчастливых семей» под названием «Стива Джонс - чертов бабник». Больше восьмидесяти тысяч просмотров. Восьмидесяти. Тысяч. Просмотров. Конечно, для кого-то вроде Бейонсе это капля в море, а вот для простенького веб-сериала - огромная цифра. Я проверила весь плейлист: на второй и третьей сериях статистика ожидаемо пошла на убыль, а потом установилась где-то на тридцати четырех тысячах просмотров на ролик.

Тридцать четыре тысячи человек посмотрели все вышедшие эпизоды «Несчастливых семей». Ладно, может, не совсем тридцать четыре. Первые пятьсот просмотров - это мы с Джек по полчаса обновляли страницу. Но все равно нас смотрят тысячи и тысячи людей. Людей, с которыми я не знакома. Людей, с которыми я не дружу. Людей со всей страны. Или со всего мира.

Я истерически хихикаю. Потом хватаюсь за ворот футболки и в приступе детского веселья натягиваю его на подбородок. Так вот что это такое «упиваться славой»? Или правильно говорить «упиваться властью»? Как бы то ни было, я уже неплохо опьянела.

Не приходя в себя, я проверяю другие плейлисты. Мой личный влог, «Таш среди чаш», и совместный музыкальный проект Тони и Джек - «Шум и эхо». Когда-то самой популярной на нашем канале была именно их музыка, но в феврале они расстались и с тех пор не писали ничего нового, а Джек молча скрыла плейлист с главной страницы. Ни у моего влога, ни у их музыки просмотры не идут ни в какое сравнение с сериалом, но и там все равно неслабый прирост. И комментарии. Куда больше, чем полдюжины отзывов от горстки постоянных фанатов. У первого выпуска моего влога целых пятьдесят два комментария, хотя в нем я просто прихлебываю «Английский завтрак» и бессвязно болтаю о том, что Вайнона Райдер сделала с «Маленькими женщинами».

«Боже, она та-ака-а-ая клевая!!!»

Кто-то считает меня клевой! И не просто клевой, а «та-ако-о-ой клевой»!!

«О, вижу постер Сен-Венсан. Хороший вкус! <3»

Наконец-то хоть кто-то разделяет мою одержимость Сен-Венсан (по мнению Джек, она слишком много выделяется, Пол говорит, что у нее чересчур загадочные тексты).

Потом я опускаю взгляд на счетчик лайков и дислайков. Четыреста тридцать два человека поставили «палец вверх». Девяти людям не понравилось.

Целым девяти?

У меня в животе поднимается крошечный всплеск паники. Не просто какой-то один левый хейтер, а целых девять? Что им не нравится? У меня раздражающий голос? «Маленьких женщин» не любят? Зачем им тратить силы, чтобы нажать на эту кнопку? Да, согласна, на видео я просто несу бред. Кому нужно ставить дислайки под видео с дурацкой болтовней?

Возможно, я слишком много об этом думаю.

Лучше почитаю комментарии. Их сто-олько! Я начинаю с первой серии «Несчастливых семей» и читаю в хронологическом порядке:

«У Китти с Левиным что-то есть, да? Че-е-ерт, теперь мне точно придется читать книгу!»

«Боже, как Долли смотрит на Стиву на 3:11! Да-да, надо ее пожалеть, но я ржу».

«Хочу рубашку, как у Анны. Вот хочу. Где можно купить?»

«Стива - засранец, но я его обожаю. Наверно, так задумано».

«Всем плевать на Вронского, дайте мне Кевина, больше Кевина!»

Прямо в точку, один за одним. И мне все мало. Интересно, чтение комментариев считается зависимостью? Если я глотаю их все подряд да еще в таких количествах, у меня нарциссизм развился, да?

Хотя это все даже не про меня, а про актеров и про книгу моего мертвого русского парня. Про книгу, которую мы с Джек адаптировали. И довольно удачно адаптировали, если верить комментирующим пользователям и, боже, самой Тейлор Мирс. И ставили все тоже мы с Джек. И вообще это целиком и полностью наше детище.

Звонит телефон. А вот и Джек.

— Ты видишь то же, что и я?

— Ага, если ты на Тамблере, — отвечает она.

— Я пока канал смотрю. Видела комментарии?

— Пока нет, но поищи наш хэштег на Тамблере! Там уже делают гифки. Seriously, гифки! И вся эта куча подписчиков и сообщений... Они хотят знать, сколько будет идти сериал, будут ли какие-нибудь дополнительные сцены, когда второй сезон и планируем ли мы собирать деньги на Кикстартере. Представляешь, кто-то правда спросил, планируем ли мы собирать деньги!

— Боже...

— И у нас просто куча упоминаний и ретвитов. Я еще не проверяла нашу почту, но она точно ломится от вопросов. Наверно, когда оно вот так, надо уже нанять кого-нибудь, кто бы все разгребал? Мне немного страшно.

— Ну, пока мы еще не настолько крутые...

— Слушай, пятьдесят тысяч подписчиков - это неслабо. Для нас уж точно.

— Ты уверена, что это не массовая галлюцинация?

— Пол тут идиотничает всюду. Прикинь, он спросил меня, кто такой Кевин, и мне пришлось рассказывать ему о шипперах. Таш, он даже не знал, что это такое. Как ему удалось? Как можно тусить с нами столько лет и не научиться называть пейринги?

— Типичный Пол.

— Тупой, как пробка, — соглашается Джек.

— Хотя, если честно, «Кевин» - это не слишком умно.

— Все лучше, чем «Литти». Даже звучит как-то... грязно.

— Да, есть немного. И как мы будем со всем этим разбираться? — спрашиваю я. — Надо составить план. Тейлор выложила видео вчера вечером, нам надо быстро отреагировать.

— Давай я завтра к тебе зайду и мы все обдумаем. Все равно надо посмотреть выпуски на следующую неделю, прежде чем их загружать.

— Но сегодня надо хотя бы написать актерам. Вдруг кто еще не в курсе.

— Да, хорошая идея. Блин, представь реакцию Джорджа! — Джек начинает низко, злорадно хихикать. — Этот самодовольный гаденыш начнет думать, что он - новый Лоренс Оливье!

Я обещаю Джек разгрести почту. Когда вешаю трубку, меня уже ждет новое сообщение. От папы: «Эй, мышка-норушка, если решишь вылезти из норки, ужин в семь».

На часах самое начало седьмого. Может, через час я немного успокоюсь и пресыщусь. Но сейчас мне кажется, что я не буду выползать из своего убежища суток этак двое.

Я открываю свой ящик и нажимаю на «Новое письмо». Как бы сформулировать? «Ребят, поздравляю, вы все звезды?»

Я отвлекаюсь на новые письма во входящих. Взгляд сразу цепляется за адрес Thomnado007@gmail.com. Моя грудная клетка сжимается, разлетается на тысячу осколков и с трудом собирается обратно. Это Фом!

Я открываю письмо.

«Таш!

Знаю, знаю, я еще на прошлое твое письмо не ответил, но, черт возьми, я только что увидел и просто не могу не поздравить. Это офигительно! Я дико тобой горжусь!

Кстати, я тут подумал... Да, я не обижусь, если ты откажешься, но, может, обменяемся номерами? Будет круто переписываться в режиме реального времени. Но, если ты против, я пойму.

И еще раз: поздравляю с таким отзывом! Вряд ли кто-то заслуживает этого больше тебя.

Фом».

Только-только мои ребра пришли в норму, нет, им надо разорваться еще раз. По моему лицу растекается улыбка и затапливает щеки. «Офигительно». «Дико горжусь». Да еще из уст Фома Козера, который сам по себе вполне популярный влоггер. И он хочет обменяться номерами. Подумать только, Фом Козер просит у меня номер телефона!

Мы с Фомом ровесники, но он снимает ролики дольше меня. Первых подписчиков он привлек лет в четырнадцать, когда вместе со своим другом Уэсом Бриджесом снял несколько видео с розыгрышами у себя в школе. Потом он взялся за вещи посерьезнее и создал «Голос из пробирки» - канал с еженедельными десятиминутными роликами, в которых он рассказывает о роли науки в известных фильмах. Он завел его около года назад, примерно когда появилась и «Таш среди чаш» - канал с еженедельными десятиминутными роликами, в которых я пью определенный сорт чая и трещу об адаптациях классической литературы.

Фома смотрит куда больше народу, чем меня, потому что у него еще осталась кучка подписчиков от видео с розыгрышами. Однако пару месяцев назад кто-то упомянул нас обоих в твите о забавных влогах про кино. Я была польщена тем, что наши имена написали в одной строчке, но уж никак не ожидала, что Фом напишет мне о том, как ему нравятся мои ролики, и спросит, давно ли я интересуюсь режиссурой. Мы обменялись почтовыми ящиками и последние шесть недель активно друг другу пишем. Да, мы обсуждаем всякую ерунду типа любимых фандомов и фильмов, но у меня все равно перехватывает дыхание каждый раз, когда во входящих появляется имя Фома.

Я никому про него не рассказывала. Во всяком случае, подробно. Я говорила Джек о его первом письме, она неопределенно пожала плечами и только. Я не упоминала, что потом мы переписывались. Длинными, яркими письмами, взрывающимися искрометным юмором, полными пояснений в скобках, а иногда даже и сносок. И, кажется, наши письма уже балансируют на грани между дружеской перепиской и чем-то большим.

Не знаю толком, почему я никому о нем не рассказываю. Мне же не стыдно. Я же не делаю ничего странного. Может, дело в том, что я никогда не видела Фома лично, не слышала его голоса... Хотя это технически неверно, потому что я слушаю его голос каждую неделю, когда выходит новая серия «Голоса из пробирки». Но я ни разу не слышала, как он обращается ко мне. Не слышала даже, как он называет меня по имени.

А теперь он попросил мой номер, и мне почему-то кажется, что это начало чего-то большого и важного. Шаг в очень конкретном направлении. Обмен сообщениями кажется куда более личным, чем обмен письмами. Он быстрее и естественнее. Если до этого мы с Фомом балансировали на краю обрыва, станет ли это тем ударом, который бросит наше общение из дружеского в... во что?

И я, наверно, опять слишком много об этом думаю.

Я ужасно долго пишу ответ. По два раза проверяю каждое слово и даже запятые. С одной стороны, я не хочу показать Фому, что его просьба меня хоть капельку взволновала, с другой - демонстрировать слишком много энтузиазма тоже не стоит. В конце концов я

коротко благодарю его за поздравления и добавляю, что было бы чудесно... нет, здорово... неплохо слать друг другу сообщения. Потом добавляю свой номер, нажимаю «отправить», валюсь носом в подушку и издаю хриплый жалобный стон.

Мне надо отвлечься, благо есть чем. Я выхожу из почты - потом ребятам сообщу - и открываю твиттер Seedling Productions. Я пролистываю уведомления, добавляя в избранное твиты, которые больше ничего не требуют (типа «Боже, посмотрел все серии @Unhappy_Families и реально не могу без этого жить!»), и оставляю на потом то, на что надо ответить (типа «@Unhappy_Families, пожалуйста, скажите мне, что следом вы адаптируете Достоевского!»): нам с Джек еще предстоит решить, что делать со всем этим наплывом.

Кажется, я успеваю полистать твиты всего пару минут, и вот уже папа кричит, что ужин готов. Я плююсь на экран. Дико хочется есть: на вечеринке я была слишком взвинчена, чтобы как следует подкрепиться, и затолкала в себя только ложку торта. Но в то же время мне нужно больше, намного больше комментариев, вопросов и всеобщего обожания.

Похоже, это значит, что у меня проблемы.

Похоже, это значит, что надо все же пойти поужинать с родителями.

Над моей кроватью висит постер с портретом Льва Толстого, тридцать шесть на сорок восемь дюймов. Зернистая черно-белая фотография писателя в возрасте двадцати лет. Мой Лео сидит, расслабленно опираясь локтем на изогнутый подлокотник роскошного кресла. На нем теплое пальто с лацканами и толстый шарф. Он смотрит прямо в камеру. Вернее, хмурится в камеру. Как будто хочет сказать: «Почему я должен позировать для этой фотки? Я умный юноша со сложным характером, у меня нет времени!»

Я подпираю голову локтями и спрашиваю:

— У меня звездная болезнь, да?

Лео хмурится из-под темных бровей.

— Мне надо пойти поужинать с семьей, как будто я все еще простая смертная, да?

Лео хмурится. Ну как его не любить?

— Ага, я так и думала.

Проявляя чудеса самоконтроля, я закрываю ноутбук, слезаю с кровати, спускаюсь вниз и даже не беру с собой телефон.

Наверно, перерыв идет мне на пользу, но через час я возвращаюсь к себе и до четырех утра листаю ролики, упоминания и списки хэштегов. Где-то после часа ночи я начинаю составлять план. И засыпаю с рукой на мышке.

На следующее утро сразу после завтрака приходят Джек и Пол. Джек настроена обсудить план действий. Пол объясняет свое присутствие тем, что наблюдать, как Джек разрабатывает стратегию, всяко интереснее, чем сидеть одному дома все воскресное утро.

Мы с Джек сидим на кровати, а Пол развалился на полу, так широко расставив руки и ноги, что кажется, будто мы распяли его на дыбе и сейчас будем пытаться. Конечно, Лео тоже составляет нам компанию и хмурится со своего постера.

— Тебе вообще удобно? — спрашиваю я у Пола.

— Я медитирую, — отвечает он.

— Но это не...

Пол подносит палец к губам:

— У тебя свои заморочки, у меня свои.

Я не спорю. Да, я тоже медитирую, хотя настоящий буддист у нас в семье только мама. Я же по части религии пытаюсь усидеть на двух стульях, и тут нечем гордиться. Но когда твой папа исповедует православие, а мама - дзен-буддизм, определиться не так уж легко. Обычно я говорю, что запуталась, и в детстве это правда было так. Поди не запутайся, когда твой папа ест мясо, а мама - нет, в гостиной висят иконы и стоит статуя Будды размером с младенца, а на Рождество ты ходишь то на церковные службы, то на ночные медитации в Дзен-центр.

Так что в детстве мне было непросто, но сейчас мне семнадцать и единственное, что мешает мне во всем разобраться - лень. Я повторяю себе, что пора бы уже принять какое-нибудь решение, потому что единственное, в чем сходятся все религии - сидеть на двух стульях сразу плохо. Так я никогда не достигну просветления, а в Библии на этот счет есть цитата, которая пугала меня всю жизнь: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».

В общем, у меня с верой все сложно, так что я лучше помолчу и не буду решать за Пола, как ему медитировать.

— Я тут уже кое-что написала, — говорю я, поворачивая ноутбук экраном к Джек. — Вчера вечером посидела и подумала.

Джек окидывает файл взглядом и поднимает бровь:

— Ты вообще спала?

— Пять часов.

— Шикарно. — Джек принимается водить ногтем по экрану:

«Джек - отвечает на вопросы в твиттере и на ютубе.

Таш - в Тамблере и на почте.

Джек - посты с благодарностями фанатам на всех сайтах.

Таш - благодарственное письмо Тейлор Мирс».

— Серьезно? — фыркает Джек. — Ей же плевать!

— Она нас упомянула, значит, ей не совсем уж все равно.

— Ага, конечно, только она зарабатывает тем, что находит новый контент и рассказывает о нем. Вряд ли она каждый раз надеется на огромное письмо с благодарностями. Может, она о нас уже забыла. И вообще, это выглядит...

— Как? — мрачней я.

— Как будто ты к ней подлизываешься!

— Слушай, я же не заставляю тебя ей писать! Я сама.

— Это бессмысленная затея. Вычеркивай!

— Не буду.

— Ладно, делай, что хочешь.

— Письма с благодарностями это мило, — замечает Пол.

— Видишь? Твой брат сказал, что это мило!

— Слушай, он мажет пиццу виноградным желе, его мнение не считается.

Мы возвращаемся к плану. Дальше я написала: «Совместными усилиями доработать сценарий, согласовать даты съемки на лето, подумать насчет следующего проекта во избежание падения спроса».

На Джек нападает приступ истерического хохота. В ее устах это звучит совсем не весело, а скорее мрачно, как будто она хохочет над мучениями своих врагов. Все еще смеясь, она стягивает фиолетовые волосы в неряшливый пучок.

— «Во избежание падения спроса», — выговаривает она сквозь смех. — Боже, Таш, мы же не бизнесмены какие-нибудь!

— А кто мы еще? — Это начинает меня раздражать. — Кино - это искусство, но и бизнес тоже. Мы можем на этом зарабатывать. Хотя через Кикстартер, хоть, например, через платную рекламу. И нам нельзя терять публику. Иначе это будет хуже, чем если бы мы так и сгинули в неизвестности. Мы лопнем, как мыльный пузырь!

Джек с тусклым, безразличным взглядом прислоняется к стене и зевает:

— Ты слишком заморачиваешься. Мы буквально только что проснулись знаменитыми. Мы имеем полное право не торопясь во всем разобраться!

— Но я уже во всем разобралась! — повышаю голос.

Ненавижу, когда Джек становится такой холодной и безразличной.

— Я до четырех утра сидела и разбираюсь!

— Я-то тебя об этом не просила! Мы, вроде, договаривались все спланировать вместе...

Тут она права, так что я говорю только:

— Ты сегодня какая-то вредная.

Джек поднимает проколотую бровь:

— Ты меня вообще знаешь?

— Но ты не можешь просто так критиковать мой план и не предлагать ничего своего!

— Хорошо. Я предлагаю не писать Тейлор Мирс, а... короче, не писать ей. И не бегать с вытаращенными глазами, а, черт возьми, расслабиться!

Я представляла все это совершенно иначе. Джек должна была обрадоваться, что я уже расписала все по пунктам, и согласиться, что они уместны. Джек следовало поддержать меня. Так что, и правда, знаю ли я ее? Джек - настоящая Джек - никогда бы так себя не повела. Да Сколько бы раз мы ни спорили на эту тему: сколько бы я ни настаивала на порядке, а она - на хаосе, до меня никогда не дойдет, как она может быть такой... расслабленной.

Ругаться прекрасным воскресным утром мне не хочется, так что я убираю когти и продолжаю:

— Мы уже предварительно распланировали съемки до конца лета, — перехожу на вторую страницу файла. — Но, думаю, надо согласовать даты раз и навсегда. Следует убедиться, что никто из актеров не подведет. При таком росте аудитории мы не можем позволить себе выбиваться из расписания!

Джек прикрывает глаза и склонила голову к стене:

— Мы можем позволить себе все, что угодно. У всех бывают перерывы между сезонами, посреди сезона... Технические трудности тоже никто не отменял. Все нормально будет!

Я снова выпускаю когти и не могу втянуть их обратно. Я похожа на оборотня при полной луне.

— Ты все время повторяешь, что все будет нормально, но ты забываешь, кто следит, чтобы все было нормально. Это, между прочим, я. Все нормально, потому что у нас всегда есть план. Потому что я все продумываю. Я знаю, что из тебя вышел бы хреновый руководитель, но хотя бы не мешай мне делать всю работу за тебя!

Джек открывает глаза и выпрямляется:

— Ты делаешь все за меня. Круто. Видимо, ролики просто берут и сами монтируются. А на следующей неделе ты скажешь, что величайший роман всех времен и народов тоже ты написала? Толстой - твой псевдоним, да?

— Прекрати, я совсем не об этом!

— Да плевать. — Джек сползает с кровати. — Давай, делай все за меня, а я пойду. — И хлопает дверью.

— М-да, — произносит Пол.

Я хватаю подушку, слезаю с кровати и пихаю Пола в бок:

— Подвинься, я тоже буду медитировать.

Пол переворачивается на живот, освобождая весь участок пола, на котором только что лежал. Я кидаю подушку на пол, сажусь на нее, скрещиваю ноги и сосредотачиваюсь.

— Мне выйти? — спрашивает друг.

Я мотаю головой, потом поднимаю руки ладонями кверху и соединяю большие пальцы с указательными.

— Ладно, — говорит он, — тогда просто помолчу.

Пол молчит, а я начинаю медитировать о любви и доброте по отношению к Джек, потому что мне больше всего на свете хочется как следует двинуть ей по башке. Я выполняю ритуал, которому мама научила меня, когда мне было десять. Сначала я выравниваю дыхание: вдох через нос, выдох через рот. Потом представляю себе самое милое животное на свете - щенка кокер-спаниеля. Я чувствую к нему симпатию и безусловную нежность. Я сосредотачиваюсь на этих эмоциях и медленно, но верно переношу их на Джек. Я желаю ей только добра. Я желаю ей душевного покоя.

Пять с лишним минут спустя я все еще бешусь, но уже не киплю, а тихо побулькиваю.

— Ты опять представляла Джек щенком? — шепчет Пол.

Однажды я имела ошибку рассказать друзьям, как медитирую о любви и доброте, и Пол решил, что это самая смешная вещь на свете. Это чрезмерно веселит его до сих пор.

— Недаром говорят, что нельзя вести бизнес с друзьями, — произношу я.

— Чепуха. Куча друзей вместе занимались одним делом! Льюис и Кларк. Братья Райт. Ну, Зигфрид и Рой...

— Это уже за уши притянуто.

— Может быть. Но вы двое даже не предприниматели! Вы создаете искусство. Какое искусство без взаимопонимания?

— Она меня бесит!

— А ты ее. Так и живем.

Я откидываюсь на спину и поворачиваюсь к Полу. Тот зарылся лицом в ковер.

— Вот мы с тобой друг друга почему-то не бесим!

— О чем ты, Зеленка? Ненавижу тебя до мозга твоих источающих всепрощение костей!

— Смешно.

Нас накрывает тишина и пыль, летящая в лучах солнца. Я протягиваю левую руку и захватываю в ладонь Пола. Наши пальцы находят привычные места и сплетаются. Мы держались за руки с детства, еще до того, как это стало значить что-то не то. Это ничего такого не значит даже сейчас. Потому что мою ладонь сжимает не кто-нибудь, а Пол.

— Когда ты выберешь предметы? — спрашиваю я.

— Через пару недель.

— Ты уже знаешь, куда запишешься?

— В первом семестре нет ничего особенного. Им надо убедиться, умею ли я писать и считать... Хороший вопрос, кстати.

— Прекрати! — Я пихаю его коленом.

Пол всегда принижает себя во всем, что касается учебы. Да, согласна, его оставляли на второй год в первом и пятом классе, у него совсем не идеальный средний балл и не слишком хорошие результаты вступительных экзаменов. Но он подал документы в муниципальный колледж Лексингтона, как будто у него не было другого выбора. Он даже не пытался поступить в Кентуккийский университет, не говоря уже о том, чтобы уехать из штата.

Пол остается в Лексингтоне из-за отца. Четыре года назад мистер Харлоу напугал всех до полусмерти, когда во время ежегодного медосмотра у него нашли начальную стадию рака простаты. Врачи сказали, что им очень повезло обнаружить болезнь на ранней стадии, и немедленно подвергли пациента всем необходимым процедурам.

Потом все происходило как в кино. Мистер Харлоу выглядел больным и слабым, подолгу не выходил из дома. Друзья семьи роились вокруг с молитвами, домашней едой и предложениями помощи. Миссис Харлоу несколько раз ревела моей маме в трубку. Папа много готовил. А потом в один прекрасный день врачи объявили, что у мистера Харлоу настала ремиссия.

Но ни один фильм не мог подготовить меня к тому, как все это повлияет на Пола и Джек. С Джек было хуже всего. Она всегда была мрачной, так что иногда я не могла понять, что она по-настоящему расстроена. Можно было сидеть с ней на одной кровати несколько минут, прежде чем заметить, что по ее лицу льются слезы. В тот год Джек впервые покрасила волосы. Это было нечто: одна половина - розовая, другая - оранжевая. Меня удивляло, что Джек пошла этой дорогой. Так... предсказуемо. Но ей было плевать, что она соответствует всем стереотипам. Ей всегда было плевать на чужое мнение. Настолько что, стоило ей заподозрить, будто учитель хорошо к ней относится, она тут же намеренно громко ругалась на уроке или заваливала тест. Я наблюдала это снова и снова, но после болезни мистера Харлоу все стало еще хуже.

С Полом все было проще - неуверенность и страх. Он никогда не боялся плакать или обниматься на людях, так что мне было чуть легче понять, каково ему пришлось.

Я видела, как месяцы гормональной терапии отца выворачивают Пола наизнанку, видела сползающую с его лица улыбку и пустой взгляд - известные симптомы душевной боли. В тот год я постоянно обнимала Пола и обнаружила, что, даже когда я пытаюсь его утешить, он обнимает меня в ответ так, как будто это меня нужно успокаивать.

В отличие от нас, Пола не взбодрили даже хорошие новости. Позже, когда Джек рядом не было, он сказал мне, что у него дурные предчувствия:

— Болезнь вернется снова.

Я была так поражена, что могла лишь произнести, как робот:

— Врачи говорят, что у него очень хорошие шансы.

— Знаю, но меня не отпускает чувство, что все повторится, и в самый неподходящий момент. В его день рождения, на свадьбе Джек, в Рождество. Это всегда случается ровно тогда, когда не может случиться.

Я так и не смогла представить себе, чтобы Джек согласилась на классическую брачную церемонию, но спорить с остальным было сложно. Мистер Харлоу узнал о своем диагнозе в самое неудачное время, как раз когда его повысили на работе, да еще и прямо перед Днем благодарения. Но разве для таких вещей вообще бывает подходящий момент? Когда может быть удобно сообщать дурные новости?

— Я никогда не хотел уезжать из Лексингтона, — говорил мне Пол. — Никогда не мечтал вырваться отсюда, как, наверно, положено мечтать в старшей школе. А теперь я точно знаю, что не уеду. Просто не могу.

Я была не согласна, но решила, что не имею права спорить.

А вот запретить Полу себя принижать я вполне могу. Так что я пристально смотрю на него, когда он не реагирует на мой упрек, и чуть сильнее пихаю его коленом.

— Преподаватели в тебя влюбятся, — говорю я, сжимая его ладонь в своей. — Ты же идеальный ученик. Внимательный. И вопросы задаешь.

— Глупые вопросы, ага. Что ты вообще такое говоришь? Плевать, что я плохо делаю задания и заваливаю все контрольные, если я умею очаровать преподавателя?

— Нет, но оценки вещь субъективная. Преподаватель может зависить тебе оценку, потому что ты ему нравишься.

— И откуда ты это знаешь?

— Я много чего знаю... — мой шепот задумывался как театральный, а вышел просто тревожным.

— Иногда ты меня просто дико пугаешь, — замечает Пол. — Хуже Джек, честное слово.

— Когда ты вырастешь и станешь автором комиксов, — начинаю я (Пол правда собирается им стать), — я куплю гору одноразовых телефонов и каждую неделю буду разыгрывать тебя. Буду выдумывать всякие дурацкие заказы. Ну и пару замогильных шепотков изображу.

— Жду с нетерпением!

Я сажусь на подушку, чувствуя себя скорее тряпичной куклой, чем семнадцатилетней кучей мяса и костей.

— Надо найти Джек, — произношу я.

Пол кивает, погружая нос в ковер:

— Ага, идем, поищем.

Он резко поднимается на ноги, протягивает мне руку, за которую я держалась, и тянет вверх так лихо, что я пролетаю несколько шагов по направлению к двери.

Джек находится быстро. Она уединилась на кухне и жует бутерброд с арахисовым маслом и медом. Рядом лежит второй такой же. У Пола сильная аллергия на арахис, и Харлоу предпочитают совсем не держать его дома, поэтому Джек постоянно съедает все мои запасы.

— О, моя слабость, — замечает Пол и прислоняется к холодильнику.

Я со скрипом подвигаю табуретку, сажусь рядом с Джек и беру второй бутерброд. Откусываю, жую, глотаю.

— Прости, — говорю я наконец. — Ты делаешь кучу всего, и я это помню.

— Я знаю, что ты помнишь, — фыркает Джек. — Ты представила меня пушистым щенком?

Я стираю с нижней губы арахисовое масло:

— Пушистее некуда!

— Так, — говорит она, — я согласна с тем, как ты разделила обязанности. Я сделаю свою часть, и если тебе хочется накатать огромное сопливое послание Тейлор Мирс, всегда пожалуйста. Я просто... — Джек постукивает по краю тарелки и разворачивает ее на сорок пять градусов. — Я не хочу позволить этому всему разрушить мою жизнь. Искусство любит разрушать людям жизни. Тебе, может, и нормально, но история показывает, что величайшие творцы вели себя с близкими людьми, как полные сволочи. И Толстой не исключение. Я не собираюсь становиться такой. Я не собираюсь бросать семью, чтобы отправиться в русские поля и жить как крестьянин.

— Хорошо, что ты сказала, а то мне не дает спать по ночам загадка, а не сбежит ли Джек в Сибирь.

Я предпочитаю не заметить гадости в адрес моего любимого Лео, потому что мы сейчас не об этом.

Джек недоволен на меня смотрит. Я смотрю в ответ. Вот и помирились.

— И еще одно, — добавляю я. — Надо все обсудить с актерами. В следующее воскресенье мы снимаем всем составом. По-моему, идеально.

— Ставлю десять баксов, что Джордж уже написал свою речь для «Золотой тубы»! — отвечает Джек.

— Вы ненормальные! — стонет Пол.

Сегодня мы с родителями обедаем втроем. Клавдия проводит время с Элли и Дженной и планирует все выходные праздновать и не объявляться дома. Я знаю, что это тяжело для папы. Не то чтобы он заводил любимчиков, у них с Клавдией просто особая духовная связь. Что забавно, ведь, по логике, он должен предпочитать меня. Я громко разговариваю и люблю театральные жесты, совсем как он, а Клавдия более сдержанная, как мама. Может быть, тут дело в том, что моя старшая сестра совсем другой человек, но при этом разделяет его интересы. Ей нравится готовить, а я не отвечу вам, зачем нужна шумовка. Она может часами обсуждать статистику баскетбольных матчей, а я буду орать во всю глотку во время «Мартовского безумия» или любого другого матча. Но не собираюсь заучивать, кто сколько раз подал, если игроки все равно на будущий год уйдут в следующую лигу. Клавдия хочет стать инженером, как папин отец, а у меня, конечно, с математикой нормально, но я предпочитаю театр, литературу и другие вещи, в которых не существует единственного верного ответа.

Семейные духовные связи, наверно, волновали бы меня сильнее, не будь я уверена, что мама-то больше любит меня. Не так, конечно, как у Стейнбека, просто выделяет меня чуть чаще. Быть может, большая часть всего этого - поправки, которых никогда не было у Клавдии, улыбки и подмигивания - совершенно нормальна для младшего ребенка в семье. Быть может, дело в том, что я регулярно медитирую, а Клавдия в десятом классе во всеуслышание объявила, что она теперь атеист, а никакой не буддист. Все может быть.

Даже если бы я не уловила папиного настроения сразу, я бы увидела его по еде. Папа приготовил гуляш, а он готовит его только когда грустит. Воздух в столовой пропитан густым мясным духом, а папа раскладывает крупные, только что разрезанные клецки в тарелки с гуляшом.

На самом деле, мясной дух исходит только из папиной тарелки, потому что мы с мамой мясо не едим. Для нашей семьи это нормально: папа готовит на всех, причем делает им с Клавдией мясные блюда, а нам - вегетарианские. Обычно все довольны, но вегетарианский гуляш это грустно, потому что вся фишка в говядине.

Рецепт гуляша принадлежит бабушке Зеленке, поэтому мы едим его в том месте, где чаще всего бывает ее дух - в столовой, где рядами стоит фарфор с цветочным орнаментом и хрустальные бокалы. Все, что накопилось за полвека, с тех пор, как папины родители приехали из Праги в Лексингтон.

Бабушка и дедушка Зеленки погибли в автокатастрофе, когда мне было девять. Смерть в автокатастрофе это всегда ужасно, но в их случае это было особенно нечестно: вся их жизнь была так величественна, а съехать в темноте с проселочной дороги - жалкий конец.

Дедушка и бабушка жили в Праге во времена Холодной войны. В начале 1968 года им было немного за двадцать. Если вы не слишком сильны в чешской истории, это был год, когда коммунистическое правительство провело много реформ: у чехов резко прибавилось прав, и они, обезумев от свободы, принялись творить всякие безумные и опасные вещи вроде продажи не прошедших цензуры газет и экспериментов с рок-н-роллом. Бабушка Зеленка всегда повторяла: «Это было чудесное время. Ужасное и чудесное». Она говорила это так часто, что мы с Клавдией в конце концов придумали слово «чужасный». И вы не представляете, насколько полезным оно оказалось.

Так или иначе, в июле 1968 года мой дед получил предложение прочитать курс лекций по химическому машиностроению в Кентуккийском университете, так что они с бабушкой переехали в Штаты. А через три недели Советский Союз такой: «Эй, что за фигня в Праге творится, мы вводим танки! Мы Борг. Сопротивление бесполезно. Вы будете ассимилированы». Конечно, это наполовину моя формулировка и наполовину цитата из «Звездного пути», а бабушка выразилась более красноречиво: «А потом пришли советские засранцы и сделали то, что они хорошо умеют - все порушили».

С какой стороны ни посмотри, чехам не повезло, и дедушка с бабушкой посчитали себя счастливыми, когда им удалось получить визы и переплыть Атлантический океан. Дедушку пригласили преподавать на постоянной основе, и они вдвоем осели посреди Кентукки. И теперь мы, их отпрыски, сидим в знавшем лучшие времена домике середины прошлого века немного к западу от Аппалачей и едим гуляш. Жизнь странная штука.

Я беру клецку и макаю в тарелку. Тесто впитывает соус и становится коричневым.

— Таша, ты какая-то тихая, — замечает мама.

Мы с Клавдией шутим, что мама постоянно заставляет людей говорить. Юмор в том, что она изучает речевые патологии, но что-то в этом есть. Мама умеет ненавязчиво, исподволь раскручивать людей на разговор. Я подозреваю, что это связано с ее новозеландским акцентом, который она не меняла даже после двадцати лет жизни в Штатах. Я говорю «меняла», а не «избавлялась», потому что мама специалист по акцентам. Если ей приспичит, она легко сойдет за шотландку, а за кентуккийку уж тем более, но она предпочитает так не делать.

— Думаю про бабушку с дедушкой, — отвечаю я честно, прежде чем осознать, что папе и так тоскливо. Я смотрю в его сторону: у него в глазах застыло пустое, отрешенное выражение. Он тут же замечает мой взгляд, встряхивается и улыбается:

— Что ж, — заявляет он, стукнув по столу кулаком, — они бы вами двумя точно гордились! Одна поступила в Вэнди, другая - будущий Вуди Аллен!

— Пап, — корчу я гримасу, — я ж тебе говорила, что ненавижу его! Если уж сравниваешь меня с кем-то, пусть это будет Орсон Уэллс. Или Элиа Казан.

Папа зачерпывает огромную ложку мяса и с набитым ртом произносит:

— Ничего так амбиции! — И подмигивает мне.

Я закатываю глаза.

— Кстати... — начинаю я и понимаю, что не могу толком сформулировать новости.

Но без этого уже не обойтись, потому что родители заинтересованно смотрят на меня.

— Кстати? — торопит мама.

— Ну... Вчера у нашего сериала неплохо так прибавилось фанатов. О нас упомянула одна знаменитость, и у нас совершенно бешеные просмотры.

— Таша, это чудесно! — тепло отзывается мама.

— Прекрасные новости, — соглашается папа. — Это тот, который про чай?

Я напоминаю себе, что мои родители на тридцать лет старше меня и просто не могут во всем этом разбираться так же, как я.

— Про чай - это влог, — объясняю я. — А сериал - это современная версия «Анны Карениной».

— Ну и амбиции, — с улыбкой повторяет папа. — Моя девочка!

Мне очень приятно, что папа мной гордится, а еще, что я отвлекла его от мрачных мыслей. Но, как выясняется, отвлекла ненадолго, потому что он тут же говорит:

— Не могу поверить, что теперь так будет всегда. Начинай уже привыкать, что ты единственный ребенок. Мы утопим тебя в заботе, так что думать забудь о парнях. Добром это не кончится.

— Спасибо, папа, — сухо отвечаю я.

Лучше не добавлять, что так будет не всегда, а только в течение года. Потом я тоже поступлю в колледж. Первым - и, если честно, единственным - пунктом в моем списке идет Вандербилт. Мне нравится Нэшвилл, а еще в Вэнди отличная школа кино. Но мисс Детер, специалист по профориентации, постоянно повторяет, что с моими оценками попасть в Вандербилт будет непросто, а с самого начала специализироваться на кино не слишком практично.

— Вообще не спеши с выбором направления, — говорила она в марте. — Тебе нужен университет с широким выбором специальностей. Если ты решишь, что кино не

для тебя, всегда сможешь получить какое-нибудь другое образование. А если это правда твое, ты сможешь поехать стажироваться или учиться дальше в Лос-Анджелес или в Нью-Йорк с более широкой степенью бакалавра искусств.

Мисс Детер не только отговаривает меня от кино, но и думает, что мне надо забыть про Вэнди и поступать в Кентуккийский университет.

— Ты можешь получить неплохие знания в сфере коммуникаций, искусства или, возможно, английского языка, — предложила она в доблестной попытке, не знаю, профессионально ориентировать меня, что ли? — А еще тебе почти ничего не придется платить за обучение, потому что ты в своем штате и посещала Губернаторскую школу искусств. Просто хорошенько все обдумай, Таш.

Я об этом думала. И вот что надумала: если я не вырвусь из Лексингтона, застряну тут насовсем. Я придумаю кучу оправданий тому, что так ничего и не добились, сопьюсь и стану типичным персонажем песни Брюса Спрингстина.

Да, я, конечно, не Клавдия. Мне не хватит мозгов на стипендию в частном университете вроде Вандербильта. Мне еще очень, очень повезет, если меня вообще примут. И да, я помню, что это будет очень дорого стоить, но разве не все так живут? Разве не на всех, кому за двадцать, висит неподъемный долг за образование? И потом, это же Вандербильт! Каменная кладка, решетки и башни из слоновой кости! А Кентуккийский университет это женское общество и уродливые экспериментальные здания из семидесятых. Это подземные туннели и бешеные пробки в футбольный сезон. А еще он такой... знакомый. Я всю жизнь ездила по его улицам, играла на пианино в Школе искусств и смотрела постановки в корпусе Комплекса изобразительных искусств. Мне нужно какое-то разнообразие. Какой-то отдых от штата Кентукки. Место, где я не встречу снова с половиной своих одноклассников.

И нельзя сказать, что я поступаю совсем уж безответственно. У меня есть план. Я смотрела информацию по студенческим займам и стипендии, а еще летом работаю в Old Navu. Да-да, я в курсе, что моя зарплата за все лето не покроет даже стоимости учебников за один семестр, но я делаю хоть что-то. Я делаю все, чтобы моя мечта сбылась. Так должно выглядеть целеустремленное движение к цели. Правда же?

— Мы с папой хотим посмотреть фильм, — произносит мама, разрезая вилкой клетку. — Хочешь с нами? Мы можем доехать до «Крегера» и посмотреть, что там идет.

Я медленно жую. В последнее время мама с папой слишком часто предлагают проводить время вместе. Окончание школы - всегда большое эмоциональное потрясение для родителей, и они, похоже, решили зажать меня между собой на диване, чтобы притупить боль от скорой разлуки со старшей дочерью. Перспектива ее слишком приятная, даже не будь у меня желания пропаяться в ноутбук весь остаток вечера.

— Если честно, я немного устала, — осторожно отвечаю я.

Папа немного грустно спрашивает:

— Может, как-нибудь на днях? Соберемся все вчетвером. Позволим вам выбрать фильм.

Это значит - позволят выбрать Клавдии, потому что у нас с ней диаметрально противоположные вкусы, а у нее сейчас «последнее лето» и ей все можно.

— Да, будет круто, — говорю я вслух. — А сегодня не буду портить вам романтический вечер.

Мама беззаботно смеется:

— Да-да, я, папа, Том Круз и бутылка «Шардоне». Очень романтично!

— Мы настоящая богема, — подхватывает папа и тянется через стол, чтобы взять маму за руку.

— Идите, запритесь где-нибудь, — добродушно советую я и уношу тарелку со стаканом на кухню.

Помыв посуду, посылаю родителям воздушный поцелуй и спешу наверх - проверить, как там дела у сериала. Мне даже почти не стыдно, что я не провожу вечер с семьей.

Воскресенье, последний день мая, и я снова вспотела. Мне каждый раз кажется, что теперь-то я включила кондиционер достаточно сильно и наш актерский состав не сварится, но каждый раз ошибаюсь. Тепла тел девяти человек достаточно, чтобы превратить мою комнату в сауну, и это немного пугает. А ведь мы еще прожекторы не включали!

В сборе все, кроме Евы, приславшей смску, что она опоздает минут на десять.

Я, выпрямив спину, в очках для чтения и с толстой желтой папкой на коленях, сижу на кровати рядом с Джек. С другой стороны от Джека сидит Джей Прасад и смеется над шуткой Серены Бишоп так, что трясется кровать. Сама Серена сидит за столом, скрестив ноги, и изображает персонажа какого-то непристойного мультика для взрослых. Она способна мгновенно изобразить любую знаменитость с таким шиком, что любые комики от зависти удавятся. Она чертовски талантлива, это видно невооруженным глазом. Поэтому она играет Анну Каренину.

Мы с Сереной познакомились в первую неделю обучения в Губернаторской школе искусств. С Джеем мы сдружились еще с первого вечера: он попросил разрешения сесть рядом со мной, потому что на мне была футболка с покемоном, а, по его словам, «фанаты Чармандера по-любому круты». Мы с Джеем приехали на разные программы: он изучал актерское искусство, я - интернет-журналистику, и у нас не было ни одного общего занятия. Зато они с Сереной учились вместе, и стоило им подружиться, как мы с ней тоже сдружились.

Так это и работало: друг твоего друга - твой друг. Думаю, дело в том, что все, кто попал на программу, были примерно из одного круга - странная, чуть неформальная творческая молодежь. Мы те, кто сидит в школе допоздна. Те, чьи выходные под завязку забиты репетициями, настройкой оборудования и концертами. Единственная разница была между теми, кто учился в обычных государственных школах, и студентами театральных училищ. И знаете, что я скажу? Не все ребята из училищ надутые индюки, но все надутые индюки оттуда. Это примерно как квадраты с прямоугольниками.

Серена учится в Лексингтонском театральном училище, она высокая, красивая и по-взрослому изящная. Первые несколько дней я даже дышать рядом с ней боялась, но потом я как-то обедала с кучкой актеров, а Серена вдруг встала на стул и на спор выпила залпом два литра фанты. Под конец по ее смуглому лицу и шее струились целые ручейки оранжевой жидкости. Я восхищенно наблюдала за ней и так поняла, что Серена Бишоп чокнутая, веселая и совсем не заносчивая.

Следующие две недели нас с Джеем и Сереной было не разлить водой. В день отъезда мы прощались со слезами на глазах. Особенно отличились они вдвоем (ну да, актеры). Но нас немного утешало, что мы живем меньше чем в тридцати милях друг от друга: я и Серена - в Лексингтоне, Джей - рядом с ним, в маленьком городе Николасвилле. Так что мы пообещали друг другу, что будем держать связь. И это обещание стало довольно сложно нарушить, когда в декабре мы с Джек объявили кастинг на «Несчастливые семьи».

Лучших кандидатов на роли Анны и Алекса было не найти, но Джек пару дней вела себя странно. Она все время повторяла: «Да, конечно, но не факт, что они действительно подходят» и «Не надо спешить с выводами, это две главные роли, еще будет много прослушиваний». В конце концов я спросила прямо:

— Ты так говоришь потому, что мы познакомились на программе?

Джек не ответила, что значило - да.

Сама она туда не попала, и не потому, что ей не хватило таланта. При чем она даже отправила заявку на отделение изобразительного искусства, не забыв приложить портфолио, отзывы от учителей и мотивационное письмо. Вот с ним у нее не вышло. Джек породила вот это:

«Глубокоуважаемые Соль и Грязь Земли!

Вы же все из себя такие сливки мира искусства, ага? Сидите там со своими степенями магистров искусств и дипломами Джульярда да отбираете нас в свою программу, как будто это конкурс красоты. Я знаю кучу талантливых художников, которые подали заявку к вам, а вы их завернули. И знаете, почему? Потому что искусство всегда субъективно и в итоге все сводится к тому, что судьям нравится, а что нет. Но вы ведете себя так, как будто место в вашем лагере это какая-нибудь медаль. Как будто ваши выпускники сдали какой-то крутой тест, а все остальные провалились.

Знаете, так это не работает.

Думаете, Ван Гог, Клэптон или Тарантино к вам бы поехали? Не-а. Они были слишком заняты тем, что творили прекрасное по-настоящему, пробовали и ошибались, не нуждаясь в вашем сиятельном одобрении.

Прикрепляю свое портфолио. По-моему, оно обалденное, и ничье мнение меня не интересует.

С наилучшими пожеланиями пойти на фиг,

Джеклин П. Харлоу»

Несколько дней я отчаянно пыталась отговорить Джек посылать заявку в таком виде. И каждый раз она спокойно отвечала: «Я не собираюсь менять свое мнение, зачем что-то менять в письме?»

Нет, я прекрасно понимаю, о чем она. Я тоже знаю несколько реально талантливых ребят из «Кэлхаун-хай», которых не приняли в Губернаторскую школу искусств. И я согласна, что вся эта затея ничуть не объективнее какого-нибудь конкурса красоты. Но если мне дали шанс поучиться искусству режиссуры и написания сценариев у настоящих профессионалов, познакомиться с ровесниками-единомышленниками со всей страны и, в конце концов, заслужить стипендию, зачем его упускать? Иногда приходится играть по чужим правилам. Если вы, конечно, не Джек Харлоу. Тогда вы можете слушать только себя, и плевать, скольких возможностей лишитесь во имя своего мнения.

Мне не нравится, когда Джек начинает выкидывать такие фокусы. Если честно, меня это пугает, потому что, если уж она вышла на тропу войны, кто-то окажется прав, а кто-то виноват. И, хотя я предпочитаю думать, что Джек просто придирается к губернаторской программе, иногда в глубине души мне кажется, что неправа тут как раз я. Может, я слаба духом, продажна и вообще греческие философы в один голос советовали не иметь со мной дела. Может статься, Джек - более цельная личность, чем я.

Она не ругала меня за то, что я подала заявку. Не подкалывала, когда меня приняли. Все три недели, пока я жила в общежитии Трансильванского университета, она посылала мне письма и открытки. Ни пафоса, ни осуждения, ни закатывания глаз. Когда я вернулась и привезла с собой короткометражку, которую сняла моя группа, Джек посмотрела ее с должным энтузиазмом. Она даже признала, что Серена - талант. Но когда дошло до дела, когда мы сидели на моей кровати среди кучи резюме, фотографий и черновых списков состава, Джек долго отказывалась одобрить кандидатуры Джея и Серены, и я понимала, почему. Они ездили на программу. Они продались, а значит, я тоже. Это было обидно.

— То, что тебя там не было, не делает тебя лучше, — заметила я.

— Не в этом дело! — ответила она.

— Да ну?

— Слушай, — наконец призналась Джек, — я боюсь, что вы трое образуете какую-нибудь свою компашку по интересам, вот и все. Вы прожили вместе эти три недели, и теперь вы будете это обсуждать и вспоминать внутренние шутки, которых я не пойму.

Никогда не думала, что Джек может быть такой ранимой. Я не могла осудить ее.

— Мы не будем, — ответила я. — Обещаю. Мы все слишком заняты новыми проектами, чтобы обсуждать прошлое. Лучше обсудим будущее.

Это ее убедило. Может быть, не полностью, но мы наконец утвердили список актеров, где первыми шли Серена и Джей. И, как я и обещала, мы действительно особо не упоминали программу. По крайней мере, не так часто, чтобы разозлить Джек.

Еву, Джорджа, Тони и Брукса мы нашли на прослушивании с чтением с листа, которое мы - с помощью мистера Варгаса, преподавателя театрального кружка - устроили в концертном зале «Кэлхаун-хай». Ева Ханикатт училась всего-навсего в десятом классе, но я знала ее по нескольким школьным постановкам. Она играла всякие роли типа Третьей Цветочницы или Девочки из Хора, которые дают всем младшеклассникам, прежде чем взросление откроет им другие двери. Но мы с ней ставили достаточно этюдов на импровизацию, чтобы понять - она справится с главной ролью. К тому же у нее просто идеальное лицо для Китти: тонкие черты, розовые щеки и божественный нос. Ева подрабатывает моделью у местных предпринимателей, и это видно. Она всегда точно знает, как поставить подбородок и насколько опустить ресницы, чтобы выглядеть максимально мило. А еще у нее тонкий, певучий голос. Ни одна из участниц прослушивания и близко не подошла к детской наивности Китти Щербацкой, а ей удалось попасть в яблочко.

Джордж Коннор как раз такой самовлюбленный болван из театрального училища, о которых я уже упоминала, но, черт возьми, свое дело он знает. Он учится в одной школе с Сереной и уже дважды летал в Лондон по приглашению Королевской академии. Он всегда настроен серьезно, а еще непрерывно спрашивает меня, может ли «немножко изменить строчку-другую», и в итоге с листа переделывает половину текста. Хуже всего, что я даже злиться на него не могу, потому что импровизирует он хорошо. Даже, признаться, лучше, чем я пишу сценарии. Когда мы начинаем съемку, Джордж превращается в добродушного, слишком искреннего Левина. Между ними с Евой летают искры, их видно невооруженным глазом. Так что мы стараемся не замечать, когда он начинает выпендриваться, и смеемся над ним только за глаза.

Брукс Лонг учится актерскому мастерству на втором курсе Кентуккийского университета. Мы с Джек немного обалдели, когда он пришел на прослушивание. Мы, конечно, развесили объявления по студгородку, но даже не надеялись, что студент придет прослушиваться в школу и воспримет нас всерьез. Я прекрасно знаю, как несолидно мы с Джек выглядим и какие - процитирую папу и его любимые книги - у нас большие амбиции. Если честно, большие до смешного. Потому что спросите нас, сколько великих романов мы уже адаптировали - нисколько; сколько веб-сериалов сняли - тоже нисколько; и какой у нас вообще опыт обращения с камерой - да почти никакого.

По счастью, Брукс решил дать нам шанс. По еще большему счастью, он идеально подошел на роль Стивы. Он сделал из него потрепанного жизнелюба, обаятельного грешника. Брукс всегда сохраняет деловой настрой. Он даже не остается с нами потусоваться после съемок, но это не из стремления выделиться. Он просто... старше. Пропать между последним семестром старшей школы и первым семестром университета нам пока не пересечь.

Сейчас Брукс прислонился к дверце моего шкафа и болтает с Клавдией. Естественно, он спрашивает ее про Вандербильт, потому что студенты обычно обсуждают свои университеты. Я просматриваю основные пункты сегодняшней части сценария: пометки о том, как должны стоять персонажи, куда повернуть камеру, какое включить освещение. И слышу кусочки их разговора. Брукс спрашивает Клавдию, почему она не хочет взять в качестве дополнительной специальности актерское мастерство, ведь у нее так хорошо получается. Моя сестра отвечает, что хочет полностью сконцентрироваться на инженерном деле, раз уж она такая идеальная и у нее слишком много талантов.

Ну, я немного утрирую, конечно.

Иногда я жалею, что предложила ей роль Долли. Год назад Клавдия не была такой напыщенной. Когда мы с Джек рассказали ей о нашей грандиозной задумке, она не на

шутку увлеклась и потребовала, чтобы мы перестали задаваться бессмысленными вопросами и сняли уже сериал, пока та же идея не пришла в голову кому-нибудь еще. Потом я сказала, что она очень похожа на мой образ Долли, заботливой, убитой горем спутницы своего неверного мужа Стивы (в «Несчастливых семьях» - неверного парня Стивы). Клавдия ответила, что даже сходить на прослушивание будет весело, а дальше все как-то само сложилось. Они хорошо сошлись с Бруксом, да и память у нее как у машины, так что она всегда говорит все слово в слово. Так Клавдия стала одной из нас.

А еще у нас есть Тони Дэвис, Вронский. И его интерес к сериалу такой же естественный, как интерес профессионального игрока в гольф к ядерной физике. Это просто необъяснимо. Тони уже ангажирован под завязку: он ходит на вечеринки, играет в группе - их музыка звучит, как попытка смолотить ногти в мясорубке, но это группа. До нашего сериала он даже близко не подходил ни к школьным спектаклям, ни к театральному кружку. Я даже не знала, что он может играть. А потом Тони собственной персоной явился на прослушивание, в кожаной куртке и с ирокезом. Он был графом Алексеем Кирилловичем Вронским во плоти. Тот самый типаж.

Так и собралась наша уютная компания: семь актеров, два режиссера. Итого девять людей. Прямо как Братство Кольца. Ладно, не совсем. Разве что у меня в голове. Я уже мысленно выбрала себе роль Гимли, потому что, ну серьезно, кто может быть круче Гимли?

— Не пора ли начинать? Еве потом кто-нибудь расскажет.

Я отрываюсь от сценария: надо мной, скрестив руки, навис Джордж.

— Она уже вот-вот придет, — отвечаю я, закрывая колпачок маркера.

— Ага, но не слишком-то честно, что мы все пришли вовремя, как настоящие профессионалы, и ждем ее.

Для Джорджа это нормальное поведение - все время говорить о профессионализме и намекать, что все остальные даже не знают, что это такое. Обычно мне плевать. Повторюсь, это невысокая цена за хорошую игру. Но сегодня мое терпение на исходе. Мысли заняты наполовину сценарием, наполовину упоминаниями в соцсетях. Черт возьми, ночью мне приснилось, как я разгребаю уведомления!

— Джордж, — начинаю я, прижимая ладони ко лбу, — давай ты...

— Хорошо, давайте начинать.

Я удивленно смотрю на Джек: она никогда не прогибалась под Джорджа. Но, судя по ее лицу, у нее терпения еще меньше моего.

— Так, ребята... — Джек не кричит. Кричать она начинает, только когда злится, а не радуется или волнуется, и уж точно не станет повышать голос, чтобы привлечь внимание. Для этого она использует скучающий тон, каким обычно читают телефонный справочник. Конечно, никто ее не слышит.

А вот я кричать умею.

— Слушайте, все! — Я встаю и машу руками. — Эй, там, давайте начинать!

Джордж садится за мой стол с надменной улыбкой на так и просящемся под кулак лице.

Все затихают, только из наушников сидящего на полу Тони слышится какое-то хрипение. Он поднимает голову, быстро извиняется и выдергивает наушники из плеера. Но я успеваю узнать песню: Тони слушал сам себя. Свою собственную группу. Боже. Будь его самооценка шариком с гелием, моя спальня оторвалась бы от дома и улетела бы к луне.

Все смотрят на меня. Я прочищаю горло и оттягиваю пропотевший ворот футболки. Определенно надо было сбегать в коридор и отрегулировать температуру, прежде чем толкать подготовленную речь. Но теперь поздно, я уже переключилась в режим оратора:

— Отлично, — начинаю я. — Думаю, все вы уже успели прочесть мое письмо и насладиться бумом в сети. Сегодня утром у нас было почти шестьдесят пять тысяч

подписчиков, и это невероятно. К этому мы и стремились - к известности, к активным фанатам. Еще мы, похоже, сможем собрать денег на новые проекты. И, конечно, если мы начнем сбор средств, можно будет заплатить вам некоторую сумму за вашу игру. Мы хотим, чтобы каждый получил свою долю, потому что знаем, каково быть нищим творцом, и мы обе считаем, что творцам надо платить при первой возможности.

— Аминь, — подмигивает мне Брукс.

— Ага, — отвечаю я. — А пока что мы продолжаем съемки. Мы с Джек распечатали окончательное расписание до конца лета, так что постарайтесь разжиться копией и хорошенько проверить, все ли вас устраивает. Мы старались, чтобы это не мешало вам куда-то уезжать на каникулах, но для этого придется несколько раз работать в выходные. Простите.

Я сверяюсь с планом, который набросала с утра.

— Главное, запомните: мы с Джек будем отвечать за все социальные сети. Вам ни к чему об этом волноваться, да и вообще будет легче держать все под контролем, если отвечать на все вопросы со страницы канала. Так что, если вас кто-то будет упоминать или требовать ответов, шлите их к нам.

Ручка двери в спальню поворачивается, и внутрь с неловкой улыбкой проскальзывает Ева.

— Прости-и-и-и-и-и-и, — театральным шепотом произносит она и устраивает целый спектакль: обходит комнату на цыпочках, а затем очень трогательно и неловко перепрыгивает через Тони.

— Я правильно понял? — переспрашивает Тони. — Ты запрещаешь нам общаться с фанатами?

Он ухмыляется точно так же, как когда хохмит на обществознании.

— Мы просто предпочли бы, чтобы вы этого не делали, — отвечаю я. — Дело не в том, что мы вам не доверяем или что-то в таком духе, просто, поверьте, разгребать это может быть довольно муторно. И все мы знаем, с какой скоростью все может выйти из-под контроля. Один неверно понятый комментарий или случайная утечка информации о наших планах, и все, пора принимать кучу мер.

— Резонно, — замечает Серена. — Знаешь, хорошо, что мы подняли эту тему. Мне уже пришла парочка упоминаний в Твиттере. Пока что одни комплименты. Но вот на вопросы отвечать я не хочу.

— Вот именно, — соглашаюсь я. — А так тебе и не придется. Кстати о вопросах, у кого-то они есть?

Серена поднимает руку:

— Знаю, я несерьезная, но вы уже видели, сколько там гифок? Они шикарны! Джордж и Ева, все сходят по вам с ума. То есть, конечно, по Кевину!

Джордж и раньше надменно улыбался, теперь он еще и смотрит надменно. Он откидывается на стуле так, что две передние ножки повисают в воздухе, и разводит руками, как бы говоря: «Ну, что поделать, если я неотразим?»

Ева радостно хихикает:

— Самая преданная фанатка Кевина это я!

— И, кстати, все это началось очень вовремя, — замечает Джей. — Прямо перед сценой со скрэбблом. Фанаты будут рвать и метать!

Джей говорит про ролик, который мы снимали на прошлой неделе и еще не выложили. Это наша адаптация отрывка, где отвергнутый Левин снова приходит к переменившейся Китти и вновь делает ей предложение. На этот раз более успешно. Да, это та самая сцена с поцелуем. И, как я и надеялась, после стольких усилий она просто идеальна.

В «Несчастливых семьях» Левин - не хозяйственный помещик, а изучающий сельское хозяйство первокурсник. А Китти - не светская львица в ожидании достойного жениха, а подруга детства Левина и профессиональная балерина. И, конечно, он не просит

ее руки, а просто назначает свидание. В книге примирение происходит за игрой в слова за карточным столом, а я решила сделать из этого плохонькую партию в скрэббл. Джек уже показала мне смонтированный ролик, и получилось восхитительно. И Джей прав, момент действительно идеальный. Что может осчастливить фанатов сильнее, чем воссоединение любимой пары?

Тут я произношу то, чего в моей речи не было:

— Ребят, вы крутые! Я так за нас всех рада!

Ответом мне служат ухмылки и поднятые большие пальцы. Комната лучится энергией. Я почти вижу эти неоновые вспышки розового, зеленого и синего. Все чувствуют, как что-то происходит. Что-то большое, непонятное и неподвластное нам. Что-то чудесное и пугающее - чужасное. Думаю, так и выглядит кинематограф: манящая неизвестность прослушиваний, непередаваемое волшебство и значимость того, как наши с Джек слова вырываются из уст актеров и превращаются в связную серию роликов... Ничто не сравнится с этим.

— Нам нельзя пойти по пути всех рок-групп, — произносит с пола Тони. — Мы не можем позволить славе разрушить нашу дружбу и не можем подсесть на наркотики. И сдавать друг друга таблоидам мы тоже не будем!

Все хмыкают, кроме Джорджа.

— Мы собираемся сегодня снимать? — спрашивает он.

— Ага, — отвечаю я. — Для первой сцены нам нужны Левин, Китти, Долли и Стива. Снимаем в гостиной. Все остальные могут повторить слова или пойти на кухню перекусить. В половину первого мы прервемся и закажем пиццу.

Я оборачиваюсь к Джек:

— Готова настроить свет?

Спрашивать необязательно, Джек всегда готова снимать.

В гостиной Джек, нахмутив брови, настраивает звукоотражатель. Мы занимаемся обычной подготовкой: проверяем баланс белого, потом уровни звука, после смотрим, чтобы в кадре не было ничего странного. Потом Джек щелкает нумератором, и все оживает.

Я официально считаюсь продюсером «Несчастливых семей». Мы с Джек решили, что будет проще назначить одного человека, которому можно задавать вопросы по сценарию или движениям. А еще это значит, что Джек монтирует ролики с достаточно свежим взглядом, потому что не она стоит у камеры во время съемки. Сегодня мне почти не нужно давать указания: никто не забывает слова, не дает петуха, не придуривается. Актеры работают идеально с первого раза.

Через час Джек просит устроить маленький перерыв, чтобы перепроверить звук. Я направляюсь в кухню за тарелкой морковных палочек. Там орут друг на друга Тони и Джей.

Джей метит Тони в глаз пластиковой вилкой и кричит:

— Надеюсь, ты понимаешь, что будешь виновен в ее смерти! Никогда не забывай этого! Все это твоя вина!

— Она не умрет, — отвечает Тони, бледный, как пергамент. — Она не умрет.

Я ошеломленно замираю на пороге. Они стоят у холодильника, меньше чем в футе друг от друга, напряженные и готовые броситься вперед. Тони подался к Джею обоими плечами. Они просто репетируют, но меня преследует чувство, что не все в этом просто игра.

— Только не убейте друг друга до съемки, — произношу я, подходя к столу.

Оба вскидываются. Джей опускает вилку и отступает на шаг. Тони хохочет. У него великолепный смех: хриплый, переливающийся и всегда с ноткой самоиронии.

— Ничего не обещаю, — отвечает он и тянется мимо меня, чтобы запустить палец в стоящий на овощном подносе соус.

— Боже, Тони! — вскрикиваю я, хлопая его по руке. — Это просто отвратительно!

Я знаю, что реагирую ровно так, как от меня и ждали, но, серьезно, есть некоторые правила гигиены, которые нельзя нарушать! Как такое поведение только прокатывается на вечеринках? Или все вокруг слишком много пьют, чтобы что-то заметить?

Я набираю горсть моркови, и Тони, конечно, заявляет:

— Я их облизал!

Я кидаю на него взгляд, означающий «надеюсь, ты выше этого», и откусываю половину морковины.

— Ваш выход через десять минут, — напоминаю я. — А где Серена?

— В твоей спальне, — отвечает Джей. — Сказала, что мы ее отвлекаем, и ушла наверх.

В это легко поверить. Даже если бы они так не орали, одного только напряжения между Тони и Джейм более чем достаточно. Мне почти хочется столкнуть их лбами, визжа: «Да поцелуйтесь уже!» Но я слишком хорошо помню, что всего несколько месяцев назад Тони встречался с Джек.

Даже после их расставания Джей, кажется, не собирается ни в чем признаваться. Причем не потому, что Тони не по этой части - в конце концов, он пришел на выпускной с парнем, - а из-за того, что Тони и Джек были вместе и все трое снимаются в одном веб-сериале. Мне иногда кажется, что мы герои девятого сезона популярной мыльной оперы, когда у сценаристов уже кончились все повороты сюжета, и они просто напропалую сводят всех героев друг с другом.

Я поднимаюсь в спальню. Дверь закрыта, так что я стучу, прежде чем открыть ее. Серена склонилась над листочком со сценарием, закрыла глаза и прижала пальцы к вискам.

— Привет, — тихо говорю я. — Тебе выходить через десять минут.

Она поднимает глаза с чуточку обалделым видом и улыбается:

— Спасибо.

Я уже закрываю дверь, когда Серена окликает меня:

— Таш?

— Да?

— Я сейчас скажу глупость, так что просто не обращай внимания, но, слушай... Я так рада, что прошлым летом мы с тобой познакомились!

— Взаимно.

Серена втягивает голову в плечи до самых ушей, продолжая улыбаться.

— У меня просто такое чувство, что мы сейчас делаем то, что бывает один раз в жизни, понимаешь?

Я киваю. О да, прекрасно понимаю.

Мы снимали до одиннадцати часов ночи. Изначально планировалось на час меньше, но ни у кого из нас не было планов на воскресный вечер, начинавшихся прямо в десять, и весь дом пропитался упертым энтузиазмом. Мои родители засели в спальне с едой из китайского ресторанчика, чтобы мы распоряжались свободными комнатами так, как хотели. Сегодня был тот редкий день, когда мы снимали полным составом, и в каждой сцене присутствовали либо все семеро, либо почти все. Сегодняшнего материала хватит на четыре важных серии.

В ближайшие недели мы работаем по обычному графику. То есть, как правило, задействуем либо Левина с Китти, либо Анну с Вронским - четыре главных роли. Мы с Джек стараемся снимать примерно с двухнедельным запасом, значит сейчас она выкладывает серии, которые мы сняли в середине мая. Наше расписание достаточно загружено, и, вдобавок, нам приходится учитывать, когда кто-то из актеров уезжает, или играет в школьной пьесе, или занят чем-то еще, но у меня приключился, по меткому выражению Джек, «приступ дичайшего дурачества», и я свела это в одну таблицу. Теперь мы все утвердили окончательно, и, судя по всему, съемка закончится к первым выходным августа.

В час ночи я просыпаюсь от кислотной атаки в животе, соображаю себе миску воздушного риса с кокосом из холодильника и смотрю «Нетфликс», надеясь, что от яркого света глаза начнут слипаться. Ага, как же. Мозг не хочет отключаться еще битый час, поэтому наутро, в понедельник, я просыпаюсь с гудящей головой, легкой тошнотой и чесоткой по всему телу.

И, конечно, это мой первый рабочий день. С титаническим усилием выползаю из кровати, изучаю свое отражение в зеркале ванной и решаю, что волосы еще не слишком грязные, значит, я потом соберу их в пучок, а сейчас еще немножко посплю. Так что я валяюсь в кровать еще на десять минут. Потом на одиннадцать. Потом на двенадцать. Потом я наконец осознаю суровую правду: если я хочу каким-то образом накопить на учебу в частном университете, надо дотащить себя до работы.

Я уже третье лето работаю в магазинчике Old Navy в ближайшем торговом центре. Это скучно, зато там неплохие скидки для персонала, и мне нравится большая часть ребят, с которыми мы работаем.

— Привет, Этан! — машу ему рукой от входа.

Этан Шорт - студент Кентуккийского университета и работает здесь с прошлого августа. Он обычно довольно молчаливый, но мы неплохо сошлись.

Прежде чем оставить рюкзак в подсобке, я в последний раз проверяю телефон: следующие семь часов мне не полагается никакого контакта с внешним миром. Там сообщение от Фома. Вернее, два сообщения от Фома.

Остатки печенья, которым я завтракала, расправляют крылья и отправляются в полет по моей толстой кишке.

Мы обменялись номерами неделю назад, но никто из нас еще не послал ни одного сообщения. Думаю, мы оба сдерживались и пытались доказать друг другу, что мы не из тех идиотов, которым надо обсудить каждый пустяк. Но к выходным это начало меня сильно беспокоить. Может быть, он передумал? А что, если мне только показалось, что наше общение переходит на новый уровень, каким бы он ни был? Возможно, мы сделали непоправимую глупость. Может, мы так и будем слать письма, как будто никто ни у кого не просил номера.

Но нет. Двумя короткими сообщениями Фом гасит мое беспокойство.

Первое: «Проверка, проверка, раз, два, три!»

Второе: «Это Фом, если вдруг ты не записала».

«Если вдруг не записала». Ха. Фому, конечно, ни к чему знать, что я добавила его номер в контакты сразу, как только узнала. И теперь пялюсь на экран в поисках ответа.

Набираю: «ПРИВЕТ! Таш на проводе, видно хорошо, прием».

Я хмурюсь и стираю восклицательный знак. Там и так уже большие буквы, восторга через край. Да и второе предложение мне не нравится. Слишком банальное. Конечно это я, и конечно я вижу его сообщения. Так что, наверно, лучше стереть. Пусть будет просто «ПРИВЕТ». Большими буквами. Без восклицательного знака. Я пытаюсь нажать на поле с текстом, чтобы удалить все лишнее, и нечаянно нажимаю «отправить».

Вот черт.

Хоть бы сегодня пришлось сложить побольше рубашек! Мне нужно как можно больше бездумных занятий.

Когда я возвращаюсь домой, Клавдия смотрит «Танцы со звездами» в записи. Она ставит шоу на паузу и вытягивает шею в сторону кухни:

— Привет.

— Что случилось? — спрашиваю я, ставя на пол пакет сахарного гороха с васаби.

Падаю на диван рядом с ней и наклоняю пакет в ее сторону. Сестра качает головой. У нее странное выражение лица, как будто она вот-вот зевнет.

— Почему у тебя такой вид? — спрашиваю я.

— Какой?

Ее раздраженный тон меня бесит, так что я отвечаю:

— Как будто у тебя понос.

Лицо Клавдии из странного становится просто уродливым.

— Я хотела с тобой поговорить.

— Ладно, — я вгрызаюсь в горошину. — Так говори.

— Боже, Таш, можешь хоть секунду не жрать? Этот хруст просто невозможно слушать!

Я прищуриваюсь, демонстративно медленно кладу оставшуюся половинку горошины в рот и хрущу так громко и противно, как только могу. Не то чтобы после этого я гордилась собой, но таковы уж правила сестринского кодекса. Если одна из сестер говорит какую-нибудь гадость, другая должна ответить ей еще пакостнее. И так до тех пор, пока обеим не станет стыдно. Далее полагается мучиться совестью до следующего утра, а потом сделать вид, что ничего не было.

Но я не хочу устраивать полномасштабную ссору, так что сворачиваю пакет с сахарным горохом, откладываю его в сторону и скрещиваю руки на груди.

— Довольна?

— Ты такой ребенок! — отвечает Клавдия.

— Ты об этом хотела поговорить?

— Нет. Ну... Слушай, я никогда не смогу подобрать нужных слов.

— Просто скажи, в чем дело.

И Клавдия выпаливает:

— Мне придется уйти из сериала.

Я просто смотрю на нее. Мое лицо ничего не выражает. Кажется, я его даже не чувствую. На полу с громким потрескиванием начинает разворачиваться пакет гороха.

— Что?! — спрашиваю я наконец.

— Я уже давно собиралась тебе сказать. Задолго до эпопеи с Тейлор Мирс. Я много раз это обдумывала, и... мне не хватит времени присутствовать на съемках. У меня впереди волонтерство в инженерном лагере при Кентуккийском университете, а если я еще и сниматься буду... Я хочу, чтобы у меня оставалось время видиться с подругами. Это мое последнее лето в Лексингтоне. Мне кажется, надо постараться насладиться им на полную катушку.

Я медленно качаю головой.

— Хочешь сказать, что съемки это скучно?

Клавдия медленно выдыхает.

— Я не об этом! Да, сниматься было круто, но некоторые вещи... интересуют меня сильнее.

— А, ну да. Всякие там Элли с Дженной.

— Да, Элли с Дженной. Мы с ними лучшие подруги и вот-вот разведемся в разные стороны, так что я хочу провести лето с ними без лишнего стресса и недосыпа. Так что, прости, я помню, сколько твой проект для тебя значит, но у меня все равно не слишком большая роль, так что...

— Вот именно! — перебиваю я. — У тебя небольшая роль, значит, и на съемки тебе особо приходить не придется. Всего раз девять. Это почти ничего.

— Это минус три выходных. То есть треть моего лета. Было очень сложно решиться, но я ухожу из проекта. Я должна заниматься тем, что пойдет мне на пользу.

Я не могу смотреть ей в лицо, не могу посмотреть в глаза собственной сестре. Так что я перевожу взгляд на экран телевизора. Там застыла картинка, где блондинка в розовом платье с блестками танцует ча-ча-ча с мужчиной в галстук-бабочке под цвет ее платья. Я со злостью осознаю, что в моих глазах стоят слезы.

— То есть это все для тебя важнее, — произношу я. — Твой чертов инженерный лагерь и эти две дуры набитые тебе важнее, чем я!

— Я ухожу из проекта, а не от тебя, Таш, — на удивление мягко отвечает Клавдия. — Я знаю, что ты сейчас обо мне думаешь, но мне, правда, очень жаль. И я просмотрела все оставшиеся сцены с моим участием. Вырезать меня будет несложно.

Я взрываюсь:

— Ты вообще ничего не понимаешь! Ни сколько времени нужно, чтобы все спланировать. Ни сколько сил мы вложили в сценарий. Это не так-то просто. Тебя нельзя просто вырезать, на Долли куча всего висит. Много слов. Раскрытие героев. А с Бруксом что делать? Ты вообще понимаешь, что он по большей части выходит на сцену только вместе с тобой? Что нам теперь с этим делать, все повыбрасывать? И Брукс будет на экране раза в два меньше, чем планировалось?

— Не надо на меня орать.

Клавдия прижимает колени к груди. Как она только может вести себя так, будто это ее обидели!

— Я уже говорила, что мне очень жаль, но я просто не могу сейчас сниматься.

— Нет, ты просто не хочешь. Ты такая чертова самовлюбленная дура! У тебя нет ни одной веской причины уходить!

— У меня...

— А, ну да. Отличный аргумент. Ты хочешь «насладиться летом», — я небрежно изображаю пальцами кавычки. — Как будто наши съемки просто ад.

— Иногда так и есть.

— Прости, что?

Пустые глаза Клавдии оживают.

— Я сказала, что иногда так и есть. Иногда ты превращаешь их в ад. Ты задираешь нос и начинаешь заморачиваться на «эстетике», на всех этих технических деталях и «идеальных кадрах», так что ты забываешь, что часть актеров - твои друзья, а я - твоя сестра.

— Тебе не понравилось, что в воскресенье я тебя поправила? Я всех поправляю.

— Нет, не в этом дело. Просто... — Клавдия качает головой и обреченно вздыхает. — Я уже сказала тебе, что не смогу найти достаточно веского довода, так что придется тебе просто смириться. Я ухожу.

Я качаю головой. И качаю, и качаю, снова качаю.

— Поверить, блин, не могу.

Но в одном Клавдия права: она никогда не сможет оправдать свое предательство. Я не могу больше ни секунды находиться с ней в одной комнате. Так что хватаю свой пакет с горохом и выбегаю из комнаты.

— Если она хочет уйти, мы не сможем ее остановить.

Голос Джек в телефонной трубке спокойный и даже немного скучающий. Я пытаюсь не злиться. Джек всегда говорит скучающим тоном, даже если мы обсуждаем ее новую любовь или любимую группу.

— Она обязана довести начатое до конца, — возмущаюсь я. — Она обещала, в конце концов.

— Ага, и нарушила обещание. Такова жизнь. Обычное дело. Осталось понять, как переписать сценарий, чтобы Брукс не слишком пострадал.

Я злобно разглядываю висящую на моей кровати гирлянду, пока слезы не застилают глаза.

— Убила бы ее!

— Я тебя понимаю. Но это Клавдия. Она не передумает, так что надо смириться.

— Ты не думаешь... — начинаю я, но не договариваю.

— Чего?

— Это ведь не ударит по остальным? Если она уйдет, за ней не потянутся другие?

— Ни фига. Ты их вчера вообще видела? Они под кайфом не меньше нашего. Это большие возможности и хорошая строчка в резюме. Клавдия не актер, ей не понять. Но никто больше не уйдет, это я тебе гарантирую. Чтобы уйти сейчас, надо быть полным идиотом.

Я вспоминаю вчерашние слова Серены: «Мы делаем то, что бывает раз в жизни».

— Да, — отвечаю я. — Наверно, ты права.

— Кстати, как дела в твоём уголке интернета?

Джек намекает на мою часть обязанностей. Прошло уже больше недели с влога Тейлор Мирс, наши подписчики и просмотры продолжают расти, но уже не на такой бешеной скорости. Та же ситуация и в социальных сетях. Упоминания и фан-арт по-прежнему появляются каждый день, но сейчас их хотя бы можно разгрести. У меня уходит около часа в день, чтобы все просмотреть.

— Все хорошо, — говорю я. — Много приятных комментариев. Кое-что я ретвитнула.

Я не собираюсь упоминать о пяти абзацах, в которых поблагодарила Тейлор Мирс за все ее хорошие слова. Задним числом я понимаю, что это, наверно, было слишком. Кажется, там слишком часто использовано слово «круто».

— Жаль, что мы не можем позволить себе личного секретаря, — замечает Джек. — Я занимаюсь тем, чем занимаюсь, потому что так мне не приходится общаться с людьми. А это общение. С живыми людьми. Мне не в кайф.

Я улыбаюсь в трубку. Джек постоянно старается напомнить мне, что она мизантроп.

— Раз уж мы говорим про уход из проекта, — начинаю я, — мне надо кое-что тебе сказать.

— Таш, если ты сейчас меня бросишь, я на хрен...

— Заткнись и послушай, ладно? Я решила пока приостановить выход влога. Вряд ли я смогу снимать сериал, разгребать социальные сети, работать, да еще и влог снимать. Чем-то придется пожертвовать.

— Ого. Хотя да, разумно. Когда все уляжется, ты всегда можешь к нему вернуться.

— Я тоже так подумала, — отвечаю я, хотя ощущение такое, будто мне врезали под ребра.

Я надеялась, что Джек хотя бы попытается меня переубедить. По крайней мере, скажет, что жить не сможет без «Таш среди чаш»... Но вообще-то сделать перерыв - единственное решение проблемы. И я бы не передумала, даже если бы Джек решила со мной поспорить.

— Ладно, — прощается она, — пойду, поиздеваюсь над лицом Салли.

Звучит странно, но не из уст Джек. Несколько лет назад она начала лепить глиняных кукол в духе Тима Бертона и продавать их через интернет. Она хорошо набила руку и отправляет где-то по дюжине в неделю. С тех пор как их с Тони проект «Шум и эхо» накрылся, она все свободное время посвящает своему магазинчику.

Так что, как и каждый раз, когда Джек говорит о своих куклах, я начинаю неподражаемо фальшиво напевать песенку Салли из «Кошмара перед Рождеством»:

— Мои предчувствия мрачны-ы-ы...

— Боже, Таш!

— С тоской гляжу на лик луны-ы-ы...

— Я сейчас положу трубку.

И кладет.

Я не хочу второго приступа бессонницы подряд, так что спускаюсь в кухню налить себе ромашкового чая, который бабушка Янг прислала из Окленда на Рождество. В гостиной кто-то смотрит телевизор, чего почти никогда не бывает после десяти вечера. Я ставлю чайник и решаю сунуть нос внутрь. Свет погашен, и в темноте тихо идет черно-белый фильм с Бетт Дейвис. В пляшущем свете телеэкрана я вижу силуэт мамы, прикорнувшей в углу дивана. Она смотрит не в телевизор, а куда-то на стену слева от него. И плачет.

У меня пересыхает в горле. Я уже привыкла, что она проливает слезы раз в год - четырнадцатого января, в день, когда она уехала в Штаты из Новой Зеландии. Но застать ее в таком состоянии в самую заурядную ночь, это неожиданно... и немного неловко.

Чайник начинает закипать. Мама поднимает голову на звук и замечает, что я стою в дверях. Я слабо улыбаюсь и пытаюсь придумать, что сказать.

— Таша, — произносит мама, вытирая рукой глаза и улыбаясь уголками губ. — Я тебя не заметила.

— Я заваривала чай.

— А. Угу.

— Хочешь чашку? — мне наконец удастся сказать что-то подходящее.

Повисает долгая пауза - видимо, мама восстанавливает дыхание - а потом произносит:

— Да, было бы очень мило с твоей стороны.

Я киваю и прячусь обратно в кухню как раз к тому моменту, когда чайник закипает. Беру два ситечка заварки, наливаю кипятка в чашки и возвращаюсь в гостиную. Отдаю маме одну из чашек и забираюсь на диван рядом с ней.

Мне нечего ей сказать, так что я просто сижу рядом, и мы пьем чай, пока Бетт Дейвис заполняет каждый кадр уверенным взглядом своих широко раскрытых глаз. Только много минут спустя, когда в моей чашке уже пусто, мама произносит:

— Я по ним скучаю.

Это не простая констатация факта, а признание. Даже теперь, двадцать лет спустя, мамино сердце болит не меньше, чем в тот день, когда она улетела из дома в другое полушарие. Я знаю, что она злится на себя за такие эмоции, считает, что это признак слабости духа. Но мне не кажется, что эти чувства приходят от того, что она мало медитирует или слишком привязана к материальному миру. Моя мама помнит, она еще и дочь. Она человек, она способна чувствовать, и некоторые раны не заживают.

Мама была, да и остается очень близка со своими родителями. Она единственный ребенок, более крепкой семьи было не найти. В колледже, мама выиграла грант на семестр учебы за границей. Она писала диссертацию по диалектам юга США и не могла упустить такую возможность. Так что она поехала в Штаты, встретила там моего папу. И как-то так вышло, что она жила за границей, и жила, и жила. Сначала училась. Потом получала докторскую степень. После вышла замуж за Яна Зеленку. Затем родила. По ее рассказам никогда не подумаешь, что она раскаивается в принятом решении. Она любит папу, ей нравится в Лексингтоне. Но в Окленде ей тоже было хорошо. И, уезжая оттуда, она еще не знала, что целых восемь лет не увидит родного дома. Ее родителям было тяжело, ей было не легче, и, хотя сейчас они разговаривают по скайпу каждую неделю, бывшего уже не вернуть.

Я ее понимаю. Мне бы тоже было тяжело, если бы я уехала отсюда. От мамы с папой, от Джек, от Пола и ото всех моих любимых мест. Мне будет тяжело, когда я поступлю в Вандербилт.

Мама кладет голову на мою. Мы перестаем быть мамой и дочерью и становимся единым безымянным существом. Однажды, почти год назад, мама призналась мне, что ей никогда не достичь просветления. Эта дорога закрыта для нее с тех пор, как она уехала из Окленда, потому что ей никогда не освободить себя от боли расставания с семьей, никогда не стать выше этого. Я с ней не согласна. Если мама столько страдала в этой жизни, значит, в следующей она заслуживает большего. Да, это не совсем согласуется с тем, что мне рассказывали в местном Дзен-центре, но я отказываюсь верить, что мамина душа будет страдать только из-за того, что она живет за несколько тысяч километров от своей родины.

Я не двигаюсь. Чашка греет мои пальцы. Капля горячей жидкости скатывается мне на макушку. Мама плачет совершенно беззвучно.

— Мам, я люблю тебя, — произношу я.

На экране телевизора Бетт Дейвис спускается с лестницы, вся в бриллиантах и в шикарном атласном платье.

Мои волосы мокнут от новых слез. Я засыпаю, и просыпаюсь только гораздо позже. Я свернулась на диване, а мама как раз накрывает мои ноги пледом. Делаю вид, что сплю, и вскоре засыпаю снова.

Утром я поднимаюсь на второй этаж, запираюсь в комнате, включаю ноутбук и открываю файл с окончательным сценарием, под названием «НС_15.2». И твердой рукой вырезаю все реплики Клавдии.

На следующий день снова работа. Я убиваю время, обслуживая залетных посетителей и перебрасывая светящийся волейбольный мяч между нашими с Этаном кассовыми стойками. На заднем фоне играет приятная мешанина ремиксов всякой попсы и старых-добрых хитов вроде Walking on Sunshine и Ain't No Mountain High Enough. В общем-то, утро течет довольно скучно, но я ухожу с работы в хорошем настроении и захожу на фудкорт за коктейлем с синей малиной. Вооружившись им, я опускаюсь на ближайшую лавочку и читаю все, что Фом успел мне отправить за эту смену.

Как выяснилось, мое «видно хорошо, прием» не привело к немедленному разочарованию и прекращению общения. Фом ответил безобидным «КРУТО», а потом мы как-то дошли до беседы о еде и напитках. Сейчас он рассуждает о достоинствах «жемчужного чая» и искренне недоумевает, как это я еще его не попробовала.

«Таш, это возмутительно. Просто возмутительно!»

«Ты не можешь сформироваться как личность, если у тебя во рту никогда не взрывался шарик тапиоки!»

«Не думал, что Кентукки ТАК отстал от жизни!»

Тут я начинаю возмущаться. Конечно, Фом просто шутит (или флиртует?), но я обижаюсь, когда кто-нибудь смеется над моим штатом. Можно подумать, я живу посреди чащи, ношу шапку из хвоста енота и разговариваю как бешеные охотники из «Утиной династии». Конечно, Фом живет в Лос-Анджелесе, и, наверно, это делает его немного круче, но на дворе же не какой-нибудь тысяча восемьсот пятый год, когда клевые новинки доходили вглубь континента спустя десятилетия. На дворе дивный новый двадцать первый век, лексингтонская мода отстает от крупных городов примерно на сезон, и мы учимся говорить с тем же среднезападным акцентом, что и ведущие новостей.

Так что я отвечаю: «У нас давным-давно продают «жемчужный чай», и я ЗНАЮ, что это такое. Просто мне не приходит в голову заказать его в кофейне».

И добавляю: «Предпочитаю фраппе».

Просто на случай, если Фом решит угостить меня, когда мы в один прекрасный день встретимся. Не то чтобы я вообще представляла такой вариант развития событий. Не то чтобы я воображала, как Фом поведет меня в «Старбакс» и мы погрузимся в долгий разговор часов этак на пять. Или как он с чавканьем допьет свой ледяной кофе, но это будет звучать мило. Или когда мы наконец уйдем из кафе, потому что оно будет закрываться, он просто обнимет меня за плечи и прошепчет: «Я так рад, что ты рядом».

Можно подумать, я буду воображать такие глупости. Ха.

Мое сердце бьется быстрее, когда я вижу, что Фом набирает сообщение.

«У-у-у-ужас какой, — отвечает он. — Фраппе, серьезно? Это же как яблочный мартини от кофе!»

Я отвечаю:

«А что выберешь ты? Готова поспорить, ты весь из себя такой серьезный и берешь только тройной эспresso».

«Выбор истинного гурмана, — отвечает Фом. — Не волнуйся, однажды ты до этого дорастешь».

Я морщусь - то ли из-за его сообщения, то ли просто отморозила себе мозг слишком большим глотком коктейля. Может быть, Фом просто флиртует, но если это называется флиртом, то увольте. Мне не нравится защищать свое право на выбор любимого напитка и мне не по душе, что Фом считает меня наивной. Это ни разу не привлекает; так обычно ведут себя противные старшие братья.

Хотя Пол вот совсем не такой. Бывает, они с Джек ссорятся, но я ни разу не слышала, чтобы он ее поддразнивал. Думаю, дело в том, что в начальной школе Пола часто задирали. Кончилось все тем, что из-за хулиганов и проблем с учебой мистер и миссис Харлоу приняли решение оставить его на второй год в пятом классе.

Пол...

Я бы хотела поговорить с ним про Клавдию. Позвонив Джек, я ждала сочувствия. Согласно, глупость. Джек не умеет сочувствовать, а вот Пол делает это просто чудесно. Я решаю зайти к Харлоу завтра, как только выложу во влог объявление о перерыве. Джек в это время будет работать в «Петко», так что на несколько часов Пол будет полностью в моем распоряжении. Мы с ним давненько не собирались просто вдвоем.

А еще я не буду отвечать Фому. По крайней мере, прямо сейчас.

«Всем привет! Да, я знаю, что запоздала с этим видео, за что очень-очень извиняюсь. Как большая часть из вас, возможно, знает, на прошлой неделе наш веб-сериал «Несчастливые семьи» неслабо раскрутили, так что тут творился некоторый хаос. Но хороший хаос, честное слово! Мы с Джек хотим обеспечить вас только лучшим материалом, поэтому я решила сделать перерыв в выпуске «Таш среди чаш», чтобы бросить все силы на «Несчастливые семьи». Мне будет не хватать чашки чая и душевной беседы с вами об эффектных молодых джентльменах, но я надеюсь вернуться осенью, когда мы закончим снимать...»

Меня перекашивает. Кажется, я слишком много раз за такой короткий срок сказала «Несчастливые семьи». Я наклоняюсь к камере и отжимаю кнопку записи: эта попытка должна найти свой бесславный конец. Наверно, лучше сказать «закончим снимать наш сериал». Звучит лучше.

Без этого видео никак. Я не могу забросить влог без объяснений, а то подписчики решат, что нам с Джек наплевать на наши проекты. Но в глубине души мне кажется, что никто не заметит. Последнее время всех заботят только «Несчастливые семьи» и канонический пейринг Китти и Левина. Воображаю, что начнется завтра, когда Джек выложит сцену со скрэбблом. Думаю, мое объявление о перерыве потонет в цунами.

Нет, я не завидую успеху собственного сериала. Просто мне правда нравится снимать «Таш среди чаш». Да, ролики простенькие и довольно поверхностные, но в этом вся фишка. Мне не приходится пятнадцать раз переснимать сцену в поисках идеальных интонаций, освещения и угла камеры. Я просто сажусь на стул, так что на заднем фоне оказывается небесно-голубой флаг и стопка моих любимых книг, и начинаю говорить. Прихлебываю какой-нибудь новый сорт крупнолистного чая. Трещу про Джей-Джея Филда, мистера Тилни и недооцененную адаптацию «Нортенгерского аббатства» на ITV. Что может быть проще? Ничего не нужно, только быть собой и говорить о том, что мне нравится.

«Несчастливые семьи» съедают кучу времени, сил и планирования. Я не боюсь планировать, я это обожаю, и у меня хорошо получается. Просто круто время от времени делать что-то, не требующее усилий.

Я напоминаю себе, что есть хотя бы пара-тройка человек, которым нравится мой влог. Они оставляли ободряющие комментарии задолго до заварушки с Тейлор Мирс. Как минимум парочке подписчиков будет меня не хватать. Пара зрителей будет счастлива, когда я вернусь к влогу. А я вернусь, пусть только все немного уляжется.

Я откидываюсь назад, чтобы посмотреть на свое отражение во встроенном в шкаф зеркале, стираю пятно от подводки и возвращаю в неаккуратный хвост выбившуюся черную прядь. Потом несколько раз глубоко вздыхаю идвигаю губами, как делали Серена и Джей перед тем, как начать играть.

Я сажусь перед камерой и снова нажимаю на запись:

«Всем привет! Да, я знаю, что запоздала с этим видео...»

Закончив снимать, я пишу Полу: «Можно я зайду?»

Тот немедленно отвечает: «Думал, ты никогда не спросишь».

Улыбаясь, я влезаю в балетки и спускаюсь вниз, по дороге прихватив из кухни коробку печенья с орехом макадамия. Полу наверняка понадобится подкрепиться. Джек

все время жалуется, что ее отец и брат умрут с голоду, если она не будет впихивать в них ужин, когда мать семейства отлучается по работе - а это примерно половина вечеров. Они оба с головой погружаются в свои занятия, так что забывают поесть. Мистера Харлоу я бы еще поняла, но разве молодые парни вроде Пола поголовно не способны заглотить огромную пиццу целиком и глазом не моргнуть? Пол утверждает, что его организм рос только в семнадцать лет, и продолжать не собирается. Это похоже на правду: как сейчас помню, когда пошла в десятый класс, я была выше него на несколько дюймов, а к концу года он уже перерос меня на целый фут. Мы с Джек долго шутили, что после такого интенсивного роста на коже Пола должны были остаться растяжки.

Я дохожу до дома Харлоу, обхожу его сзади и вхожу в раздвижную дверь подвала. Сквозь стекло виден Пол, развалившись сидящий в мягком кресле и занятый видеоигрой. Я встаю в метре от двери и несколько секунд просто наблюдаю.

Я никогда не признаюсь Полу, потому что это будет очень странно звучать, но я обожаю его выражение лица, когда он играет. Напряженные мышцы, стиснутые зубы. Его яркие горящие глаза не дают мне покоя. Играя, Пол лишается возраста и эпохи, как будто сражается в Троянской войне или на полях Геттисберга. Когда у него такое лицо, я каким-то странным образом начинаю им гордиться, так что хочется кричать: «Это мой друг, он абсолютно живой человек, и в его честь надо сочинить героическую сагу или хотя бы памятник поставить!»

Но его лицо немножко и пугает меня. Может быть, потому же: Пол слишком живой. Я открываю дверь: звуки труб и лязг металла приветствуют меня. Пол видит меня, ставит игру на паузу и отбрасывает приставку в сторону.

— Слава небесам, что ты здесь, — замечает он. — Мне так не везет, что я сейчас просто истеку кровью.

— Пусть это укрепит твои силы, солдат, — отвечаю, потряхивая пачкой печенья.

Я сажусь на краешек кресла, открываю коробку с угощением и разрываю фольгу внутренней упаковки. Пол немедленно набирает горсть печенья, запихивает добычу в рот и принимается шумно жевать. Я закатываю глаза. Всего за минуту он из полубога превратился в невоспитанного неряху. Он такой странный и переменчивый. Такой живой...

Пол выуживает из-под бедра пульт и выключает телевизор.

— Можешь играть дальше, — говорю я, кладя руку ему на спину. Он обнимает меня за плечи.

— Да ладно, я все равно почти сдох.

— Не-а, ты просто слишком вежливый!

Пол считает еще горсть печенья и, набив рот до отказа, спрашивает:

— Кто тут вежливый?

И ухмыляется, в восторге от своего убедительного контраргумента.

— Ну, ты изображаешь гостеприимного хозяина. Когда я прихожу, ты всегда выключаешь телевизор.

— Не выключать его было бы грубо.

— Вот видишь, значит, ты вежливый!

Пол пытается притвориться, что обиделся, и с его щеками происходит что-то странное.

— Слушай, хватит повторять это слово! Мне дорога моя репутация!

— Ну-ну, — отзываются я.

— Мне нужно смыть это оскорбление!

Пол встает с кресла, стряхивая с футболки немаленький слой крошек от печенья.

— Пошли, сыграем в пинг-понг.

— И как это поможет смыть оскорбление? — спрашиваю я, когда мы переходим из комнаты отдыха в игровую.

(Как круто называются комнаты в подвале у Харлоу! У нас и подвала-то нет, только задрипанный погреб, где мы переживаем штормовое предупреждение...)

— Я собираюсь надрать тебе задницу! — отвечает Пол. — А приличные хозяева обычно поддаются гостям.

— Дурацкое правило. И ничего ты мне не надерешь!

Еще как надерет. Координация у Пола куда как лучше моей. Но мне нравится играть с ним в пинг-понг, потому что я играю достаточно хорошо, чтобы это было интересно и ни капли не унижительно.

Их стол для пинг-понга синий, как символика Кентуккийского университета. Синие-белые ракетки. Белые шарики с эмблемами университета на боках. Стены игровой покрыты старыми плакатами, посвященными выигранным соревнованиям и побитым рекордам (пример: «УК2К» - когда баскетбольная сборная университета впервые в истории одержала две тысячи побед; да-да, фанаты Кентуккийского университета настолько отвратительны).

— Готова? — спрашивает Пол, выбирая ракетку себе и кидая вторую мне.

Я ловлю ее за ручку, и Пол восхищенно улыбается. На что гордо улыбаюсь в ответ.

— Да начнется битва! — провозглашаю я.

Пол подает с такой нечеловеческой скоростью, что шарик вылетает с моей части стола прежде, чем я успеваю даже подумать о том, чтобы броситься за ним. Меня это не особо беспокоит. Пол точно меня уделает, но к концу и я заработаю несколько очков: после первой пары-тройки раундов друг начинает лениться. Постепенно комнату наполняют победные вопли, визг проигравших, сочувственный смех и нерегулярный, но вечный стук шарика о ракетку. Пять раундов спустя Пол ведет всухую.

Последнее очко я теряю, когда поднимаю ракетку над головой и ору:

— Ты противный и вообще отвратительный хозяин, доволен?

Пол отвечает поклоном. Меня слишком трясет от адреналина, так что я залезаю на стол и вытягиваюсь на нем по диагонали во весь рост. Пол решает, что это хорошая идея, и делает то же самое со своей стороны стола. Я гляжу в его сторону и хихикаю над нелепостью зрелища: ноги Пола свисают со стола на добрых полметра. Друг ворочается, пытаюсь устроиться поудобнее, и в итоге решает согнуть колени.

Некоторое время мы молчим. Я снова поворачиваюсь к полу и щурюсь, пытаюсь разглядеть его лицо сквозь сетку.

— Все хорошо?

Пол смеется. Я поднимаюсь на локте:

— Пол?

— Все прекрасно. Боже, Таш, ты психуешь каждый раз, стоит мне замолчать больше чем на пятнадцать секунд.

— Неправда!

Тишина. Полная тишина.

— Ладно, так и есть.

— Давай лучше о тебе поговорим, — предлагает Пол. — Таш Зеленка, как ты справляешься со славой?

Я морщусь:

— Это что-то нереальное и иногда раздражает.

— Да ну? Мне казалось, тебе нравится.

— Я не отрицаю. Это круто! Столько комментариев. И, черт, вчера кто-то выложил рисунок с Кевином и у меня прямо дух захватило!

— Кто такой Кевин?

— Поздно, — хмыкаю я. — Джек уже рассказала мне, как ты пытал ее этим. Признайся, ты и так давно знаешь, что такое пейринг? Давай, скажи. Я хочу услышать от тебя, что ты все знал.

— Да, еще бы. Надо быть полным бревном, чтобы не запомнить этого, столько лет общаясь с вами. То есть даже большим бревном, чем я.

Я запускаю в него шариком.

— Ай! Зачем ты в меня кинула?

— Ты снова это делаешь!

— Что?

— Принижаешь себя. Прекрати!

— Ты мой психолог, что ли?

— Пол, ты умный. Ты очень умный.

Вместо ответа друг произносит:

— Джек рассказала мне, что Клавдия ушла. Сочувствую. Это хреново.

Мне не нравится, что он переводит тему, но именно об этом я больше всего хочу поговорить.

— Она совершенно ошеломила меня, — отвечаю я. — Скольких нервов мне стоила эта недавняя шумиха, а теперь надо еще придумывать, как переписать сценарий!

— Боюсь, самоучителей «Как справиться со славой и ее последствиями» не бывает?

— Ага.

Подумав, я добавляю:

— Может, Фом найдет, что посоветовать...

После секундного молчания Пол спрашивает:

— Что еще за Фом?

— Я же про него рассказывала.

— Не помню такого.

— Значит, не тебе, а Джек.

— Так и кто же такой Фом?

— Для начала, чтобы ты лучше понял, Фом - это Том, только через «ф».

Пол хрюкает:

— Кошмар какой! Кем надо быть, чтобы так себя называть?

— Вообще-то, все логично, — резко отвечаю я. — Томас то же самое, что Фома, так что имеет полное право. Он тоже влоггер. Так мы и познакомились и уже некоторое время дружим.

— Друзья из интернета?

— Да, Пол. Бывает, что друзьям нужен интернет, чтобы общаться. Это нормально.

— Ты его вживую видела?

— Нет.

— А по телефону с ним говорила?

— Тоже нет, — и быстро добавляю: — Но мы много переписываемся, у меня есть его номер, и я знаю, что он не мошенник и не маньяк, потому что каждую неделю смотрю его влоги. Он совершенно нормальный.

— Он тебе нравится?

Повисает молчание, я не могу подобрать нужных слов.

— Черт, прости! — спохватывается Пол. — Я не хотел...

— Все нормально. Да, на него приятно смотреть.

— Правда?

Раздается скрип, и в поле моего зрения появляется любопытное лицо Пола. Я смотрю ему в глаза:

— Мне может нравиться чужая внешность, даже если я не хочу видеть людей обнаженными. Так, на всякий случай.

Пол медленно кивает:

— Прости, я не знал. Понимаешь, после того, как ты... Прости, я просто подумал...

Над нами нависает воспоминание о разговоре, который за несколько месяцев не потускнел в памяти и не стал менее неловким, как будто все происходило час назад. Но я не хочу ни вспоминать, ни обсуждать это, и отвечаю:

— Не надо извиняться.

— Ладно, тогда, извини, конечно, но он тебе нравится?

Кажется, к моим щекам приливает не кровь, а грязь.

— Ну... Наверно... То есть... Ну, не в том смысле, что...

— Хорошо, хорошо. Я понял.

— Проехали, — я сама морщусь от того, с каким нажимом говорю.

— Хм. Фом... — Пол пробует имя на вкус, выделяя «ф», и это его забавляет.

Жаль, что у меня нет второго шарика для пинг-понга, чтобы запустить в него.

— Слушай, твое имя ничем не лучше!

— Я и не спорил.

На мою голову вдруг что-то опускается и тут же поднимается обратно. Пол бьет меня по голове ракеткой.

— Чего?

— Предлагаю сыграть еще партию, — отвечает он. — В последний раз ты почти выиграла.

— Только потому, что ты поддался!

— Это оскорбление. Я играл в полную силу!

Я сажусь и качаю головой:

— Ты просто хочешь порисоваться.

— Не отрицаю.

— Жалкое зрелище. — Я разворачиваюсь и свешиваю ноги со стола.

По комнате эхом прокатывается громкий треск. Я внезапно и необъяснимо теряю равновесие. Затем почему-то скольжу по столу вниз под совершенно непонятным углом. Пол что-то вопит за секунду до того, как я врезаюсь прямо в него, и моя нога отзывается острой болью.

Через несколько секунд до моего ошарашенного сознания доходит, что случилось. Я истерически хохочу до слез.

— Охренеть, — выговариваю я. — Мы сломали стол.

Мы стоим у поверженного стола и пытаемся оценить ущерб. Пол предположил, что мы слишком сильно надавили на середину, так что средние ножи подломились, и в итоге две половинки стола врезались друг в друга, подняв целый фонтан голубых щепок.

— Это был производственный брак, — рассуждает друг. — Или винтики в ножках плохо затянуты.

— Или стол не был рассчитан на то, что на него сядут два здоровых лба? — вставляю я.

Пол задумывается над этим. От предложения возместить часть ущерба он только отмахивается:

— Я, в конце концов, мужчина, — замечает он. — Значит, если дело было в весе, это все моя вина.

Я смотрю на него с укором, но не возражаю. Не то настроение, чтобы обсуждать, кто и насколько тяжелее. Я прекрасно знаю, что вешу фунтов на тридцать больше, чем положено по стандартам красоты от Cosmopolitan.

Когда мы уже выходим из игровой, я замечаю у себя на ноге кровь. Там красуется длинный, тонкий порез, на который уйдет добрых три куска пластыря.

— Родители никогда больше не разрешат мне играть с тобой, — говорю я очень серьезным голосом. И, раз уж мы о родителях: — Надо сказать твоему папе.

Пол кивает:

— Только его нет дома. У них какая-то деловая встреча.

— Все равно мы должны сказать ему вместе!

— Таш, мне девятнадцать. Я уж как-нибудь наберусь смелости ему сказать.

— Ладно, — неохотно соглашаюсь я. — Но, если понадобится помощь, зови, я приду. Или можешь просто все свалить на меня.

— Если хочешь, оставайся. Скоро и Джек вернется.

— Я обещала поужинать с родителями. Хотя мне немного неловко, что я ломаю твою мебель и убегаю.

Пол только плечами пожимает:

— Я - плохой хозяин, ты - плохой гость. Теперь мы квиты.

К ужину папа готовит огромную миску шпинатного салата с козьим сыром, ломтиками слив, карамелизованным луком и жареным миндалем. Себе он еще дорезал запеченную куриную грудку, но я не понимаю, почему второй кусок курицы завернут в фольгу.

— Клавдия не придет, что ли?

— Написала, что переночует у Дженны, — отвечает мама.

Ну да, точно. Ей надо наслаждаться летом на полную катушку.

С той ссоры мы еще не разговаривали. Последние пару дней мы лишь обменивались ледяными взглядами и пару раз столкнулись на лестнице. У нас началась настоящая холодная война, и я уж точно не собираюсь прощать ее первой. Неправа здесь она. Мне пришлось просидеть немало часов, вместе с Джек и одной, чтобы хоть как-то привести сценарий в порядок после ухода Клавдии.

Конечно, Долли не такой важный персонаж как Анна Каренина или хотя бы Китти, но наш с Джек сценарий очень насыщенный. Так что каждый эпизод влияет на следующие, и нет ни одной лишней реплики. Вырезать все слова Клавдии было легко, это даже доставило мне мрачное удовлетворение, но залатать образовавшиеся дыры оказалось куда сложнее. Меня больше всего волновало, как впихнуть обратно в сюжет Стиву, которого играет Брукс. Он почти не появляется на сцене без Долли, а я не хочу вычеркивать его из сериала, тем более сейчас, когда мы начали набирать популярность.

Конечно, мне надо простить Клавдию. Если я зайду в «Дзен-центр» на курсы медитации для подростков и поговорю с Дейдре, нашим наставником, она скажет мне, что моя злость только разрушает меня, а у Клавдии свой собственный путь. Но я уже несколько месяцев туда не ходила. То съемки, то вступительные экзамены, то снова съемки... Я, конечно, повторяю себе, что продолжу ходить туда, как только все немного уляжется. Но, похоже, в ближайшее время ничего устаканиваться не собирается, особенно теперь, когда мы, как любит выражаться Джек, «немножко прославились». По вечерам я стараюсь не забывать делать десятиминутный комплекс дыхательных упражнений, но иногда утыкаюсь в ноутбук и так увлекаюсь новыми постами с упоминаниями, что под конец мне лень уже даже пойти зубы почистить, не то что делать какие-то там упражнения.

Наутро я никак не могу сосредоточиться на работе. Посреди смены выходит эпизод со скрэбблом, и мне не терпится посмотреть, как на негоотреагируют. Два дня назад Джек оставила на странице сериала твит с намеком, и фанаты немедленно запустили хэштег #ЧетвергКевина. Я не знала, радоваться мне или паниковать. Мне почти хочется, чтобы того поста Джек не было, потому что теперь все предвкушают сегодняшнюю серию и могут разочароваться. Нет, я уверена, что мы сняли круто. Но я ни капельки не объективна, и не знаю, нравится ли мне серия потому, что я помню, сколько мы над ней работали, или потому, что она правда шикарна.

Я уже решила, что не буду доставать телефон во время десятиминутного перерыва. Как бы ни приняли серию, за десять минут я не смогу охватить реакцию подписчиков, так что просто окончательно превращусь в лужицу. Я и так уже дважды накосячила: сначала лишний раз пробила купальный костюм, потом опечаталась в скидочном коде. Дурацкие ошибки. Может быть, сегодня стоило сказать больно и не ходить на работу.

— Все в порядке? — спрашивает Этан, когда я даже не пытаюсь поймать кинутый им волейбольный мяч.

— Я просто не там, где хочу быть, — покаянно отвечаю я.

— Мы оба такие, — смеется Этан.

Толстой, любовь всей моей жизни, однажды сказал: «Ничто так не нужно молодому человеку, как общество умных женщин». Это, наверно, сексизм. Или нет. Или самую чуточку. Дело было сто с лишним лет назад, а тогда без сексизма было никак, так что поди пойми. Мне больше нравится перефразировать это как: «Ничто так не нужно человеку, как общество умных людей». Потому что, ну серьезно, если бы мы хоть изредка не тусовались с умными людьми - особенно с теми, кто умнее нас, - мы, наверно, превратились бы обратно в одноклеточных и плавали бы себе по болоту.

Джек умнее меня. Пожалуй, еще ехиднее и неадекватнее, но точно умнее. Не знаю, что бы я без нее делала последние две недели, после того как мы резко прославились, потому что она умудряется по-прежнему видеть полную картину происходящего. С недавних пор ее любимая фраза: «Да, круто, но завтра все могут нас возненавидеть». Так что теперь, в #ЧетвергКевина, мне просто необходимо быть рядом с Джек, чтобы трезво оценить реакцию фанатов.

Когда я подхожу к их дому, мистер Харлоу поливает палисадник. Несколько секунд я раздумываю, насколько невежливо будет кинуться в кусты и по-пластунски поползти до заднего входа. Не поймите меня неправильно, обычно я не против поговорить с мистером Харлоу. У него такое же мрачное чувство юмора, как у Джек. А еще его гораздо легче поймать, чем его жену, которая обычно либо уезжает по делам на северо-восток страны, либо запирается в кабинете и что-то бешено печатает. Но сегодня в моей голове еще свежо воспоминание о сломанном столе для пинг-понга. Пол уже должен был

сказать об этом отцу, и я не уверена, что готова к потоку ядовитого остроумия на этот счет.

— Привет, Таш!

Я вздрагиваю и перевожу взгляд на мистера Харлоу, который одной рукой закрывает глаза от солнца, а другой - держит лейку. Она наполнена до краев, и при каждом его движении оттуда стреляют фонтанчики воды. Кажется, прятаться уже поздно. Я подхожу к палисаднику:

— День добрый, мистер Харлоу. Какие красивые георгины!

Что угодно, лишь бы поддержать разговор. Понятия не имею, чем красивые георгины отличаются от некрасивых, но я дико горда собой уже за то, что вообще знаю это слово. Мистер Харлоу начал заниматься садом после ремиссии: врач сказал, что это поможет снять стресс.

— Ты сюда пришла не о цветах разговаривать, — фыркает он в ответ и кивает в сторону дома (еще один фонтанчик из лейки). — Джек внутри.

— Э-э... Спасибо.

И все? Ни единого намека на стол для пинг-понга? Может быть, Пол ему еще не сказал, и это еще хуже, потому что подколки настигнут меня в следующий раз.

— Я серьезно насчет цветов, — замечаю я, открывая входную дверь. — У вас самый красивый сад на всей улице!

Мистер Харлоу отмахивается от меня с каменным лицом. Я направляюсь внутрь, к спальне Джек. Когда я захожу, она, не поднимая взгляда, похлопывает по кровати рядом с собой. Подруга, напряженно хмурясь, изучает экран ноутбука.

— Ты уже что-нибудь видела? — она кликает мышью и принимается яростно печатать.

— Нет, — вкладываю в ответ все свое нетерпение.

Я достаю ноутбук из рюкзака, даже не заботясь о том, чтобы включить его в сеть. Все работает слишком медленно. Логин и пароль обрабатываются слишком долго, интернет не хочет подключаться, браузер дико тормозит на новых вкладках. Но вот наконец-то, наконец-то весь #ЧетвергКевина у меня перед глазами.

— Я разгребаю твиттер, — сообщает Джек. — Люди ретвитят, как сумасшедшие. У нас пара сотен новых подписчиков.

— Ну так что, какая реакция? — спрашиваю я. — Хорошая или плохая?

— Просто обалденная. Под видео фанатки прям-таки разбушевались. Короче, гнилые помидоры, которыми нас однажды закидают, еще даже не выросли. Слушай, пожалей свое лицо, а то к восьмидесяти годам ложка в рот влезать перестанет!

Но я не могу перестать по-идиотски улыбаться даже после нескольких минут в нескончаемом потоке скринов, гифок и восторженных репостов. Только через час у меня получается оторвать глаза от экрана, оглядеться и спросить:

— А где Пол?

— Играл с кем-то в баскетбол, — отвечает Джек и снова атакует клавиатуру. — Через пару часов вернется.

Она замедляется, так что стук клавиш звучит почти театрально: «тук... тук... тук», и поворачивает ко мне голову:

— Я слышала про стол.

Значит, кому-то Пол все же рассказал.

— Смешно, — отвечаю я.

Зовущий свет экрана уже засасывает меня обратно.

— Если бы я знала вас чуть хуже, я бы решила, что вы там занимались диким животным сексом.

Этого хватает, чтобы надолго вырвать меня из плена социальных сетей.

— Что, прости?

— Но я слишком хорошо вас знаю, так что я так не думаю.

— Вот и правильно, — хмурюсь я. — Жуть какая, Джек, зачем ты вообще это сказала?

— Господи, да шучу я! Это совершенно невероятно, в том-то и хохма!

— Это не... Это... — Я пытаюсь одновременно тяжело вздохнуть и зарычать. — Что ты хочешь этим сказать? Зачем ты это сказала?

— В смысле?

Джек уже не шутит. Она закрыла крышку ноутбука и как-то непривычно серьезно на меня смотрит.

— Что я сказала не так?

— Ну, Пол парень, а... а я девушка. Мне все равно нравятся парни.

— Тебе нравится Пол? — очень тихо уточняет Джек.

— Нет, я этого не говорила. В смысле, хватит думать, что я какой-нибудь... робот!

— Боже, Таш! Я вообще не об этом!

Я закрываю лицо руками.

— Я знаю. Но так еще хуже. Как будто... как будто ты по умолчанию считаешь, что я не могу ни к кому ничего чувствовать.

— Я так не думаю, — произносит Джек, вкладывая в свои слова раз в десять больше эмоций, чем обычно. — Прости меня. Я вообще так не думаю. Просто... ты не очень хорошо объяснила нам...

Она запинаяется и себе под нос заканчивает:

— Не знала, что ты так это воспринимаешь.

Я убираю руки от лица, пытаюсь показать Джек, что не злюсь. Не могу винить ее за то, что она запуталась. Я сама до сих пор иногда путаюсь, когда пытаюсь описать ситуацию без глупостей и громких терминов. Мне совсем не нравится то, как я объяснила ее в сентябре, когда мы с Джек и Полом сидели вокруг их бассейна, завернувшись в полотенца и прихлебывая газировку. Я тогда только что рассталась с Джастином Раном, моим первым парнем, и Джек как раз говорила что-то о том, что вокруг полным-полно не слишком тупых парней и что они непременно выйдут из тени, как только узнают, что меня можно звать на свидания, когда я выпалила: «А я не хочу».

— Чего не хочешь? — переспросила подруга. — Встречаться с парнями?

Я надолго замолчала. Друзья уставились на меня, и я наконец проговорила:

— Кажется, мне никогда не нравились вещи... которыми хотят заниматься... люди, которые встречаются.

К их чести, и Джек, и Пол промолчали.

— Мне совсем этого не хотелось, — тараторила я. — Вообще. И когда Джастин пригласил меня на свидание, я решила, что это хорошая идея, потому что, мало ли... Вдруг мне просто надо было... попробовать.

Джек издала какой-то полупридушенный звук, и я поспешно добавила:

— Не в этом смысле. Просто побыть рядом с парнем. Что-то в этом роде.

Меня бросило в жар: и снаружи, от солнца, и изнутри. Я уставилась на свои посиневшие пальцы и добавила:

— Я говорю какие-то глупости. Кажется, не надо было поднимать эту тему.

Джек встала со своего шезлонга, под села ко мне и обняла меня за плечи.

— Имей в виду, все в порядке, — заговорила она. — Неважно, что тебе нравится. И что тебе не нравится тоже. Все в порядке.

Я свалилась ей на плечо, внезапно почувствовав себя вымотанной до предела. Открыв глаза, я поймала на себе взгляд Пола - он смотрел на меня с привычной теплотой.

— Согласен с Джек, — произнес друг. — Все в порядке.

И с тех пор мы не поднимали эту тему.

В смысле, я совершенно уверена, что они обсуждали это, когда оставались наедине (при этой мысли меня перекашивает от неловкости), но они никогда не заговаривали об этом при мне. Это не значит, что ничего не изменилось. Я кое-что замечала. Всякие

мелочи. Джек перестала вслух восхищаться задницами парней. Пол стал гораздо меньше пошлить. Думаю, им так же неловко, как и мне, и они наверняка ждут, когда я буду готова снова поговорить на эту тему. Я все повторяю себе, что надо вернуться к этому разговору, как только придет время и как только я стану увереннее в себе, кем бы я себя на тот момент ни ощущала.

Весной, будучи в десятом классе, я решила, что надо сделать выбор: или парни привлекают меня во всех смыслах, или мне вообще нельзя испытывать к ним чувства. Поэтому, когда Джастин Ран пригласил меня на выпускной одиннадцатиклассников, я увидела в этом знак свыше. Джастин мне нравился. Он был забавным, на него было довольно приятно смотреть, и он делал мне комплименты на каждом свидании, которое у нас только было тем летом. Я даже была не сильно против с ним целоваться. По крайней мере, пока поцелуи не начали превращаться во что-то совсем другое. Что-то с распусканием рук, быстрыми пальцами и неровным дыханием. И я не могла, просто не могла. Не боялась, а просто не хотела.

За неделю до начала учебного года я сказала Джастину, что мне лучше сосредоточиться на учебе. В конце концов, одиннадцатый класс будет самым тяжелым. Мы расстались мирно. Джастину было больно, но он сказал, что я должна делать то, что лучше для меня. И я, конечно, почувствовала себя еще более виноватой. Буквально секунду я подумывала о том, чтобы сказать ему правду. Но как он мог понять ее, когда я сама еще ни в чем не разобралась? Я не могла ничего поделать с ощущениями. Но и с чувствами ничего поделать не могла.

Осенью, когда мы с Джек не занимались нашим сценарием, я забиралась в кровать и лазала по форумам в оттенках фиолетового, пролистывала темы и кликала на каждую, где были слова «гетеромантик» или «нравятся парни». Но сколько бы постов я ни читала, сколько бы ни узнавала новых слов вроде «асексуал», «серый сексуал» или «аллосексуал», какими бы понимающими ни казались мне люди на форумах, я так и не смогла убедить себя, что все в порядке. Что я имею право чувствовать то, что я чувствую, и что это никогда не изменится. Что я действительно такая. Потому что как может быть, что мне нравятся парни, что мне хочется, чтобы кто-то пригласил меня на свидание, обнял за плечи, сказал, что я ему нравлюсь или даже что он меня любит - и в то же время никакого секса? Что если все на форумах тоже... просто запутались?

За зиму у меня появилась ужасная привычка каждую ночь не ложиться допоздна и записывать все свои мысли в текстовый файл. Писать о том, что парни для меня бывают прекрасны, как произведения искусства. Что мне хочется, чтобы меня поцеловали в лоб, но не более того. Что я никогда не понимала, что такого в сексе: ни когда Джек только начала говорить о нем в средней школе, ни когда мы смотрели «Титаник» на тринадцатилетие моей подруги Мэгги и все девочки вокруг взбесились, утверждая в один голос, как «возбуждает» сцена в машине. Хотя это была моя самая нелюбимая сцена. Настолько нелюбимая, что я уткнулась лицом в колени и ждала, пока она закончится, прежде чем снова поднять голову. И я уж точно не понимала, что в нем такого, когда на уроке сексуального воспитания миссис Вэнс сказала: «Секс - нормальная часть жизни. Каждый из нас сексуален». Я могла только сидеть и думать: «Каждый, но не я. Почему я не одна из вас?»

Каждую ночь, засыпая, я закрывала файл, не сохраняя изменения и не чувствуя себя ни на йоту мудрее.

Так продолжалось с самого сентября. Уже почти девять месяцев. Девять месяцев я вынашивала в своей утробе осознание своей сексуальности, и что в итоге? «У вас девочка»? Ни то ни сё? Потому что как могу я быть девочкой, если всех девочек, похоже, привлекает сексуальная сторона жизни?

К концу весеннего семестра я очень плотно засела на форумах. В этот раз я не просто кормилась на чужих постах, а зарегистрировалась под ником *videofuriosa* и активно участвовала в дискуссиях, иногда даже создавая новые темы. Я завела несколько

друзей по переписке на форумах, с парочкой из них даже обменялась электронной почтой. А в апреле я открылась. Мне показалось подходящим принять себя такой, какая я есть, именно там, где я провела столько времени в поисках своей истинной сущности. Здесь я могла назвать себя асексуалом-гетеромантиком, и все бы меня поняли и приняли.

Но каким бы очищающим ни стал этот опыт, меня все еще мучило чувство вины за то, что я открылась всем этим людям, которых никогда даже не видела вживую, но не открылась Джек и Полу. По крайней мере, не рассказала им все как следует, а не как в сентябре. Меня мало волновало, что моя семья не в курсе. Зачем им знать? Если я еще буду с кем-то встречаться, я буду встречаться с парнями, все как положено. Да и что это будет за обеденный разговор? «Мам, пап, ну... помните, что вы делали, чтобы мы появились на свет? Знаете, меня это не прет. И даже напрягает немного».

Но с Джек и Полом все по-другому. Мы обсуждали все наши влюбленности, всех наших парней и девушек с тех самых пор, как появилось, что обсуждать. А еще они меня хорошо знают. С тех сторон, с которых родители и Клавдия никогда меня не изучат. Скрывать от них что-то неправильно. Так хуже и для них, и для меня. Я уже много недель хотела поднять эту тему, хотела сказать им обоим одновременно и на этот раз объяснить все как следует. Вместо этого я за два дня вылила на них еще одну порцию бреда. Половину на стол для пинг-понга, половину - на кровать Джек.

Так что Джек извиняется и выглядит крайне убитой. Два крайне редких события, а мне остается только сказать:

— Это ты меня прости. Я действительно не слишком ясно выразилась.

Она все еще нервничает:

— Ты... ты не хочешь об этом поговорить?

— Ну... Пол рассказывал еще что-нибудь про вчерашний вечер? Ну, не считая истории со столом?

Джек, похоже, собирается ответить отрицательно, но вместо этого говорит:

— Он сказал, что тебе нравится парень.

Кровь бросается мне в лицо.

— Ага. То есть, ну... Черт. Я честно хотела объяснить вам с Полом по-человечески. Обоим сразу. И как-нибудь... менее неловко, что ли?

— Кажется, это нереально. Скажи уже, Таш. Ты же помнишь, все в порядке.

Я киваю, делаю глубокий вдох и начинаю:

— Мне нравятся парни, но секс мне не нравится. То есть, получается, я... кажется, это называется асексуал-романтик? Мне не по душе ярлыки, и я знаю, что это звучит как оксюморон...

— Нормально звучит. Я знаю, что это.

Я только моргаю:

— Ага... наверно, — Джек кивает. — Откуда... ты знаешь?

Она недоверчиво на меня смотрит:

— Я тебя умоляю. Тебе не кажется, что после того разговора я перелопатила половину интернета?

Я внезапно чувствую себя феерической идиоткой. Естественно, Джек тоже изучила этот вопрос. Естественно, но мне до сих пор это и в голову не приходило. Я проговорила несколько десятков возможных объяснений для нее с Полом, десятки способов оправдаться. Как будто мне нужно оправдываться. Как будто Джек давным-давно не на моей стороне.

Джек со мной.

Облегчение приходит неожиданно и накрывает меня с головой. Я начинаю плакать.

— Боже, — произносит Джек, — тебя обнять или лучше сделать вид, что из тебя не течет?

Я со всхлипом хихикаю:

— Все прекрасно, только подожди секунду.

Джек кивает и открывает ноутбук. Она делает вид, что выполняет свои обязанности по связям с общественностью, но я вижу, что она нет-нет да и глядит, как я вытираю слезы и возвращаюсь в состояние покоя.

— Дать тебе салфетку? — спрашивает она.

— Нет, все хорошо. Я в порядке. Прости.

— Слушай, хватит извиняться, а?

Джек несколько раз кликает мышью и хмурится на экран, прежде чем снова поднять на меня взгляд.

— Значит, Фом. Через «ф».

— Я помню, что рассказывала тебе о нем.

— Ага. Фом Козер, парень с блогом про научную фантастику.

— Про фантастику и науку.

Джек странно на меня смотрит:

— Как скажешь, как скажешь. И что теперь? Он тебе нравится? В том самом смысле нравится?

Я чешу в затылке, просто чтобы чем-то занять руку.

— Ну, мы много разговаривали... с помощью почты и сообщений.

— А как насчет чего-то большего?

Я снова краснею:

— Не знаю.

— Ладно. А он знает о?..

— Нет. Только вы с Полом знаете.

Джек долго молчит.

— Правда, что ли? Ты ничего не рассказала Клавдии?

— Зачем мне что-то ей рассказывать?

— Я просто... не знала, что ты доверилась только нам.

— И тем не менее, — отвечаю я. — Не собираюсь делать из мухи слона и устраивать из этого большую шумиху. Просто не хочу.

— Не, я понимаю. Мне никогда не хотелось встать посреди площади и заявить, что мне нравится грешить с самцами.

— Вот именно.

— Хм.

Вот и все. Мы сказали все, что должны были сказать. Ни к чему больше стараться подбирать аргументы. Я разворачиваюсь к своему экрану, Джек - к своему, и некоторое время уютную тишину нарушают только клики мыши. До тех пор, пока Джек не взвизгивает:

— Таш! Таш, помоги мне!

— Что случилось? — спрашиваю я, щурясь, чтобы прочитать письмо на ее экране.

— У меня глюки, — спрашивает подруга, — или нас только что номинировали на «Золотую тубу»?

Граф Лев Николаевич Толстой прожил весьма впечатляющую жизнь. Он родился в богатой и знатной семье, принадлежал к русской аристократии. Он был типичным испорченным богатеньким мальчиком, пока не ушел в армию, не проехался по Европе и не попробовал на вкус реальный мир. Тогда он начал переосмысливать свою жизнь и взялся за перо. Толстой написал «Войну и мир» и «Анну Каренину» - два величайших романа всех времен и народов. Он был приятелем Виктора Гюго. Отрастил огромную спутанную бороду. А на склоне лет стал основоположником ненасильственного христианского анархизма (очень, очень странная штука) и проповедником мирного сопротивления. Он умер от воспаления легких на железнодорожном полустанке. На его похороны собралось несколько тысяч крепостных.

У меня куда менее впечатляющая жизнь. Я родилась в маленьком городке, в обычной семье. Я неплохо учусь, но совершенно не перебарываю спорт. Хочу посвятить жизнь созданию документальных фильмов, которые заставят людей многое переосмыслить. Но пока что наснимала только несколько десятков видео, идею которых я сперла у Лео, и еще горстку роликов, где я хлещу чай и трещу о том, как мне нравится бибисишная версия «Гордости и предубеждения» 1995 года. Не очень-то впечатляет, ага?

Но сейчас, возможно, настал переломный момент всей моей жизни: «Несчастливые семьи» только что номинировали на «Золотую тубу», и ничего круче со мной еще не случилось.

Эту премию вручают всего три года, но за это время она достигла в моей голове того же статуса, что и «Оскар» с «Эмми». Три года назад официально закончился «Гробовой перевал» - бешено популярный римейк известной книги и блестящая пародия на готический роман от Тейлор Мирс. Интернет немедленно затопило потоком шикарных малобюджетных, почти любительских веб-сериалов, снятых под явным влиянием «Гробового перевала», и онлайн-сообщество решило что-то по этому поводу предпринять. Конечно, уже были премии «Стрими» и «Вебби», но их присуждали за громкие имена и ультраинновационные технологии. Некоторым пользователям интернета хотелось чего-то попроще. Вот они и решили организовать свой собственный двухдневный фестиваль и церемонию награждения, посвященные любительским влогам, веб-сериалам и прочим явлениям мира видеороликов. И церемония, и сама премия получили название «Золотая туба»: то ли это была какая-то внутренняя шутка, то ли просто приемлемая замена «Золота Ютуба» - согласитесь, звучит криво. Так или иначе, в первый же год премия имела бешеный успех, и церемония награждения проводилась в расфуфыренном бальном зале отеля Embassy Suites в Орландо. Конечно, большая часть призов досталась съемочной группе Тейлор Мирс, «Лиге Любителей Латте», и актерам «Гробового перевала».

В те два дня я копалась в социальных сетях, шалея от зависти. У людей, которых мы знали только по именам в титрах роликов, вдруг появились лица - счастливые, улыбающиеся физиономии. И все с таким видом, будто настал лучший день в их жизни. И лучше, и хуже всего были фотографии, на которых актеры «Гробового перевала» пошли в тематический парк «Волшебный мир Гарри Поттера». Лучше всего, потому что нет ничего круче, чем Тейлор Мирс, Джо Сэмсон и Кейт Паломо, чокающиеся кружками с холодным сливочным пивом. И хуже всего, потому что я не могла чокнуться с ними.

А теперь у меня перед глазами стоит яркая картина: мы с Тейлор Мирс и Фомом Козером стоим перед Хогвартсом, показываем правыми руками пацифик, а в левых держим бутылки тыквенного сока. Я уже даже знаю, какой фильтр в Инстаграме выберу. А почему бы и нет? Сейчас-то почему бы, черт возьми, и нет? Возможно уже все!

Такие мысли проносятся у меня в голове, пока Джек зачитывает письмо, которое пришло на почту канала сегодня вечером. Нет, у нее не глюки. Или у нас коллективная галлюцинация, и она продолжается, когда мы открываем сайт «Золотой тубы». Конечно,

там красуется список номинантов, и «Несчастливые семьи» тоже там. В категории «Лучший новый сериал».

Мне сложнее всего поверить в то, что письмо писали лично нам. Не просто «Поздравляем! Вы были выдвинуты вместе с еще десятью такими-то и такими-то...». Кто-то из комитета «Золотой тубы» хотел сказать нам:

«Мы так рады, что на прошлой неделе нам сообщили о вашем чудесном сериале! Вас выдвинули чуть позже крайнего срока, но мы решили закрыть на это глаза, потому что на будущий год вас уже нельзя будет считать «новым сериалом». Надеемся увидеть вас в Орландо в августе!»

— Интересно, кто нас выдвинул, — гадаю вслух. — Это же должна быть какая-нибудь важная шишка?

— Наверняка Тейлор Мирс, — отвечает Джек. — Она же от нас без ума.

В письме написано, что все актеры и съемочная группа приглашены посетить церемонию на вторых выходных августа. Нам обеспечат бесплатный вход и праздничный ужин в пятницу вечером, а вот за дорогу и проживание придется платить самим. Дочитав до этого места, Джек сутулит плечи и произносит:

— Ага, конечно, и каким это чудом я за лето накоплю на полет во Флориду?

— Это не так уж невозможно, — замечаю я. — Ты же продаешь столько кукол и работаешь в «Петко»!

— Да, но эти деньги уходят на жизнь, а не на путешествия. Я никак не могу себе этого позволить. Как и большинство актеров, наверно.

Из меня как будто выпустили воздух. Точно, у них же туго с деньгами с тех пор, как у мистера Харлоу диагностировали рак. А мне так хочется, чтобы Джек поехала со мной! Потому что я-то уж точно найду способ поехать.

— Может быть, — медленно начинаю я, — нам начать сбор средств прямо сейчас?

— Нет, — резко обрывает меня Джек. — Просить фанатов оплатить нам дорогу на церемонию, когда мы еще даже не выиграли, — это мерзко.

Конечно, Джек права. Мы с ней уже решили, что не будем собирать деньги, пока не закончим снимать «Несчастливые семьи». Нужно дать аудитории законченный продукт, прежде чем требовать денег на что-то новое. Это дело принципа.

— Джек... — начинаю я.

Она качает головой:

— Ты должна поехать. Надо, чтобы одна из нас была там. Оторвись там за меня, и я буду довольна.

Джек поручает мне непростую задачу, но я только торжественно киваю. Я доберусь туда, во что бы то ни стало. Это моя мечта. За два года летних подработок я отложила чуть больше двух тысяч долларов. Конечно, они должны пойти на колледж, но сейчас высшее образование заботит меня куда меньше, чем «Золотая туба».

Утром Джек провожает меня домой. С тех пор, как мы узнали новость, она что-то все время молчит. Когда мы останавливаемся у нашего дома, я спрашиваю:

— Все в порядке?

Джек кивает. Замирает. Потом мотает головой и мрачно произносит:

— Папа в последнее время плохо себя чувствует.

Я ожидала совсем не этого.

— Что случилось?

— Он начал жаловаться на самочувствие пару дней назад, то есть, наверно, все длится уже несколько недель. Говорит, у него начались страшные приступы мигрени.

— Ты думаешь, это?..

Не хочу лишний раз произносить вслух слово на букву «р». Мне все время кажется, что, говоря его, я отдаю ему частичку своей силы. Что я виновата в том, что оно пришло в дом моих друзей.

— Не знаю, — отвечает Джек. — Он говорит, что это наследственное и в юности у него тоже постоянно болела голова. Может быть, дело только в этом. Но он отказывается сходить к врачу и узнать наверняка. Мама страшно злится, но он повторяет, что просто дождется следующего планового осмотра, а до него еще несколько недель.

— Он с ума сошел!

— Мы говорим ему то же самое. Но это же папа. Его не переубедишь.

— Джек, это просто ужас какой-то! Почему ты раньше не сказала?

— Не знаю... я просто не хочу, чтобы это оказалось правдой. Да и Пол будет злиться, если узнает, что я тебе сказала. Он мне запретил.

— Зачем?

У меня в груди что-то дергается.

— Не знаю. Наверно, не хочет, чтобы ты волновалась, тем более что мы еще ничего не знаем наверняка. Головные боли могут значить что угодно: что у тебя был тяжелый день, что тебе надо попить или что у тебя опухоль в мозгу и ты скоро умрешь. Поди узнай, в чем дело.

— Но когда-нибудь он сходит на осмотр.

— Ага.

В повисшей тишине я посылаю Джек безмолвную просьбу. Она отвечает мне тяжелым взглядом и ворчит:

— Ладно уж.

Я крепко обнимаю ее, стараясь не задушить, и отпускаю прежде, чем она успевает с воплями оттолкнуть меня.

— Обещай, что будешь держать меня в курсе, — прошу я. — Что бы там ни говорил Пол.

В моей грудной клетке снова что-то обрывается.

— Тебе тоже интересно, чего я должна была натворить, чтобы заслужить такую карму? — спрашивает Джек.

— В смысле?

— Ну, сначала у папы нашли рак, и теперь вот это. Я должна была в детстве натворить чего-то страшного. Может быть, я даже этого не помню. Я могла убить семью белок и задавить в себе это воспоминание.

— Это так не работает, — мягко отвечаю я. — Плохая карма появляется только за грехи прошлых жизней.

— Или дело не в карме, а всякая хрень просто любит случаться.

— Не хрень, а дуккха! — улыбаюсь я.

Не знаю, как мы дошли до того, что шутим буддистские шутки про рак мистера Харлоу, но у меня такое чувство, что иначе мы просто расплачемся.

— Казалось бы, — продолжает Джек, — какое-нибудь верховное божество должно было уже поставить верхнюю планку на число страданий в нашей жизни.

Я вспоминаю мамины слезы в мерцании телеэкрана:

— Да уж, было бы неплохо.

— Кстати, — меняет тему подруга, — когда ты всем расскажешь, что Клавдия уходит?

— Черт. Ну, Брукс уже в курсе, а остальных это касается в меньшей степени...

Джек смотрит на меня с укором:

— Думаю, мне надо написать им письмо.

— Нет, — отвечаю я. — Я сама.

— Сомневаюсь, что ты это сделаешь. Я напишу им.

— Джек...

— Ребята заслуживают нашей честности. И в любом случае надо сказать им про премию, так что я просто убью двух зайцев.

— Как скажешь, — сдаюсь я. — Только, пожалуйста, выражайся поаккуратнее.

— В каком смысле?

У Джек оскорбленный вид.

— Ты сама знаешь, что иногда... слишком язвись.

— Ты хотела сказать, что я - стерва.

— Джек!

— Ладно, ладно! — машет руками подруга. — Буду деликатна. Небось, как только все услышат про «Золотую тубу», им все равно будет плевать на Клавдию.

Я киваю. Это действительно невероятные новости. «Несчастливым семьям» явно улыбнулась фортуна. Вот бы нашим семьям так повезло...

Я сообщила Фому новости сразу, как только Джек показала мне письмо. И вот наконец ответ.

«Таш, это КЛЕВО!! Поздравляю! Не знаю, видела ли ты список целиком, но “Голос из пробирки” выдвинули в номинации “Лучший влог”. Следовательно, я тоже там буду. И ты понимаешь, что это значит...»

Я моргаю.

Да, понимаю.

Стоп. Понимаю ли я?

Это значит, что мы с Фомом наконец-то встретимся, правда же?

Это значит, что я наконец-то услышу его голос, когда он будет обращаться ко мне.

Это значит, что мы можем... устроить свидание?

Это же будет свидание, правда?

Мои большие пальцы застыли над экраном, а я все не могу подобрать подходящего ответа.

Мне хочется написать: «Я осознаю, что это значит, но не понимаю, что ты имел в виду».

Или что если я возьму и отвечу: «Еще как! Можно я позвоню, и мы все обсудим?»

А я ведь могу. Девять слов, два знака препинания. И все изменится.

Вместо этого я набираю: «ДА! Надо будет встретиться и поговорить».

Мы уже столько переписывались, но ни разу не говорили о встрече. Почему я молчала, понятно - мне просто страшно. Что если Фом этого не хочет? Или хочет, и мы встретимся, но все получится натянуто, неловко и ужасно? Не знаю уж, почему не заговаривал об этом Фом, но хотелось бы надеяться, что у него более благородные мотивы, чем у меня.

Что-то внутри требует, чтобы я позвонила ему прямо сейчас. Я могу набрать его номер, он возьмет трубку, и мы поговорим друг с другом по-настоящему.

Пару минут сверлю взглядом нашу переписку, надеясь, что там вот-вот появится новое сообщение. Фом написал мне всего пятнадцать минут назад, так что я могу рассчитывать на хорошую беседу. Но проходит еще минута - без всяких признаков жизни с его стороны.

Наконец я не выдерживаю и зашвыриваю телефон в сторону скомканного флисового покрывала, брошенного в ногах кровати. Уже не в первый раз за эту неделю мне кажется, что жить в двадцать первом веке как-то фигово. Скажите на милость, как вообще можно так общаться? В стародавние времена людям приходилось дожидаться письма неделями и месяцами, и это, конечно, было ужасно. Но когда они просто общались друг с другом, никому не приходилось напряженно ждать, когда собеседник соизволит ответить. Если тот три минуты не реагирует, значит, его наверняка хватил удар и не надо гадать, почему он, услышав вопрос, решил не отвечать на него пару часов.

Но Фом даже вопроса не услышал. Возможно. Он парень занятой, и у него, наверно, просто возможности не было проверить входящие. Он не стал бы специально держать меня в напряжении. Ведь не стал бы?

Мой телефон звенит, я подпрыгиваю и судорожно тянусь к нему.

От сообщения Фома на меня накатывает волна чудесного облегчения. Он ответил: «КОНЕЧНО!» и просит сказать ему точные даты моего прибытия в Орландо, как только куплю билеты.

Я еще не обсуждала поездку с родителями. Они совершенно точно не одобряют, что их дочь собирается профукать все, что откладывала на колледж, и одна улететь в другой штат развлекаться. Но мне семнадцать, деньги я заработала сама, и это важно для меня. К тому же, мои родители никогда не сажали меня под замок. У меня разумный комендантский час, я много раз ездила куда-то на несколько дней с классом или друзьями. Просто надо правильно подать это и выбрать подходящее время. Тем временем я уже нашла самые дешевые билеты до Орландо. Потому что я - чертов гений планирования.

После поцелуев фанаты выползают из укрытий. Так уж работает фандом, и #ЧетвергКевина - прекрасное тому подтверждение. Поцелуй служит логическим завершением всего невысказанного, всех надежд, намеков и неизвестности на заре зарождения чувства. До него напряжение возрастает и падает, снова растет и падает снова. Взгляды, слова, жесты... Но поцелуй - это точка кипения. Его все ждут, о нем все молят.

Я все это понимаю, но, если честно, мне самой больше нравится то, что происходит до поцелуя: случайное касание плеча, мимолетная встреча взглядов, будто случайно брошенная фраза, которая на самом деле очень много значит... Вот что меня действительно увлекает, и вот что я действительно хорошо создаю.

Например, сегодня мы снимаем сцену Джорджа, Евы и Брукса. Действие происходит после поцелуя, но Китти и Левин не могут броситься друг другу в объятия, потому что с ними сидит их друг Стива. Он, как всегда, жизнерадостно мелет языком, а наши герои пытаются придумать, как бы сказать ему, что теперь они вдвоем. И пока Стива трещит про свой новый любимый ресторан, и какие там подают шикарные луковые кольца, Китти и Левин украдкой переглядываются и обмениваются еле заметными улыбками. За спиной у друга они медленно переплетают пальцы. Китти прикусывает губу и старательно смотрит куда-то вдаль, как будто вот-вот не выдержит и расхохочется над недогадливостью Стивы.

Мы снимаем уже пятый дубль, и это вторая попытка с тех пор, как я попросила Еву прикусить губу. Смотрится очень мило, хотя Джек за кадром и закатывает глаза. Когда я команду: «Снято», становится ясно, что остальным тоже понравилось.

Как только Джек опускает микрофон, Ева хихикает:

— Бру-у-у-укс! — стонет она. — Ну, хватит уже фантазировать, я от неожиданности чуть не засмеялась прямо в кадре!

Теперь они смеются уже вдвоем: Брукс каждый раз играл немного иначе, и с каждым разом это становилось все смешнее. Даже Джордж, кажется, в хорошем настроении - во всяком случае, для себя. Черт возьми, он правда улыбается! А еще ни разу не попросил «улучшить пару строчек» и не пожаловался, что остальные «плохо себя держат».

Джек была права: новости о «Золотой тубе» полностью затмили уход Клавдии. Брукс совершенно спокойно отнесся к тому, что приходится учить заново несколько последних сцен и играть немного меньше. «Это шоу-бизнес, в конце концов», — заметил он жизнерадостно и дружелюбно, как настоящий Стива.

— Ну, так что? — спрашивает он теперь. — Еще разок?

— Не, сейчас было просто идеально.

— О да, наконец-то! — Брукс поднимает вверх ладони, и Ева с Джорджем - ага, Джордж тоже! - дают ему пять.

— Фанаты с ума сойдут! — говорю я.

И правда - может, сцена соприкосновения губ и взорвала интернет посильнее, но эту часть аудитория скушает за милую душу. Для меня сегодняшняя сцена была вообще самой милой и романтической на свете. Тепло и покой окутывают двоих, которые наконец убедились во взаимности своих чувств. И сейчас я тоже не про поцелуй, а про то, что было до него. В ролике со скрэбблом есть момент, когда в глазах Левина вспыхивает свет, и он осознает, что Китти понимает его, что они думают об одном и том же. Прекрасная игра Джорджа позволяет ясно увидеть, какое же это счастье - просто понимать дорогого человека. И сегодня в каждом взгляде и движении скользит радость быть понятым. Я сейчас скажу банальность, но я горда тем, что приложила к этому руку.

Джордж уходит сразу же, в его списке дел на сегодня еще немало пунктов, но Брукс и Ева остаются. Мы с ними и Джек сидим на моем заднем крыльце и съедаем на четверых коробку батончиков с помадкой.

— Я знаю, что это не «Оскар», — произносит Ева, прикусывая свой батончик и оставляя на нем следы зубов, — но теперь все как-то по-настоящему, понимаете? Целая церемония награждения! Как думаете, это можно поместить в резюме?

— Я точно помещу, — отвечает Брукс. — Хотя, конечно, могли бы назвать премию как-нибудь покруче.

— Вообще, если подумать, «Оскар» тоже не слишком круто звучит, — замечает Джек.

Брукс и Ева раздумывают над этим. Брукс пожимает плечами. Светлые волосы Евы развеивает налетевший ветерок, и несколько прядей прилипают к ее липким от помадки губам. Это обыденная, глупая мелочь, но Ева наигранно судорожно хватается ртом воздух и подпрыгивает на стуле, и мы все помираем со смеху.

— Фу, гадость! — отплевывается Ева, пальцами выбирая грязь из своих мягких блестящих волос. Она умудряется даже это делать мило! Окажись на ее месте я, все бы со страху разбежались. Поэтому Китти играет она, а не я.

Наконец Джек и актеры уходят, а я остаюсь лежать, положив ноги на деревянные перила. Оказывается, в телефоне меня ждал приятный сюрприз - сообщение от Фомы:

«Как жизнь? Снимали сегодня, да?»

Мой желудок привычно пускается в пляс, но я улыбаюсь и пишу в ответ:

«Знаешь это чувство, когда все идеально? Когда снимаешь точно так, как нужно? Вот, сегодня было так».

К моей радости, Фом начинает печатать. Кажется, я застала его в удачный момент, и мы можем поговорить.

«О да, лучшее чувство на свете! Когда снимаешь влог с первой попытки, твое лицо хорошо выглядит и почти никакой редакции... Чудесно!»

«Хе-хе, а разве твое лицо может плохо выглядеть?!»

Упс, кажется, я флиртую. Но это же правда! Считается ли за флирт, если ты просто говоришь все, как есть?

Фом немедленно отвечает: «Твое-то уж точно лучше!»

О господи! Мышцы моей руки перестают работать, и телефон летит на крыльцо. Что вообще происходит? Я кое-как подбираю телефон. Фом написал еще одно сообщение: «...Я там тебя не напугал?»

Мои пальцы летают быстрее ветра: «Не, что ты! Это было мило».

Мое лицо сейчас, наверно, краснее свеклы, но пусть будет так. Если все идет так круто, почему бы не продолжить?

«Серьезно, Фом, заведи влог по уходу за собой! Всем интересно, как тебе удастся так прекрасно выглядеть!»

«Я просто прекрасно сплю, вот и весь секрет. Восемь часов в день».

«Что ж, боги сна тебя явно любят».

Да, теперь я точно флиртую. Точка невозврата пройдена, но мне плевать. У меня такое ощущение, что я сейчас могу пробежать марафон и всю дорогу блевать радугой.

«Я дико за тебя рад! — пишет Фом. Переводит тему. Как я его понимаю, сама так делаю, когда меня слишком нахваливают. — Тебя выдвинули на премию, и ты просто круто выглядишь перед камерой. Весь мир у твоих ног, Таш!»

Я улыбаюсь до ушей, хотя Фом немножко и льстит. Мир еще не у моих ног. Я еще не съездила на церемонию. Мы с ним еще не встретились.

Но скоро все изменится.

За ужином собираются все четверо Зеленок - крайне редкое явление в последние несколько недель. Я вообще почти не вижу Клавдию. У нее началось волонтерство в «Объединении» - инженерном лагере дневного дня от Кентуккийского Университета, где подростки учатся проектировать роботов и макеты мостов. По вечерам она пропадает с

Элли, Дженной и кучей подруг. Как правило, она возвращается очень поздно. Когда я засиживаюсь допоздна, копаясь в Тамблере, я иногда слышу, как она взбирается по ступенькам в час или два ночи.

Когда я ее вижу, она выглядит как-то по-другому. Потасканно, что ли. Сегодня, например, у нее покраснели и слезятся глаза. Она выглядит усталой. Что странно, учитывая, что она ушла из сериала специально, чтобы «насладиться летом». По мне, это значит, как минимум, хорошенько отоспаться. Я почти уверена, что они с друзьями выпивают, и не хочу знать, что еще они творят. Наверно, даже идеальным, умным людям вроде Клавдии надо иногда слетать с катушек. В конце концов, настало ее последнее лето перед колледжем, и это, кажется, оправдывает что угодно. По крайней мере, так можно заключить по поведению родителей. Они ложатся спать, не дожидаясь Клавдии, и я ни разу не слышала, чтобы ее ругали за нарушение комендантского часа, который у нее был в учебном году. Даже сейчас, сидя с ней за одним столом, они ничего не говорят о том, что она все время молчит, что у нее красные глаза и что она протыкает еду вилкой с таким видом, как будто ее вынудили поужинать с нами под дулом пистолета.

На ужин у нас запеканка из цуккини. Обычно, когда папа ее готовит, он шутит, что никогда не принимал всерьез запеканок без мяса, а потом встретил маму, и это изменило всю его жизнь и точку зрения тоже. Раньше мы с Клавдией на этих словах начинали ворковать, теперь - изображаем приступ тошноты.

Не знаю, как родителям это удастся. Казалось бы, они настолько разные, что не смогли бы даже познакомиться, не то что прожить двадцать лет в браке. Мама - доморощенный дикарь-коммунист из Новой Зеландии, с пяти лет не ест мяса, каждый день медитирует и занимается йогой, говорит тихо и мягко, нежна, заботлива и даже профессию выбрала такую, чтобы можно было помогать людям. Папа - сын двух чешских эмигрантов, страстный мясоед, экстраверт, большой любитель вечеринок, необычных стаутов и сигар, а еще фанат капитализма почище Джона Д. Рокфеллера. Они познакомились во время туристического похода по Голубому хребту и, казалось бы, должны были немедленно возненавидеть друг друга. Но почему-то не возненавидели. И не возненавидели настолько сильно, что готовы были продрались сквозь целые джунгли бумажной волокиты, лишь бы надеть кольца друг другу на пальцы и сказать, что они согласны. И так прошло почти двадцать лет. Конечно, иногда мама с папой все же ругаются, но их ссоры никогда не длятся дольше одного дня.

Наверно, дело в том, что они научились идти на компромиссы. Папа освоил вегетарианскую кухню и сам добавляет мяса себе в тарелку, а мама никогда не осуждает его за это. Мама воспитала нас с Клавдией так, как ее взрастили в Окленде - по заветам Будды. А папа водит нас в христианский собор на пасхальные и рождественские службы. Мама оборудовала на чердаке зал для йоги, папа может курить сигареты и попивать стаут в своем кабинете - и нигде больше. Они живут вместе потому, что умеют идти на компромисс. И, наверно, потому что, например, любят друг друга.

Мы ужинаем, и я все жду, когда же папа пошутит про запеканку. Но время идет, и никто не произносит ни слова. В конце концов я сама нарушаю молчание:

— У меня шикарные новости!

Родители, оказывается, старательно сверлили взглядами тарелки весь ужин, но я замечая это только сейчас, когда они оба поднимают глаза.

— Это как-то связано с твоей недавней популярностью? — спрашивает папа.

— Ну, я не то чтобы популярна... — начинаю я. — Кажется, я плохо объяснила.

— Слушай, я очень рад, что ты занимаешься чем-то, что тебе нравится, — продолжает папа, размахивая вилкой с цуккини. — Когда ты занимаешься любимым делом, у тебя просто обязано хорошо получаться!

— Ян, — перебивает мама с мягким укором, — по-моему, это не всегда так.

Папа пожимает плечами, как бы говоря: «Ну, не зна-а-а-аю».

— Так вот, — продолжаю я, — наши видео выдвинули на премию. Это что-то вроде «Оскара» для малобюджетных веб-сериалов.

— Правда?! — вскрикивает папа. Кусочек миндаля вылетает из его рта и летит через весь стол. — Это же здорово!

Уголкем глаза я наблюдаю, как Клавдия яростно тыкает вилкой в запеканку. Добавив в голос чуть больше наслаждения, чем нужно, я продолжаю:

— Да, мы все чуть с ума не посходили! Церемония награждения будет на фестивале в августе, и нас всех пригласили поехать.

— Они возместят издержки?

Лучше бы папа не задавал этот вопрос. Теперь разговор будет еще тяжелее, чем я себе представляла.

— Нет, — медленно отвечаю я. — Мы можем бесплатно пройти на фестиваль, но за дорогу и проживание придется платить самим.

Как я и боялась, родители переглядываются.

— Вот как, — произносит папа. Не слишком-то обнадеживающе.

— Я решила - и пожалуйста, пожалуйста, послушайте меня, ладно? — что заплачу за билеты и за отель из денег, которые откладывала на колледж.

— В смысле, потратишь все, что отложила?

Я, конечно, не ожидала, что родители будут прыгать от радости, но папа как-то слишком уж вредничает.

— Я уже знаю цены билетов, — сообщаю я, — и номеров тоже. Да, это дорого. Но эта поездка столько для меня значит! Это именно то, чем я хочу заниматься всю жизнь. Я уже все продумала, и это не безответственно, как вы, наверно, хотите сказать. Это бесценный опыт и хорошая строчка в резюме. И, в любом случае, кто-нибудь да должен поехать, вдруг мы победим?

— А Джеклин не едет? — вступает мама.

— Нет, ей это не по карману. Но она тоже думает, что я должна поехать.

— Одна, — гнет свое папа. — На самолете. И в отеле тоже будешь жить одна.

— Хватит драматизировать! — возмущаюсь я. — Как будто я маленький ребенок и не знаю, как вести себя с незнакомцами. Все будет в порядке, обещаю. Мне семнадцать. Я умею за себя постоять.

У папы такой вид, будто он сейчас скажет что-нибудь очень взрослое и неодобрительное. Я готовлюсь к атаке. Но, должно быть, мама незаметно подала папе знак, так что он решил промолчать, а вместо него говорит мама:

— Мы видим, что ты все продумала, и знаем, какая ты ответственная и сколько этот проект для тебя значит. И, конечно же, это твои деньги, но, Таша, дорогая...

Только не это. Я не готова к этой фразе, за ней все время следуют всякие гадости. «Таша, дорогая, ты ведь поделишься тортом, правда?» «Таша, дорогая, тебе же не сложно помыть еще и тарелку Клавдии?» «Таша, дорогая, у тебя ведь уже есть туфли такого цвета».

Иногда Дорогой Таше хочется забыть, что надо быть доброй и ответственной.

— Но, Таша, дорогая, — говорит мама, — ты все-таки подумай, какие это большие траты. Да, сумма за обучение в колледже сейчас выглядит как кучка нулей, но ее можно скопить...

— Помню, помню.

— Я только хочу сказать, что ты можешь пожалеть о том, что потратила все деньги за одни выходные. Ты столько их зарабатывала!

— Помню, помню, — раздраженно повторяю я. — В конце концов, работала-то я. И я могу пожалеть, только если откажусь от поездки. Такое, — я уже не в первый раз вспоминаю слова Серены, — бывает только раз в жизни!

Мама кивает, но в ее глазах читается какое-то непонятное сомнение, почти грусть. Так странно: мама обычно такая предсказуемая, но иногда я вообще ее не понимаю. Интересно, у нее со мной так же?

— Нам нужно некоторое время об этом подумать, — говорит папа таким тоном, что становится ясно: тема закрыта.

Потом родители снова как-то подозрительно затихают. Вдруг мама поднимает голову, застав меня врасплох, и улыбается. Я знаю эту улыбку и боюсь ее. С такой улыбкой мама сообщала нам с Клавдией, что умер Ральф, наша собака. И каждый раз, говоря мне, что я не могу ночевать у Харлоу из-за каких-то семейных дел, она улыбалась точно так же.

— Чего? — вскидываюсь я, подобравшись всем телом. — Что происходит?

Родители, кажется... волнуются. Как будто раз в жизни не мы, а они нарушили комендантский час или завалили тест по биологии. Наконец берет слово отец:

— Девочки, нам надо кое-что вам сказать. Будет здорово, если вы выслушаете, не перебивая.

Теперь наша очередь переглядываться.

У меня на лице написано: «Что за черт?», слезящиеся глаза Клавдии отвечают: «Сама без понятия».

— Послушайте, — вступает мама, — эту новость нельзя подать легко, так что я просто постараюсь выражаться как можно яснее. Девочки, я в положении. Мы с вашим отцом уже были у врача, и она говорит, что у меня все шансы выносить здорового ребенка. Если все пойдет хорошо, к Рождеству у вас будет маленький братик или сестричка.

Я откладываю вилку и сверлю маму недоверчивым взглядом. Из сотен тысяч слов, которые она могла произнести, меньше всего я ждала именно этих.

«Девочки, я решила на месяц уйти в поход по горному Непалу» - нормально. «Девочки, я покрашу волосы в красный цвет» - ну ладно. «Девочки, я сажусь на строгую безуглеводную диету» - грустно, но переживем. Но не такое. Не «Девочки, я в положении». Моя мама родила нас давным-давно, поезд ушел, жизнь продолжается. Мы уже выросли и вот-вот разведемся. Она взрослый и ответственный человек. У женщин ее возраста не бывает незапланированной беременности. Это вообще прерогатива моих ровесниц!

Или она не была незапланированной? Или они так и задумали? Или...

— Стоп, — произношу я, — Рождество - это декабрь, так? То есть вы уже три месяца в курсе, да?

— Ну, не три, конечно, — примирительным тоном начинает мама. Ее большие темные глаза кажутся еще больше.

Значит, беременность все-таки незапланированная. От этой мысли на меня накатывает волна отвращения, потому что я только что начала размышлять о подробностях половой жизни собственных родителей, а этого не надо делать ни при каких обстоятельствах.

— Я не понимаю, — Клавдия побледнела и говорит быстро и отрывисто, как будто чихает. — Чего вы сейчас от нас хотите?

— Девочки, — размеренно произносит папа, — мы согласны, что к этому нужно привыкнуть. Нам тоже было не слишком просто. Но маме сейчас очень нужна ваша поддержка.

— Я не понимаю, — повторяет Клавдия. — У вас уже есть дети.

— Согласна, это неожиданная новость, — продолжает мама. — Но этого хочу я, и этого хочет ваш папа. Наверно, лучше всего нам сейчас разойтись, чтобы вы могли все обдумать в тишине и покое.

Я начинаю хихикать. Не специально. Мне не смешно. Я не испытываю ничего похожего на радость или веселье. Просто чувство, охватившее меня, не знает, как правильно выйти из моего организма.

— Простите, — выдыхаю я, прикрывая рот рукой. — Это не смешно. Я просто... не могу...

Клавдия смотрит на меня так, как будто я сошла с ума. Папа, похоже, сердится, но не знает, что делать. И только мама глядит на меня спокойными, понимающими глазами. Но мне не нужно от нее ни спокойствия, ни понимания. Они сейчас совершенно ни к чему. Смех все еще сдавливает мне грудь, я вскакиваю и выбегаю из комнаты.

Ночью моя бессонница возвращается с новой силой. В четыре часа утра я сбрасываю одеяло, крадусь в кухню, беру пачку печенья и ухожу к Полу и Джек. Как я и надеялась, они не заперли вход в подвал. Так что я захожу внутрь, ложусь на диван в игровой, съедаю половинку печенья и засыпаю с оберткой в руке. Просыпаюсь я от голоса Джек:

— Черта с два я буду ее будить!

Я сонно поднимаю голову: Пол и Джек стоят у изножья дивана и рассматривают меня, как будто я - бродячий енот, который прогрыз дырку в стене и забрался к ним в дом.

— Двери запирать надо, — бормочу я. — Или сигнализацию поставьте. Будь я грабителем, тут бы уже фиг чего осталось.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Джек.

— От родителей сбежала, — отвечаю я. — Ай!

Джек безжалостно пихает меня в бок, чтобы я уступила ей немножко места на диванной подушке.

— Ладно, — Джек поворачивается к Полу. — Как я уже сказала, если ты не хочешь ехать, не надо было брать билет!

— Я не говорил, что не хочу. Я просто сказал, что это не мой жанр.

Похоже, до того, как обнаружить мое вторжение, они спорили о предстоящей поездке в Нэшвилл. Несколько месяцев назад Тони предложил всей команде «Несчастливых семей» смотаться туда на денек, чисто для развлечения. В июле там играет его любимая группа, Chvrches, так что несколько человек - и Пол тоже - купили билеты.

Джек наседает на Пола:

— Да-да, твой жанр - это задохлики с гитарами, которые непременно поют фальцетом.

Пол не отвечает: либо слишком устал, либо хорошо держит себя в руках. Когда тишина начинает давить на уши, я выпаливаю:

— Моя мама беременна!

Пол пошатывается и сползает с кресла на пол.

— Ч-что?! — выплевывает Джек.

— Вчера вечером она решила нам с Клавдией рассказать.

У меня в горле бушует поток слов, которому не терпится вырваться наружу. Кажется, если я не замолчу сейчас, я не остановлюсь уже никогда.

— Оказывается, треть срока уже прошла, и тут она внезапно подумала, что надо нам сообщить. И я... я даже представить себе не могу. Это слишком странно. Я все жду, когда она уже скажет нам, что это какой-то изощренный розыгрыш, и, честно, не знаю, на что я буду злиться сильнее: на то, что она так жестоко шутит, или просто на то, что она забеременела!

— Ни хрена себе... — выдыхает Пол.

— Они специально? — спрашивает Джек.

— Я стараюсь об этом не думать, но нет. Похоже, это было незапланированно.

— Зачем им еще один ребенок? — продолжает Джек. — Они только-только вырастили вас с Клавдией! Сколько твоей маме, за сорок? Разве рожать так поздно не опасно для жизни?

— Не знаю. Наверно.

Я замечаю, что Пол смотрит на сестру с укором. Он видит, что я это заметила, и произносит:

— Черт, это жесть.

— Это просто какая-то хрень, — отвечаю я. — Не знаю даже, откуда они собираются брать деньги. Мы не то чтобы купаемся в роскоши.

Я хмурюсь. Seriously, откуда они достанут деньги? Сколько подробностей можно было бы узнать, если бы я не распахивалась и выслушала бы их до конца?

У меня звонит телефон. Пока я тянусь за ним, в голову приходит шальная мысль: «А вдруг это Фом?» Размечталась. Номер мамин. Я отключаю звук.

— Пора домой. Простите, что ворвалась!

— Тыфу на тебя! — отвечает Пол. — Ты поспала на нашем диване и хочешь сбежать? Хуже Золушки!

Джек забирает у меня упаковку, где осталось еще полтора печенья:

— Пусть будет платой за ночлег.

Я рассеянно киваю и поднимаюсь на ноги, рукой пытаюсь расчесать спутавшиеся волосы.

— До скорого!

— Угу, — Джек уже набила рот печеньем с ягодной начинкой. — Передай привет своей плодovитой маме!

Я не хочу сразу идти домой. У меня болит голова, наверно, от того, что я не слишком удобно спала утром. Так что я сворачиваю направо, а не налево, и вместо дома отправляюсь в ближайший парк.

Холли-парк - та еще дыра. Желтовато-коричневая краска детской площадки так давно начала слезать, что сейчас остался только голый металл и ржавчина. Горка, как в старые-добрые времена, широкая и металлическая: тот, кто ее проектировал, явно считал, что ожоги на бедрах укрепляют детский характер. За рядом столиков для пикника виднеется заросший водорослями маленький прудик. Я только недавно осознала, какая же здесь разруха. В детстве я считала Холли-парк волшебной страной. Я все время просила папу собрать нам еды, и мы с Полом и Джек грузились в мою игрушечную тележку и отправлялись в парк.

Даже теперь, когда я понимаю, что наш парк просто выгребная яма, детская привязанность к нему не отпускает меня. Я все еще прихожу сюда покататься на качелях и обойти парк по обсаженной деревьями гравийной дорожке. Сегодня я иду по ней маленькими, размеренными шагами. В парке больше никого нет, так что я решаю спокойно подумать.

Я так зла на родителей! Они не должны были вот так вот вываливать на нас эту новость, а тем более не должны были столько молчать. А вообще я злюсь в основном от того, что внутри меня закипает бешеная, бесконтрольная зависть.

Наверно, «зависть» - не совсем верное слово. Я не могу завидовать еще не родившемуся ребенку. Я скорее... запуталась. И так достаточно перемен: в конце лета Клавдия уедет в колледж, а через год уеду и я. Но родители должны оставаться чем-то неизменным, и дом должен быть надежным пристанищем. Ага, размечталась. Теперь все изменится. Я больше не буду младшим ребенком. Этот младенец будет заботить их куда больше, чем мое будущее. На выходных вокруг будут сплошные соски, детские вопли и игрушки под ногами. Я так не хочу! Мне этого не надо. Но это происходит, хочу я или нет. Так что надо приспосабливаться.

По пути домой я так погружаюсь в собственные невеселые мысли, что не слышу ни стука баскетбольного мяча, ни криков подростков, ни шагов Пола. А потом я оказываюсь в его объятьях и вся в чужом поту.

— Фу, прекрати! — бормочу я, но не пытаюсь вырваться, потому что он защищает меня от солнца и печальных размышлений.

— Привет, — говорит Пол мне на ухо, чтобы другие ребята ничего не слышали. — Все в порядке?

Я киваю, уткнувшись головой ему в грудь. Капля пота падает с его лба мне на нос, и я вытираюсь его футболкой.

— Хочешь, сейчас пойдем, поговорим по душам и разломаем еще один стол для пинг-понга?

Теперь я все же отталкиваю Пола, смеясь:

— Все хорошо, правда!

Я немного кривлю душой, но здесь, кажется, разговор с Полом не помог бы.

— Эй, хватит уже! — кричит кто-то из баскетболистов. — Давай прощайся со своей девушкой!

Мы с Полом переглядываемся, и у нас на лицах написано: «Они просто ничего не понимают!» Пол посылает мне воздушный поцелуй, я посылаю такой же в ответ, и тут кто-то сильно бьет его мячом в живот. Все игроки громко, отрывисто смеются.

Они просто ничего не понимают.

Хотя...

Всю дорогу домой у меня в горле как будто лопаются пузырьки, словно я выпила слишком много газировки. Мне иногда нравится, когда меня принимают за девушку Пола. И это правда странно. Он, конечно, не встречается ни с кем с тех пор, как расстался со Стефани Кру, но я точно знаю, в каком именно смысле он хочет быть с кем-то, и в этом наши интересы не пересекаются.

Но это не значит, что пузырьки из моего горла просто возьмут и исчезнут.

«Слушай, Таш, они просто ничего не понимают!»

Я достаю телефон, чтобы отключить себе мозг сидением в социальных сетях. У меня новое сообщение. От Фома. Мы обсуждаем последнюю серию «Бурь Таффдора», нового шоу на кабельном телевидении, о котором в последнее время судачили все мои знакомые ботаники в сети. Фом пишет:

«ЭТИ ЧУВСТВА ПОРАБОТИЛИ МЕНЯ».

Вот так вот - раз! - и у меня прекрасное настроение. Я улыбаюсь, останавливаюсь и пишу ответ.

Умнейший из людей, Лев Толстой, говорил, что человек по-настоящему живет только тогда, когда в его жизни происходят маленькие перемены. Знаю, звучит банально, хоть вышивай цитату на подушках и продавай. Но эта мысль становится куда глубже, если добавить в нее парочку отрицаний: «Если в вашей жизни ничего не меняется, вы почти что и не живете». Это значит, что не надо бояться перемен: они напоминают нам, что мы живы и в нашей жизни что-то происходит.

Иногда мне кажется, что летом я живу по минимуму. Недели наполнены рутинным перемещением из моей спальни в спальню Джек, оттуда - в их подвал, потом - в Old Navy на работу, и снова в спальню.

Интересно, неужели всем на роду написано всю жизнь носиться из одного привычного места в другое, пока они не сольются в большое мутное пятно? Я где-то читала, что средний американец тратит шесть месяцев своей жизни на то, чтобы стоять на светофоре. Интересно, сколько лет большинство проводит у себя в спальне? Какая часть жизни протекает в этих четырех стенах? Кажется, я думаю об этом дольше, чем полезно для здоровья - и обычно я размышляю именно в спальне.

Июнь становится все жарче и жарче, а потом передает горящий факел одуряющей жары июлю. Три дня в неделю я работаю, два дня мы снимаем, а оставшиеся два я сижу у себя в комнате и думаю о всяком.

В целом съемки проходят хорошо. Как и Джек, большая часть команды отказывается от идеи поехать на церемонию, потому что это слишком дорого им обойдется или отнимет слишком много времени. В итоге ехать собираемся только мы с Джорджем. Но это ничуть не отравляет общей радости: выдвижение на премию - огромное событие, подтверждение, что мы делаем что-то настоящее.

Дома все не так гладко. На следующий день после того, как родители обещали подарить нам на рождество ребенка, они разрешили мне съездить в Орlando. Это точно была попытка вновь завоевать мое расположение, но если мне должно быть стыдно за то, что я заглотила приманку, пусть лучше мне будет стыдно.

Я, конечно, разговариваю с родителями, но не как прежде. Тогда, в парке, я чувствовала себя сбитой с толку, и это чувство все еще со мной, изредка дает о себе знать не слишком радужными картинками будущего. Вот я заканчиваю «Кэлхаун-хай», а на трибунах ревет какой-то крошечный член моей семьи. Вот я по скайпу звоню родителям из колледжа, а мама уже устала приглядывать за ребенком и ушла спать. Конечно, это все только предположения, галлюцинаций у меня пока еще нет. И я знаю, что не в моей власти помешать тому, что в положенный срок у меня появится младший брат или сестра. Это случится. Сверлить родителей злобным взглядом, когда мы вместе смотрим телевизор, не имеет смысла. Но все-таки чем они думали, когда решали добавить в нашу адскую семейную смесь еще одного ребенка? Не то чтобы я сержусь, но мне неприятно, и я ничего не могу с этим поделать. Наверно, тут может помочь только время.

Кстати, я еще ангелочек в сравнении с Клавдией. Она и так проводила большую часть времени вне дома, а теперь я вижу ее максимум раз в неделю. Она совершенно забила на все договоренности с папой и больше не смотрит с ним бейсбол. Те пару раз, когда она все же обедала с нами, она почти все время молчала, быстро съедала еду и сразу же уходила.

— Кажется, кто-то созрел для колледжа, — заметил папа как-то раз после особенно неудачного семейного ужина. Это глупость, потому что Клавдия за год все уши нам прожужжала о том, как она хочет в колледж, и все мы знаем, что она перестала с нами разговаривать не поэтому.

В первую пятницу после Дня Независимости я обхожу примерочные и вдруг замечаю в отделе клетчатых рубашек Джея Прасада. С самыми зловредными намерениями я подкрадываюсь к нему со спины и тыкаю его в бок. Джей подскакивает на месте и резко разворачивается ко мне.

— Таш! — смеется он. — Черт, я думал, ты обвинишь меня в краже.

Я окидываю взглядом зеленую в белую клетку рубашку, которая уже на нем:

— Думаю, если ты вынесешь на себе одну из наших рубашек, никто и не заметит.

— Ты же сотрудник, тебе нельзя говорить такие вещи!

— Я работаю тут третье лето и могу делать все, что захочу.

Джей смеется в ответ и спрашивает:

— Ты скоро заканчиваешь?

Я смотрю на часы, хотя могла бы этого не делать. Я и так знаю, сколько времени. Посетителей сегодня мало, так что я проверяю время каждые пару минут, как будто от этого секундная стрелка решит ускориться. Мама бы сказала, что я излишне суечусь и не стремлюсь к просветлению.

— Пара часов осталась, но начальник не будет злиться, если мы поболтаем. Сам видишь, тут почти пусто, — я обвожу рукой пустое помещение, на заднем плане в миллионный раз играет Walking on Sunshine.

— Ищешь что-нибудь конкретное? — спрашиваю я, стараясь не выходить из образа продавца. — А тебе идут клетчатые рубашки.

— Как же без них? — отвечает Джей. — Как синие джинсы. Они идут всем и вся.

Я с ним не согласна, но улыбаюсь, как нас научили перед приемом на работу, — как бы говоря: «Да, скупи-ка весь ассортимент!»

— Не знал, что ты здесь работаешь, — добавляет друг. — Как я умудрился? Казалось бы, должен был уже знать.

Я пожимаю плечами:

— Похоже, мы последнее время говорим только про сериал.

— Ага. Кстати, я тебе говорил уже, что получил несколько писем от продюсеров веб-сериалов? Ничего сверхъестественного, просто просьбы выслать резюме и фотографии. Они все, конечно, живут где-то далеко, один из Онтарио, другой где-то в окрестностях Лос-Анджелеса. Оба написали, что согласны провести прослушивание в формате видео, если я вдруг захочу переехать. Ну и я такой: «Эй, ребята, я что, профессиональный актер с бездонным кошельком?» Кажется, они не понимают, что большая часть из нас еще даже школу не закончила. Но мне польстило.

— Ничего себе. — Я только пытаюсь переварить тот факт, что команда какого-то крутого сериала из самого Лос-Анджелеса попросила у Джея фотографию. А он уже меняет тему:

— В Орlando правда поедете только вы с Джорджем?

— Да, — при этом я стараюсь сохранить спокойное лицо и не выдать своего недовольства. Недовольство — это непрофессионально.

— Понятно. Как собираетесь экономить? Может, возьмете один номер на двоих?

— Джей!

— Что? — невинно спрашивает он. — Ты же знаешь, от ненависти до любви один шаг. Противоположности притягиваются, все дела. Он же красавчик, а теперь к тому же еще и знаменитый.

— Я сама сделала его знаменитым, — надменным тоном произношу я. Как бы побыстрее сменить тему?

Иногда мне кажется, что Джею можно рассказать всю правду и он нормально ее воспримет. Он знает, каково не оправдывать всеобщих надежд и ожиданий. Но чаще всего думаю, что признаться ему будет хуже, чем наступить на большую мозоль. Как можно выставлять напоказ свою незаинтересованность в сексе, когда Джею приходится отстаивать право на любые проявления своей ориентации? Это будет не слишком

деликатно. В конце концов, мне-то никто не говорит, что мне нельзя вступать в брак и что я буду гореть в аду.

В девятом классе я вступила в школьный альянс геев и гетеросексуалов. Тогда я представилась «союзником». На одном из прошлогодних собраний Тара Роудс заметила: «Союзники это важно. Без них альянс не был бы альянсом, а значит, не было бы буквы “А” во всех наших аббревиатурах!» (*прим. пер.: сокращение LGBTQIA включает слово “asexual”, но многие считают, что это значит “ally” — союзник*). Мне тогда захотелось встать и закричать: «Эта буква расшифровывается иначе! Я здесь, я существую, и запуталась во всем не меньше вашего!» Но я, конечно, промолчала, потому что мне не хотелось раскрывать свою тайну в школьном классе, который пах средством для мытья доски. А неосторожная фраза Тары беспокоила меня еще много месяцев. Из-за нее мне казалось, что никто не признает существования людей вроде меня. Что мы как бы не в счет. А если нас даже в этом чертовом альянсе не принимают всерьез, куда мне с этим пойти?

— Таш? — я молчала так долго, что Джей перестал улыбаться. — Прости, не хотел тебя смутить.

— Все в порядке, я просто думала, что было бы и правда гораздо дешевле делить с кем-нибудь комнату. Только... ну, не с Джорджем. Знаешь, Тони одно время тоже хотел поехать, но, похоже, предпочел купить новый синтезатор.

— Да, он любит музыку, — Джей внимательно рассматривает стойку с шарфами, стоящую прямо у меня за плечом.

— Дже-е-ей, — неуверенно тяну я, — слушай, это, конечно, совершенно не мое дело, но...

Джей кривится:

— Я не хочу говорить... о... ну, об этом.

Я быстро киваю:

— Хорошо.

— Просто... ты - подруга Джек, а он - ее бывший, так что мне неудобно обсуждать это с тобой.

Он совершенно прав. Не знаю, зачем я вообще подняла эту тему. Вернее, вот зачем: каждый раз, когда Джей и Тони играют в одной сцене, Джей становится похож на маленького большеглазого щеночка, который ждет, что Тони погладит его по голове и назовет хорошим мальчиком. Даже на записях, как бы Алекс и Вронский ни наседали друг на друга, в глазах Джея плещется капелька тоски. Может быть, ее видно только мне. Так или иначе, смотреть больно.

— В смысле, он мне правда очень нравится, — продолжает Джей, хотя мы, вроде, уже договорились этого не обсуждать. — И, думаю, все, кроме него, давно все поняли. Но я не хочу испортить нам съемки. Я обожаю Джек, она реально крутая. У нас и так та еще путаница творится со всей этой сетевой шумихой, уходом Клавдии и Джорджем... ну, с Джорджем всегда сложно.

Он очень точно перечислил все мои поводы для бессонницы.

— Знаю, знаю, — продолжает Джей, хотя я его за язык не тяну. — Еще я просто боюсь, что Джек меня убьет. Мне иногда кажется, что она из тех, кто способен совершить убийство и не попасть под подозрение.

— Она может, — не подумав, соглашаюсь я.

Лицо Джея перекашивает почти до неузнаваемости.

— Слушай, ты прав, — добавляю я. — Это правда слишком странно.

Джей запикивает рубашку обратно на полку.

— У них с Тони все было всерьез?

Я вспоминаю все наши с Джек долгие телефонные разговоры за месяцы, пока они встречались, все ее слезы и восторги. Я вспоминаю всю музыку, которую Тони кидал ей, а она, соответственно, кидала мне. Все песни о любви, которые Тони посвятил ей, и все

песни о расставании, которые она написала о нем. Вспоминаю тот декабрьский вечер, когда Джек поздно-поздно зашла ко мне, заползла в постель и рассказала, что они с Тони впервые спали вместе. Через два месяца они расстались.

— Ну, ты видел их, когда они встречались, — отвечаю я наконец.

— Это все-таки другое. Вы никогда не теряете делового настроения во время съемки.

Отрадно это слышать. Мы всегда стремились к профессионализму. Все эти месяцы после расставания Джек и Тони, как правило, просто игнорировали друг друга, а не ругались на глазах у всей команды.

— Тогда да, я бы сказала, что у них все было всерьез. Почти дело жизни и смерти.

— Может, вопрос?

— В смысле?

— Кажется, правильно говорить «вопрос жизни и смерти».

— Плевать.

— Не совсем.

— Джей, может быть, тебя интересуют наши шарфы? Ты как-то подозрительно долго на них смотришь.

— Что? А, нет, прости, — Джей мотает головой и проводит рукой по лицу. — Прости, нам, наверное, действительно не надо это обсуждать.

Я тыкаю пальцем ему в щеку:

— Так и прекрати это обсуждать.

На лицо Джея возвращается долгожданная улыбка.

— Надо бы почаще видаться. В смысле, кроме съемок. Я так скучаю по временам, когда мы виделись просто так...

— Я тоже. Что-то мы совсем забегались с этим сериалом.

— Включи это в расписание съемок. Обязательные сеансы простого общения.

— Хм, как заманчиво...

Джей не обращает внимания на мой сарказм и с обаянием кандидата в президенты произносит:

— Если веселье не идет к тебе, иди к веселью!

— Надеюсь, однажды кто-то напишет это на огромной мраморной доске и подпишет твоим именем.

Джей берет одну-единственную клетчатую рубашку:

— Думаю, я готов расплатиться.

Я натягиваю деловое лицо и одобрительно киваю:

— Прекрасный выбор. Вам в ту сторону.

— Бабушка, ты нас слышишь?

Изображение на экране дрожит и пропадает, голос бабушки Янг вырывается из колонок хриплыми рваными порциями. Иногда ее слова сложно разобрать из-за новозеландского акцента, но сегодня всему виной чисто технические проблемы.

Мы проговорили по скайпу с дедушкой и бабушкой Янг уже около часа, и вдруг изображение замерло. Сегодня мы сидим перед компьютером вдвоем. Клавдия ушла из дома до ужина, никого не предупредив, и лично я страшно на нее зла. Клавдия знала, что мы собираемся им звонить. Знала и сознательно сбежала.

Я считаю, что дедушка с бабушкой это святое, потому что они старые и нельзя сказать наверняка, не станет ли этот разговор последним. Целую бабушку Зеленку в щеку на парковке в «Олив-гарден», я не знала, что целую ее в щеку последний раз. Это был совершенно обычный вечер. Бабушка Зеленка обняла меня за талию и наказала мне быть хорошей девочкой, а потом они погибли в автокатастрофе по пути домой.

Так что этим самым вечером Клавдия может лишиться последнего разговора с бабушкой и дедушкой Янг. Я тоже не писаю кипятком от новостей про ребенка, но я не собираюсь отыгрываться на дедушке с бабушкой.

Я пытаюсь отбросить свою обиду: не то чтобы Клавдия этого не заслуживала, просто я не хочу, чтобы злость отражалась у меня на лице. Хотя, конечно, при таком соединении дедушке с бабушкой еще повезет, если они рассмотрят, где я стою.

— Мам? — кричит моя мама в сторону экрана. — Мам, если ты нас слышишь, мы сейчас отключимся и попробуем снова.

Когда она нажимает на отбой, папа молитвенно складывает руки и умоляет:

— Можно мы скажем, что у нас интернет вырубился?

В этом еще одно большое различие моих родителей. Мама обожает длинные разговоры. Она расспрашивает о всяких мелочах, вроде того, что дедушка с бабушкой сегодня делали и что они едят на завтрак. Она спрашивает, как они себя чувствуют, и что они об этом думают, и как относятся к этим мыслям. Папа тоже любит поговорить, но он предпочитает громкие, оживленные разговоры о спорте или политике. Когда мы созваниваемся с дедушкой и бабушкой, инициатива, понятно, принадлежит маме, так что мы говорим долго и с удовольствием, не говоря ни о чем конкретном и не приходя ни к каким выводам. Они уже знают про мамину беременность, так что минут двадцать разговор был довольно интересным - хотя я сидела и тихо закипала, потому что как они могут обсуждать нового внука так, будто это не страшное несчастье? Но после этого напряжение пошло на спад, и к тому моменту, как пропала связь, бабушка уже жаловалась на мозоль на левой пятке.

Я стойко переношу этот вынос мозга просто потому, что, опять же, дедушка с бабушкой это святое. Ну и еще чуточку ради мамы, потому что она все время повторяет, что это по ее вине мы так плохо знаем дедушку с бабушкой. Мы говорим с ними по скайпу и приезжаем на две недели каждые пять лет. Вот и все. И маму это беспокоит. Настолько, что по ночам она тихо плачет, сидя перед телевизором.

Она перезванивает и говорит папе:

— Ты можешь в любой момент пожелать им спокойной ночи и уйти к себе. Думаю, они не будут возражать.

— Конечно, не будут, — ворчит папа. — Твоя мама будет слишком занята разговором о мозолях, чтобы заметить хоть что-то.

Они все еще не берут трубку.

— Может быть, у них нет интернета, — предполагаю я. Папа радостно кивает:

— Интернет погиб героической смертью!

Мама вздыхает:

— Ян, иди уже наверх. Я за тебя попрощаюсь.

У папы лицо ребенка, который только что услышал, что сегодня не будет уроков.

— Да иди уже, — мама шлепает его по локтю. — Ты сделал свое доброе дело.

Папа взлетает по лестнице, где его ждет спальня и несколько часов спортивного канала.

— Мужчины... — вздыхаю я. — Никакого терпения.

Мама смотрит на меня с укором, как бы говоря: «Вообще-то это не так, но в данный момент, увы...» Тут дедушка с бабушкой наконец поднимают трубку, и на сей раз их видно гораздо лучше.

— Бабушка, ты нас слышишь? — снова спрашиваю я.

Бабушка Янг улыбается в камеру:

— Да, прости, дорогуша, Джон решил перезапустить программу. Эти новые технологии - и дар, и проклятие, так ведь?

Я от души киваю.

Клавдия возвращается домой после полуночи. Я еще не сплю: мы с Фомом обсуждаем последнюю серию «Бурь Таффдора», в которой пролилось немало крови и слез.

Я набираю: «Одни только титры можно смотреть на повторе целый день», отправляю и тут же слышу тихий стук шагов по лестнице. Я быстро печатаю: «Прости, надо отойти», слезаю с кровати и бегу к двери. Мне удается поймать Клавдию в коридоре. Как дикое животное, я бросаюсь на Клавдию, хватаю ее за локоть и вцепляюсь в него ногтями. Сестра вскрикивает, вполголоса чертыхается и стряхивает мою руку:

— Чего тебе надо? Чем ты вообще думала?

— Это ты чем думала? — набрасываюсь на нее я. — Ты пропустила разговор с бабушкой и дедушкой! Это было невежливо!

В воздухе витает какой-то смутно знакомый, но совершенно неуместный запах. Обычно я чую его, когда гуляю по пригороду или иду по школьной парковке. Это запах сигаретного дыма. От Клавдии пахнет куревом!

— У нас с Элли и Дженной были другие планы, — отвечает сестра.

— Надо было их отменить. Семья это святое, а с Элли и Дженной ты года через три и разговаривать-то, может, перестанешь.

Лицо Клавдии переполняет презрение. Это выглядит отвратительно, так даже герои мультфильмов не смотрят на своих заклятых врагов, не то что одна сестра на другую.

— Ты ничего не знаешь о моей жизни! — шипит Клавдия.

— Слушай, я тоже на них обижена, но не всеми вещами можно бросаться. И я бы на твоём месте не вела себя так с людьми, которые, между прочим, будут платить за твоё высшее образование.

— Всего одну восьмую суммы! — выплевывает Клавдия. — И я пахала как проклятая, чтобы заслужить стипендию!

— Так или иначе, за моё обучение в Вандербильте они платить не будут вообще.

— Да ладно тебе, Таш, ты в Вэнди даже не пройдёшь. Спустись уже с небес на землю!

Теперь уже на моём лице написана уродливая злоба. Меня трясёт. Так бы и выцарапала ей сейчас глаза!

— Ты же понимаешь, что все это на самом деле значит? — спрашивает Клавдия, и у нее изо рта идет еще один знакомый, но непривычный аромат. — Знаешь, что мама хочет этим сказать? Что мы с тобой — ее неудача. Что мы выросли не такими, как она хотела. Так что она хочет попробовать еще разок.

— Ты ничего не понимаешь! — шепчу я, хотя она высказала вслух то, о чем я много раз думала.

— Это опасно и безответственно с точки зрения денег, и если ты собираешься плыть по течению только ради гармонии или в какую там буддистскую лабуду ты все еще веришь...

— Я не плыву по течению!

— Ну, значит поплывешь. Ты же готова на все, лишь бы мама была тобой довольна. Ты же такая подлиза!

— Да ладно? Ты учишься на отлично, занимаешься машиностроением, как дедушка, смотришь с папой спортивный канал и получаешь стипендию за миллион всевозможных заслуг — и это я еще подлиза?

— Ладно, как хочешь, ври себе еще и об этом, раз уж ты уже врешь себе о том, что попадешь в приличный университет!

Мы говорим слишком громко. Сначала мы беседовали сердитым шепотом, а теперь уже орем друг на друга. Я вдруг замечаю, что в дверях родительской спальни стоит мама. Сколько она там простояла? Клавдия замечает, куда я смотрю, оборачивается и застывает.

— Девочки, — обычным своим ангельским голосом произносит мама, — уже давно пора спать.

Как будто она ничего не слышала. Как будто единственная проблема в том, что мы не спим после полуночи.

Договорив, мама разворачивается и закрывает за собой дверь.

Клавдия начинает говорить, но я не собираюсь ее слушать. Я хлопаю дверью спальни и сползаю по ней, пытаюсь обдумать то, что только что услышала. Клавдия сама не понимает, о чем она говорит. Подлиза здесь она. Она всегда такой была. Каждое лето она занималась волонтерством и работала над проектами в кэлхаунском кружке физики. Она часами готовилась к вступительным экзаменам, сидела с чужими детьми и налаживала отношения с соседями. Она, в конце концов, много времени проводила с семьей. Она так старалась быть идеальной девочкой, что, кажется, превысила все допустимые лимиты и стала просто святой.

По крайней мере, так было до этого лета. Не знаю, во что они с Элли и Дженной решили влипнуть, но, в конце концов, она взрослый человек. Если ей хочется устроить себе встряску, тогда пускай, она, наверно, этого заслуживает. Но вести себя как последняя сволочь вовсе необязательно.

У меня из головы не идут ее слова про Вандербильт и выражение маминого лица, когда она услышала, какие ужасные вещи мы друг другу кричим.

Когда я уже лежу в постели, мне приходит в голову, что все эти годы я считала Клавдию идеальной дочерью. Лучшей из нас двоих. Королевой нашего семейства. Но теперь я уже ни в чем не уверена. Кажется, годы ее правления подошли к концу. Мне даром не нужна ее корона, вот только Клавдии, похоже, позарез понадобилось ее сбросить.

— Стой, мы что, опять злимся на Клавдию?

Мы с Джек и Полом сидим под горкой в Холли-парке и готовимся к нашей ежегодной гонке горящих задниц. Эта традиция появилась в четвертом классе. Правила просты: жарким летним днем мы садимся на железную горку голыми ногами и сидим там столько, сколько можем. Тот, кто продержится дольше всех, собирает дань с проигравших. В начальной школе ставка была по доллару с каждого, теперь - двадцать долларов и целый год почета, славы и права гордиться собой.

Джек щедро мажет ноги увлажняющим лосьоном: она утверждает, что именно благодаря ему она побеждает последние два года (я со средней школы не выигрывала).

— Мы не злимся, — отвечаю я. — Мы просто... выведены из себя.

— Серьезно? У нас даже тон злобный.

— Почему мы говорим о себе «мы»?

— Мы не знаем.

Я вздыхаю:

— Она считает меня предателем, потому что я смирилась с пополнением в семье. Как будто у меня был выбор!

— Я уже излагала свой гениальный план, — отвечает Джек. — Ты имела глупость отказаться.

— Ты про то, чтобы заключить сделку с дьяволом, сделать моего будущего братика или сестричку Антихристом и доказать родителям, что они неправы?

— В твоих устах это звучит слишком мрачно.

Я не рассказывала друзьям, что Клавдия сказала про Вандербильт. Слишком болезненная тема.

Пол лежит на боку, так что его длинные ноги высовываются из-под горки. Он набирает горсть песка, поднимает руку над головой и провозглашает:

— Сколько вы заплатите мне, чтобы я это съел?

— И это мой брат... — закатывает глаза Джек.

— Может, и нет. Может, я - Антихрист! — он размахивает полной ладонью песка над головой и кричит: — Посмотри, Дэмиен! Это всё для тебя, Дэмиен!

— Я бы поймала тебя на слове, будь это обычный песок, — замечаю я. — Но эта адская смесь, наверно, потоксичнее Чернобыля будет. Вряд ли здесь подметали или насыпали новый песок хоть раз со времен Вьетнамской войны. Как думаешь, сколько собак здесь с тех пор нагадило?

— И сколько маленьких детей здесь пописало? — с энтузиазмом подхватывает Джек.

— И сколько сигаретных бычков тут лежало?

— И сколько птиц здесь спаривалось?

— Хватит, хватит, я проникся! — Пол молниеносно оттягивает ворот футболки Джек и сыпает весь песок ей за спину.

Джек не визжит, не вопит имя Пола и не набрасывается на него с кулаками. Она холодно, с угрозой смотрит на брата и произносит:

— Я убью тебя. Сегодня я задушу тебя во сне, Пол Маркус Харлоу.

Мне внезапно становится тоскливо. Даже сейчас, когда Джек замышляет братоубийство, я вижу, как они с Полом друг друга любят. Они понимают друг друга, как лучшие друзья. От этого зрелища мне грустно и немного завидно. По-хорошему, у нас с Клавдией должно было быть точно так же. Наша разница в возрасте еще меньше, к тому же, мы обе девочки. Мы должны были стать прекрасными подругами. Мы должны были знать все секреты друг друга, меняться одеждой и делиться сердечными тайнами. Но у нас почему-то не вышло. И никогда не выходило. Наверно, мы просто слишком разные. Пока Клавдия занимается школьным самоуправлением, я тусуюсь в театральном кружке. Пока

Клавдия решает уравнения, я пишу сценарии. Клавдия получает стипендию Вандербильта, я... быть может, «Золотую тубу».

Знаю, я не в силах это изменить, но иногда мне хочется сойтись с ней получше. Чтобы ее можно было обнимать, грозить ей и подкалывать так же запросто, как выходит у Джек с Полом. Те несколько месяцев, когда Клавдия играла Долли, мне казалось, что мы можем стать ближе друг к другу. Что у нас наконец-то появились общие интересы. Мы проводили вместе больше времени, чем обычно, и радовались этому. Но, видимо, радовалась я одна, потому что теперь Клавдия говорит, что съемки только отнимали у нее кучу времени и нервов.

Вот вам и сестринское взаимопонимание.

Джек не успевает додумать, что еще она сделает с Полом, потому что на нас набрасывается выводок маленьких детей. Их пятеро, и, судя по пятнам зеленой глазури на щеке у одного из них, они празднуют чей-то день рождения. В наше убежище вторгается девочка от силы лет шести и упирает руки в боки.

— Вы слишком ста-а-арые, чтобы здесь сидеть! — заявляет она, тыкая в нас пальцем. — Детская площадка - для детей! Таковы правила!

— Мы еще не закончили школу, — улыбается Пол, — так что, наверно, сойдем за детей.

— Не-а! — девочка топает ножкой.

На ней кроссовки с подсветкой, и от движения вокруг носка сверкают сине-зеленые вспышки. А вот стоящему рядом с ней мальчику, похоже, плевать на это вопиющее нарушение правил:

— Хотите с нами поиграть? — спрашивает он. — Мы играем в догонялки, и я вода, но, так уж и быть, я дам вам пять секунд форы.

К его футболке с трансформерами пришпилен большой синий значок с надписью «Именинник».

— Ой, Пол просто обожает догонялки! — радуется Джек. — Он точно с вами сыграет! — и со злорадной улыбкой тыкает Пола в колено.

Тот и бровью не ведет. Выбирается из-под горки, поднимается на ноги и стряхивает со спины песок.

— Пять секунд, говоришь? — спрашивает он.

Мальчик внимательно оглядывает Пола.

— Хм-м, — протягивает он, потом изо всех сил хлопает Пола по спине и вопит: — Ты вода!

Пол ревет, как разъяренный медведь. Дети визжат от радости и ужаса и бросаются враспынную. Пол оглядывается на нас и показывает Джек язык:

— Ха! Теперь я с крутыми ребятами!

Он трогается с места, преувеличенно замедляя бег, и старательно промазывает, не задевая детей.

Я смотрю на Джек и качаю головой.

— Чего? — спрашивает подруга. — Он отрывается на полную катушку!

— Наверно, родителям именинника будет очень интересно, почему за их детьми гоняется какой-то левый парень.

Джек то ли фыркает, то ли хрюкает:

— Мне напомнить тебе, что он увел всех моих клиентов, когда я работала нянькой? Родители в нем души не чают!

— Чего так уныло? Ты же ненавидишь сидеть с детьми! — напоминаю я.

С этим сложно поспорить. У Джек неподходящий для няньки темперамент. Она категорически не согласна улыбаться детям, приседать, чтобы посмотреть им в глаза, или спрашивать, какой у них любимый предмет в школе. Моя подруга считает детей уменьшенными взрослыми, которые как следует выпили, и если они отказываются вести себя логично в ее присутствии, значит, не заслуживают ни ее внимания, ни, тем более,

заботы. Так что она бросила эту затею три года назад и все свободное время либо работает в Petco, либо лепит кукол.

— Ничуть не уныло! — отвечает она. — Я просто сказала, что все мамы любят таких, как он.

Следующую минуту мы с улыбками наблюдаем, как Пол с детьми носятся по площадке. Пол идеально вписался в компанию и с радостным гиканьем лавирует между спортивными снарядами, размахивая руками, как пропеллер.

— Повезло детям, — заключает Джек. — Если их родители решили праздновать на детской площадке, вечеринка, наверно, была так себе.

Я оборачиваюсь к ней. Давно хотела задать один вопрос, который копался у меня на задворках сознания уже несколько недель. Причем это так просто не спросишь, надо подготовить почву десятком откровенно наводящих вопросов.

— Так что, ты все еще собираешься на концерт Chvrches? — кладу я первый слой фундамента. Джек смотрит на меня так, будто ничего глупее в жизни не слышала:

— Еще бы, билет-то был дорогой.

— Ладно, хорошо. Просто... я просто не хочу, чтобы тебе было некомфортно. Если не хочешь ехать, все в порядке. Я могу даже остаться с тобой, — а вот и кривенький второй слой.

— Какого черта, Таш? Естественно, я поеду. Только из-за того, что мы с Тони расстались... ты ведь на это намекаешь? На то, что это была его идея? Или на то, что мы с ним записывали кавер на Chvrches?

— Да, типа того.

Строитель из меня отвратительный.

— Ты раздуваешь много шума из ничего. У меня все хорошо, понимаешь? Мы с ним нормально друг к другу относимся.

— Ты с ним не разговариваешь, — видя, что Джек собирается возразить, я быстро продолжаю: — Ну правда же, почти никогда. Если речь, конечно, не о съемках. Ты даже не садишься рядом с ним. Я несколько раз видела, что ты выходишь из комнаты, как только он заходит. Так что не говори мне, что все в полном порядке.

Джек яростно разводит руками:

— Что ты хочешь от меня услышать? Что я предпочла бы не общаться с ним каждую неделю? Да, предпочла бы. Что между нами до сих пор не все гладко? Да, не все. Но, можно подумать, у меня есть выбор. Он - часть состава, а мы, в конце концов, профессионалы.

— Слушай, что это слово вообще значит?

— Будто я знаю, — уставившись в землю и морщась, Джек добавляет: — Знаешь, что меня бесит? Сериалы. Да, конечно, все знают, что они не имеют ничего общего с реальной жизнью. Они нужны затем, чтобы грустные, усталые люди смотрели их, придя домой с работы, и чувствовали себя чуточку менее паршиво. Но они могли бы хотя бы честно изобразить расставания. По крайней мере, нормальные расставания. Я все понимаю, у них ограниченный бюджет и нельзя так просто поменять всех главных героев. Но в конце концов все начинают встречаться со всеми, и, когда они расстаются, никто никуда не уходит. Они просто тусуются в той же компании, что бы ни случилось. Это какое-то извращение. Так не бывает. Если вы расстаетесь, дальше каждый идет своей дорогой. В девяти случаях из десяти оставаться с бывшим друзьями не стоит. Потому что вам всегда, всегда будет тяжело нормально общаться.

— Ты взяла эти цифры с потолка, — отвечаю я.

— То есть крупным телекомпаниям можно снимать дебильные любовные истории, а мне нельзя придумать пару чисел?

— Ты хочешь сказать, что «Несчастливые семьи» похожи на мыльную оперу?

— Я хочу сказать, что все в порядке, но мне не терпится уже закончить снимать.

— Понятно.

— Так что хватит волноваться по пустякам.

— Ладно, — но раз уж мы подняли эту тему и вряд ли захотим в ближайшее время поднимать ее снова, я поспешно спрашиваю: — Может быть, мне удалить ваши видео?

— Зачем?

— Вдруг тебе неприятно, что они висят у всех на виду. Вы там... проявляли свои чувства.

Сочетание потрескивающего синтезатора Тони и горлового вокала Джек привлекало подписчиков, но самой милой фишкой их видео было то, что они никогда не скрывали своих отношений и даже целовались в кадре после песни о любви, которую Тони посвятил Джек. На ее месте я бы немедленно все поудалила.

— Это все еще хорошая музыка, — отвечает подруга. — Перемены в наших отношениях не влияют на качество звука. Подумай хорошенько: куча ребят из музыкальных групп встречалась и расставалась. Джек и Мег Уайт, Гвен Стефани и Тони Канэл. Они и не подумали сносить отовсюду записи, которые сделали, пока встречались. Если ты музыкант, ты не имеешь права успокаиваться таким образом.

Я медленно киваю, не зная, что ответить. Джек - корифей мира музыки, а я - всего лишь невежда. Я пытаюсь сменить тему:

— Как ваш папа?

— Говорит, что нормально.

Пару недель назад мистер Харлоу прекратил жаловаться на головные боли. Как бы домочадцы ни просили его, он отказывается идти к врачу. Вся их семья тревожится, но плановый осмотр назначен только на следующий месяц, и, если и есть повод для волнения, надеюсь, врачи успеют его обнаружить.

— Поберегись!

Я сдвигаюсь в сторону; Пол тут же ныряет под горку и садится, заложив руки за голову.

— Эй! — кричит именинник, прыгая в нашу сторону. — Эй, это нечестно!

— Все честно! — Пол все еще закрывает голову руками, как будто боится шестилетки. — Я тебя догнал, так что теперь все вернулось на круги своя и можно продолжать без меня. Ты - вода. Я - концы в воду.

— Не-е-е-ет! — визжит девочка с косичками. — С тобой весело!

— Мне надо веселиться с этими двумя неудачниками, — отвечает Пол, указывая на нас с Джек. — Простите, мы уже договорились играть с ними.

Вокруг нас собрался целый рой грустных детей.

— Боже, — бормочет Джек себе под нос. — Какая-то «Деревня проклятых»!

— Пожа-а-а-алуйста! — надувается именинник. — Поиграй с нами еще пять минуток!

— Простите, дети, я старый и уже устал.

Пара детей начинает реветь, но тут Джек высовывает голову из-под горки и монотонным, неживым голосом произносит:

— Я ведьма, и прокляну вас, если вы сейчас же не пойдете прочь.

— Ты не ведьма! — кричит девочка с косичками. — Мама сказала, ведьм не бывает!

— Твоя мама лжет. Таш, прекрати! — Джек зловеще перебирает пальцами перед лицом девочки. — Ты же не хочешь испытать на себе мой гнев?

Девочка с косичками, кажется, ей не верит, но именинник неловко пятится назад. Неожиданно он срывается с места с воплем: «Я вода!» — и про Пола все забывают.

— Ты невозможна! — упрекаю я Джек. — Нельзя говорить девочкам, что их мамы врут.

— Все родители врут, — парирует подруга.

На этих словах Пол хмурится и кидает в нее еще горсть песка.

— Настало время горящих задниц! — провозглашает он. — Солнце в зените. Пусть победит сильнейший!

Мы садимся. Джек выигрывает в третий раз подряд. Восемнадцать секунд непрерывного контакта кожи с раскаленным металлом.

— Я трехкратный чемпион! — ревет она и принимается ощупывать ожоги на бедрах.

На следующий день я сижу у Джек. Она монтирует видео, а я читаю комментарии к последней серии - «Анна переступила черту». Завтра мы с раннего утра снимаем в столовой у Харлоу, так что я решила там же и переночевать. Уютное молчание нарушают только клики мыши, но я вдруг замечаю, что Джек хмурится, рассматривая что-то на экране.

— Что случилось? — спрашиваю я, опасаясь, что у нас какие-то проблемы с материалом: нет ни одного пристойного кадра с нужного угла или какая-нибудь большая дыра в сюжете, которую нечем заткнуть.

— Ничего, — отвечает она и хмурится еще сильнее. Я подвигаюсь поближе и заглядываю ей в экран:

— Точно?

Джек закрывает экран руками, чтобы я ничего не увидела.

— Да, — похоже, она взволнована сильнее обычного. — Все хорошо.

— Тогда почему ты закрываешь экран? — я пытаюсь оторвать ее пальцы от ноутбука, но терплю поражение.

— Ладно, — произносит подруга. — Только обещай, что не будешь психовать.

— Показывай уже!

Джек отнимает ладони от экрана. Там светится пост из Тамблера. Длинный такой пост.

— А вот и хейтеры пожаловали, — произносит подруга.

Есть что-то нездоровое в том, чтобы раз за разом прокручивать у себя в голове какие-нибудь фразы, даже если речь идет о чем-то приятном. Даже когда ты перестаешь специально повторять те или иные слова, они уже вертятся в сознании на автомате, пока не протрут в мозгу дыру. У меня так уже бывало с тем самым видео Тейлор Мирс и с парочкой сообщений от Фома. Некоторые слова и фразы крепко заедают в мозгу и жизнерадостно колесят по извилинам взад-вперед, сводя меня с ума.

И это я еще про хорошие слова говорила. С плохими все куда как хуже.

Я читаю пост из Тамблера раз, другой, третий. Потом наконец реагирую и начинаю говорить все быстрее и быстрее. Я уже несу полный бред, когда в комнату заходит Пол с баскетбольным мячом в руке. У него красное лицо, а волосы забраны в хвост. От него пахнет потом и солнцем. Джек прерывает мой монолог фразой:

— Даже не думай сейчас трогать мою мебель! Только пол.

Ее брат послушно бросает мяч и падает на пол.

— На что мы злимся в этот раз? — спрашивает он.

— Какой-то идиот, которому нечего было делать, решил написать критический разбор «Несчастливых семей». Блин, чувак, я бы поглядела, как ты будешь ставить сериал без денег и с кучей всяких организационных проблем. А еще, кажется, он не понял, что мы еще даже школу не закончили, так... Что, Джек?

У подруги такой вид, как будто она с трудом сдерживает смех.

— Обожаю, когда ты хочешь кого-нибудь убить, — говорит она. — Тебе идет.

От этого я злюсь еще сильнее, вспоминая, что так никогда не достигну просветления. Мне надо как-то от всего этого абстрагироваться, успокоиться и все обдумать.

— И что этот человек такого сказал? — спрашивает Пол. — И почему, кстати, «он», а не «она»?

— А почему нет? — развожу я руками.

— Эй! — подхватывает Джек, ущипнув меня за колено. — Вообще это нечестно. И девочки, и парни умеют быть отвратительными.

Она перегибается через край кровати и ставит ноутбук Полу на грудь.

— Читай сам. То, что под ником silverspunnx23.

Пол почему-то решает, что его попросили зачитать текст вслух, прочищает горло и заново произносит то, что уже отпечаталось в моем мозгу:

«Окей, я, кажется, здесь в меньшинстве, но какого фига все вокруг так одержимы этими чертовыми “Несчастливыми семьями”? Ну похвалила их Тейлор Мирс, но мы же все знаем, что в последнее время у нее во влогах одно сплошное дерьмо, потому что она уделяет все свое внимание новому проекту. По-моему, пока что все очень скучно и притянута за уши. Чтобы никто не сказал, что у меня просто плохое настроение, я перечислю все косяки, которые раздражали при просмотре. Давайте взглянем:

1. Актерская игра. Ну ладно, актеры еще ничего, но все слова звучат абсолютно неубедительно. Автор сценария явно старался сохранить отсылки к оригинальному тексту, но у него не получилось.

2. Сюжет. Неужели только мне кажется, что никто до сих пор не сделал римейк «Анны Карениной» не просто так? Это. Просто. Глупо. Ишь на что замахнулись. Толстой не писал милых любовных историй. Он написал великий роман с огромной социально-политической подоплекой, а где она здесь? Я не говорю, что веб-сериал должен быть таким же насыщенным и глубоким, как роман. Эти сериалы вообще, как правило, просто куски вторичных розовых соплей. Но одно дело - адаптировать под веб-сериал какой-нибудь отвратительный готический роман, а другое - замахнуться на русского классика! Надеюсь, господа сценаристы уже осознали, что откусили больше, чем смогут проглотить.

3. Кевин. Черт, даже говорить ничего не буду. В жизни не пойму, что в этом пейринге привлекательного. Он и в книге-то не очень, а здесь - просто пшик. Левин - сопливый угловатый богатенький рохля, которому нравятся растения. К тому же, актер, который его играет, чересчур смазливый. Китти просто никакая, у нее нет ни одной яркой черты, кроме того, что она балерина. Но даже так она заслуживает большего, чем Левин. Не понимаю, как кто-то может радоваться, что эти двое сошлись. Просто. Как?

Вывод: что за хрень? Seriously, это единственная мысль, которая у меня возникает, когда мою ленту засоряют восторженными воплями в адрес этого в лучшем случае посредственного сериала. Остается надеяться, что это пройдет и лихорадка под названием #ЧетвергКевина скоро минует».

Пол захлопывает ноутбук и тянется обеими руками себе за спину, возвращая его Джек.

— Неприятно, — замечает он, потом тянется к кучке свежеиспеченных кукол, хватая Эмили из «Трупа невесты» и Джека Скеллингтона и заставляет их вяло вальсировать у себя на животе.

— Я бы очень, очень хотела посмотреть, как это создание придумает, снимет и раскрутит веб-сериал, — отвечаю я. — У него что, смысл жизни - чужие слезы и негатив? Ему что, делать больше нечего, кроме как смешивать с грязью людей, которые пытаются... пытаются создать что-то настоящее?

— Слушай, Таш, убавь пафос, ладно? — Джек снова открывает ноутбук. — Мы снимаем «Несчастливые семьи», потому что нам это нравится, а не потому, что нам

заказали расписать Сикстинскую капеллу. И это могла написать женщина. Наверняка это женщина.

— Кем бы это существо ни было, оно возмутительно. И ты видела репосты? Кто будет репостить такие гадости? Это что же, нас ненавидят сотни людей?

Я вспоминаю девять дислайков под моим первым влогом и начинаю плакать.

— Эй! — Пол осторожно подносит к моему лицу Эмили. — Не надо плакать из-за всякой фигни.

— Не тебе решать, из-за чего мне плакать! — кричу я, выбивая куклу у него из рук. — Как будто ты вообще знаешь, каково это - создавать что-то!

Повисает пугающая тишина. Пол снова смотрит в потолок, но на его лице читается боль. Джек смотрит на меня во все глаза:

— Боже, Таш, когда только ты успела стать такой стервой? Это вообще-то моя должность!

— П-прости меня, — убито произношу я, слезаю с кровати и сажусь рядом с Полом. Я трогаю его за плечо - все еще липкое от прохладного пота. — Прости, я сказала полную чушь.

Пол закрывает глаза:

— Все в порядке.

— Без плохих отзывов никуда, — говорит Джек. — Главное - не показывать это Джорджу.

— Да уж, там много всякого, — соглашаюсь я, пытаюсь стряхнуть с себя остатки дурных предчувствий.

— И хватит об этом! — Джек поворачивает ко мне экран. — Лучше глянь на эту gifку. Она идеальна, правда же?

Кто-то поймал три момента эпизода со скрэбблом: крупный план карточек с буквами, потом соприкосновение рук и наконец - поцелуй.

Я киваю и улыбаюсь, но в голове произносится: «Ни одной яркой черты».

Неужели это правда? Мы с Джек столько работали, чтобы Китти получилась милой, но естественной. Может быть, этого мало? Или Ева плохо играет? Или в чем дело? Что мы делаем неправильно?

Поздней ночью Пол уходит к себе, а мы с Джек ложимся в кровать, но мой мозг отказывается выключаться. Перед моим мысленным взором по-прежнему летают слова: «абсолютно наигранно», «вторичный кусок соплей», «полный пшик».

Битый час промаявшись бессонницей, я достаю из-под подушки телефон и пишу Фому: «Нас сегодня раскритиковали в пух и прах. Не посоветуешь, как перестать об этом думать?»

Я не ожидаю ответа раньше утра, но Фом немедленно начинает печатать: «Это ужасно! Сочувствую, мне тоже немало грязи досталось. Просто постарайся отвлечься и ПРЕКРАТИ это перечитывать. А то будешь помнить в-е-ч-н-о».

Я корчу рожу и набираю: «Поздно».

«Все будет хорошо, — отвечает Фом. — Помни, всегда найдется кто-то, кому не нравится то, что ты делаешь. Критиковать - их право. Твое право - не сдаваться и продолжать творить прекрасное».

Я улыбаюсь. По крайней мере, Фом считает, что мы творим прекрасное.

«Спасибо! — печатаю я. — Вот честно, прямо на душе легче стало».

«Обращайся. Сладких снов!»

Я пялюсь на экран добрую минуту.

Нормально ли, когда друзья желают друг другу сладких снов? Друзья мы с Фомом - или кто-то еще? Ни один из нас не произносил громких слов любви, но в последнее время Фом стал отвечать гораздо быстрее и мы стали гораздо дольше беседовать. На этой неделе я два раза засиживалась до трех часов ночи, потому что мы с ним обсуждали его

идеи для новых выпусков влога и - моя любимая тема в последнее время - «Золотую тубу».

«Ты когда-нибудь боялся церемонии? — спросила я пару дней назад. — Это, конечно, не “Оскар”, но иногда я об этом забываю».

Фом тогда ответил: «Постарайся не нервничать. В прошлом году, когда меня первый раз номинировали, я тоже крепко себя накрутил, и я бы куда лучше провел время, если бы меня так не трясло».

А потом добавил: «И если бы знал, что не выиграю, я бы не поехал, лол».

«Чего так? — удивилась я. — Это все равно шикарный шанс завести новые знакомства».

«Мне и старых хватает», — отозвался Фом.

Наверно, так и есть. Фом гораздо лучше меня освоился в этом мире. В прошлом году «Голос из пробирки» выдвинули сразу в трех номинациях: «Лучший влог», «Почетный ботаник» и «Лучшая харизма». Он, конечно, ни одной не выиграл, но сам факт выдвижения дорогого стоит. Что ж, по крайней мере, меня будет колотить в три раза меньше.

«Надеюсь, я хотя бы не расплачусь», — написала я тогда.

И Фом ответил: «Не волнуйся, я захвачу побольше салфеток».

Пока никаких серенад, но что-то определенно происходит. Что-то многообещающее. Похоже, Фом тоже чувствует, что после церемонии наши жизни не будут прежними. Либо все наши надежды оправдаются, либо окажется, что реальность не соответствует нашим ожиданиям. При одной мысли о встрече меня начинает колотить — не то от страха, не то от нетерпения.

Интересно, а как представляет это Фом? Если все пойдет гладко, может быть, он захочет со мной целоваться? Или... захочет большего? Вполне возможно, он ни о чем таком не думает, так что совершенно ни к чему ему рассказывать. Как вообще сказать парню, который тебе нравится, что ты не хочешь с ним спать и, возможно, не захочешь никогда? Об этом не прочтешь ни в Cosmopolitan, ни в учебнике по ОБЖ. И не спросишь у Пола с Джек, это уж точно.

Даже если я задам вопрос на форуме, никто не сможет подсказать мне, как именно это выразить, сообщением или вслух. «Фом, ты мне очень нравишься, но мое тело не хочет иметь ничего общего с твоим». Как сформулировать это, чтобы не звучало, как отказ? Чтобы он не решил, что я просто какая-то недотрога? Какому восемнадцатилетнему парню понравится это слышать? Кому это вообще может понравиться?

Так или иначе, совершенно необязательно говорить ему сейчас. У меня есть время до самой «Золотой тубы», когда станет ясно, сбудутся наши мечты или разлетятся на тысячу кусочков.

Я просыпаюсь от того, что на меня льется солнечный свет и поток ругани Джек.

— Что тебе опять не нравится? — бормочу я, недовольно глядя на окно, на котором подруга как раз раздвинула шторы.

— Вставай! — отвечает она.

Я смотрю на часы. На них 8.52. Через восемь минут у нас запланировано начало съемок.

Вчера я забыла поставить будильник, и Джек, кажется, тоже.

— Джордж и Серена уже пришли, — сообщает она, стягивая спутанные волосы в хвост. — Черт, Джордж никогда нам этого не забудет. Да поднимай ты уже задницу, Таш!

Этого не может быть. По крайней мере, такого ни разу не бывало. Мы с Джек всегда соблюдаем расписание и ведем себя как настоящие профессионалы. И вдруг — просто верх дилетантства! Я сбрасываю с себя одеяло и принимаюсь рыться в сумке. Успеваю достать шорты и футболку и как раз надеваю лифчик, когда за моей спиной распахивается дверь. Я оглядываюсь через плечо и не могу сдержать визга.

— Ого! — Пол прикрывает глаза рукой и поспешно захлопывает дверь. Через секунду он осторожно приоткрывает ее снова: — Таш, прости. Я, ну, просто хотел спросить, нужна ли вам сегодня моя помощь. И там уже народ собирается.

— Мы в курсе, — говорит Джек ледяным тоном, в котором явно слышится угроза назревающего насилия.

— Тогда скажешь, если я могу чем-нибудь помочь.

— Да, конечно, — отвечает Джек. — Подай пока гостям чаю с булочками.

— Ой, ну тебя! — дверь хлопает гораздо громче.

— Хватит его доводить, — прошу я, застегивая шорты. — Больше нам никто не поможет.

— Все нормально, — отвечает подруга. — Пола так просто не доведешь.

Вообще-то, мы собирались встать в семь и не спеша подготовить столовую к съемке. Действие происходит ночью, так что мы должны были заклеить окна солнцезащитной пленкой и разобраться со светом. Ну и вообще, надо много чего сделать, чтобы превратить обыкновенную столовую во что-то похожее на библиотеку престижного университета.

Но в семь мы не встали, так что теперь нам предстоит не меньше получаса суеты, прежде чем можно будет даже подумать о съемке.

Джордж, конечно, недоволен. Даже у Серены расстроенный вид. Она сидит в кресле и читает сценарий, сложив руки на груди. Она поднимает взгляд, только чтобы сообщить:

— Мне надо уйти не позже трех. У меня свидание с Беном.

— Мы позже и не задержимся, — заверяю ее я. — Сейчас только девять.

— В девять уже начинать надо! — Джордж так кривит лицо, как будто рожает слоненка. — В девять надо уже командовать: «Мотор!» Поверить не могу. Ева даже еще не пришла!

Как по команде, раздается звонок в дверь. Я бегу открывать. Ева запыхалась от быстрого бега и кричит, что проспала будильник, но больше это никогда не повторится.

— Сегодня можешь не извиняться, — утешаю ее я.

К тому моменту, когда мы заходим в столовую, Джордж и Джек успевают поругаться.

— Если вы нам поможете, мы не так уж и задержимся, — объясняет Джек. — Надо заклеить окна, передвинуть шкафы, настроить свет — и можно снимать.

— Но это не моя задача! — произносит Джордж с такими драматическими интонациями, какие можно услышать только от актеров. — Моя задача - выучить слова и хорошо сыграть. Делайте свою работу, а я буду делать свою.

— Боже, Джордж! — осаживает его Серена. Она, кажется, уже смирилась и отматывает большой кусок солнцезащитной пленки. — Ты еще не в Гильдии актеров!

— Вообще-то, проспал тут не я.

— До этого они все делали идеально, так что хватит уже!

Джорджу плевать. Мы с Джек, Сереной, Евой и Полом стараемся как можно быстрее подготовить столовую, а он сидит за столом, читает сценарий и периодически принимается громко сопеть.

Когда мы наконец начинаем снимать, ситуация не улучшается. Ева так торопилась выйти из дома, что забыла прихватить с собой помаду, которая была на ней в прошлый раз, и теперь у нас нарушается целостность повествования.

— Пусть зрители думают, что она успела сбежать перекуситься между ужином и чаем, — предлагает Джордж. — Девочки же так делают, правда?

— Джордж, заткнись! — просит Джек, у которой все симптомы передозировки Джорджем.

После этого он начинает специально перевирать слова и даже перебивает Серену. Она сдерживается из последних сил и, в конце концов, посреди дубля ударяет его по плечу и кричит:

— С этим индюком невозможно работать!

— Это в «неудачные кадры» не включать, — бормочет Джек.

Я останавливаю съемку, Пол опускает микрофон, и я предлагаю всем разойтись, потому что в таком состоянии мы ничего приличного не снимем.

— Потом договоримся, когда будем переснимать, — произношу я, пока Джордж пытается возмущаться. — Не думаю, что сегодня мы способны что-то спокойно обсуждать.

— Это так непро... — начинает Джордж.

— Свали уже, а?

Наша звезда уходит, а я с глухим стоном валюсь на диван в гостиной.

— Поверить не могу, что мы профукали целый день съемок! — замечает Джек.

«Вторичный кусок соплей», говорите?

— Это было... — начинает Пол.

— Хуже землетрясения? — заканчиваю я.

— Я хотел сказать «драматично». Может, сделать из процесса съемок реалити-шоу? Я бы точно смотрел.

Мое настроение ухудшается еще больше, потому что я вспоминаю, что Пол не смотрит «Несчастливые семьи». По его словам, «из принципа». Он однажды объяснил, что не хочет, чтобы мы спрашивали его мнение. Мол, если ему не понравится, мы никогда ему этого не простим, а если ему зайдет, он будет постоянно требовать у нас необработанный материал. Звучит не слишком убедительно, но обычно меня это особо не беспокоит. А вот сейчас...

— Эй, ты! — бросает брату Джек. — Марш на кухню и принеси мороженого!

Пол посылает ей воздушный поцелуй средним пальцем, но выходит из комнаты, а через секунду из кухни раздается ни на что не похожий звук открывающейся морозилки.

— Сейчас мы снова наденем пижамы, — продолжает подруга, — заберемся под одеяло и будем смотреть фильмы. И, как минимум ближайшие пять часов, не будем обсуждать то, что только что произошло.

У меня нет возражений. Час спустя мы валяемся в гостиной среди пустых вазочек от мороженого и смотрим «Темный кристалл».

— Я немного похож на Джена, правда? — спрашивает Пол.

— Ты так говоришь только потому, что у тебя длинные волосы, — отвечает Джек.
— Это так не работает.

— Ну чуть-чуть! Длинноволосых мужчин в мире так мало.

— Ага, то есть ты мужчина, да?

— Да, Пол, — смеюсь я. — Не уверена, что ты уже стал мужчиной. Ты, наверно, все еще парень.

У Пола обиженный вид.

— Ну, этот ваш Джен тоже ни разу не мужчина. Он вообще марионетка.

— Ты не можешь судить о внешнем сходстве только по волосам, — продолжает Джек. — Еще с драным Джаредом Лето себя сравни!

Пол пожимает плечами с таким видом, как будто он не против.

Я стучу его по лбу:

— Кретин!

В горле снова лопаются пузырьки, как будто я выпила слишком много газировки, хотя сегодня я ее и в рот не брала.

Мы смотрим телевизор до позднего вечера. В конце концов мистер Харлоу просовывает голову в дверь и спрашивает:

— Когда я смогу получить свой дом обратно?

— Мы все уберем! — заверяет Джек, выключает телевизор и начинает собирать накопившийся мусор. К вазочкам от мороженого с тех пор прибавились пакетики от чипсов и обертки от сырных палочек.

Мистер Харлоу одобрительно кивает, глядя, как мы убираем мусор и убираемся из комнаты сами. Он выглядит изможденным, у него под глазами круги. Меня это пугает, но я уже натренировалась не паниковать каждый раз, когда у мистера Харлоу усталый вид. Если что-нибудь выяснится, Джек и Пол мне скажут. Может быть, он просто очень хочет посмотреть телевизор. Не успеваем мы выйти в коридор, как там на полную мощность включают бейсбольный матч.

— Он на нас сердится? — шепчу я Джек.

— Что? Нет, — фыркает она. — Это же папа, он такой управляемый! Если бы мы сказали ему, что будем смотреть фильмы всю ночь напролет, он бы и то позволил. Он лучше умрет, чем с кем-нибудь поспорит.

— Тогда хорошо, что он не пришел раньше.

— Мне надо сделать кое-какие дела, — произносит Пол. — Думаю, завтра увидимся.

У него напряженный, почти сердитый голос. Я недоуменно хмурюсь, глядя ему вслед. Он быстро шагает по коридору и закрывает за собой дверь спальни.

— Что это было? — шепчу я.

Джек разводит руками, и мы идем обратно к ней, но у нее на лице написана тревога.

— Нам нужен новый план действий.

У меня только что кончилась смена в Old Navy. Под конец из примерочной выскочила Джек и предложила устроить поздний ланч на фудкорте, и теперь мы сидим за двухместным столом рядом с каруселью. Я ем вегетарианскую пиццу, Джек взяла себе чизстейк и огромную булочку с корицей. А теперь сидит и откусывает попеременно от них обоих. Набив рот очередной порцией липкого сдобного теста, она спрашивает:

— Какой еще план?

— План взаимодействия с аудиторией, — объясняю я. — Это уже начинает выматывать. И раздражает иногда.

Как оказалось, silverspunnx23 такой не один. С тех пор я стала замечать больше дислайков под нашими видео, неприятных писем и отрицательных отзывов тоже прибавилось («Что стало с сюжетом?», «Китти что, сама красится? Знаете, это заметно»). Может быть, раньше все было так же, просто мы не обращали внимания - а может, тот пост открыл врата ада: там набралось дикое количество лайков и репостов.

— Я тебе уже говорила, — начинает Джек. — Нам надо нанять помощника!

— Ага, с нашим офигительным бюджетом. Давай придумаем что-нибудь реалистичное.

— Хорошо, хорошо, бизнес-леди из восьмидесятых, — Джек наклоняется через стол и демонстративно ощупывает мои плечи: — О боже, я уже чувствую твои наплечники!

— В планировании нет ничего смешного.

— Согласна, это скучно, — бормочет Джек и возвращается к своему чизстейку. Набив рот, она продолжает: — Я не знаю, что мы тут можем изменить. Плохие отзывы так просто не отфильтруешь. Так что либо мы перестаем на них реагировать, либо все остается по-старому.

— Может, надо перестать отвечать, — предлагаю я.

Джек шумно сглатывает:

— Ты шутишь, да? Нам, может, вообще из сети исчезнуть?

— Да нет же! — План созревает, прямо пока я говорю: — Мы по-прежнему будем выкладывать видео, но, может быть, стоит недельку не обращать внимания на уведомления?

— А потом все начнется по новой, только у нас еще будет куча непрочитанного. Звучит не очень.

— Не знаю! — я начинаю раздражаться. — Просто... так, как сейчас, мы долго не продержимся. Думаю, нам пойдет на пользу ненадолго прерваться и все обдумать.

— Не, я не против. Хоть перестану ежедневно выбрасывать в трубу по несколько часов своей жизни.

— По крайней мере, с Кевином все хорошо, — замечаю я, обмакивая корочку от пиццы в соус маринара. — Большинству #ЧетвергКевина понравился. И ты видела фансайт на Тамблере?

— Да он сто лет уже там!

— Но он же есть! — я сминаю в комок жирную салфетку и кидаю ее в сторону носа Джек. Подруга успевает пригнуться, и снаряд летит в того, кто сидит за ней. Этот кто-то оборачивается и оказывается матерью семейства, решившей сводить двух детей в «МакДональдс». Ей совершенно не смешно.

— Простите! — начинаю я. — Простите, я в подругу целилась.

Женщина яростно смотрит на меня, не моргая. Сейчас я готова поверить, что люди действительно могли наблюдать за боями гладиаторов или публичными казнями ради собственного удовольствия.

Джек смеется так, что не может разогнуться. Я пинаю ее под столом:

— Заткнись и ешь быстрее.

Подруга распрямляется, откусывает кусок коричной булочки и со злорадством принимается медленно, тщательно его пережевывать.

Дома я достаю флэшку со смонтированным материалом за последний месяц, которую дала мне Джек. Как и ожидалось, все смотрится хорошо. Джек идеально подгадывает момент для склейки кадров и хорошо обрабатывает цвета. А еще я, кажется, могу вечно смотреть нашу пятисекундную заставку. Тони записал для нее коротенькую игривую мелодию на синтезаторе, а Пол нарисовал неоновые рельсы, заканчивающиеся названием сериала.

Когда он предложил свою задумку в первый раз, мне показалось, что это будет слишком черный юмор: в конце концов, в книге Анна погибает именно под поездом (у нас, конечно, все куда менее трагично: Анна всего-навсего уезжает из города). Джек же заявила, что слишком много черного юмора не бывает, потому что жизнь сама шутит жестче всех. К тому же, мне не хотелось обижать Пола, который старался исключительно по дружбе, так что на нашей заставке появились рельсы. Сейчас прошло уже несколько месяцев, и я понимаю, что ни за что не буду ее менять. Не знаю уж, потому ли, что все гениальное просто, или скорее от того, что я уже привыкла.

Так или иначе, мне все нравится. Потому что я не некий silverspunnx23, любимая фраза которого в наш адрес - «что за хрень?». Тон его поста так въелся мне в мозг, что я уже мысленно дописываю, плюясь сама в себя ядом:

«4. Заставка. Какой криворукий идиот ее рисовал? Малобюджетный сериал, говорите? По-моему, там вообще никакого бюджета не потребовалось. Поздравляю, сочинить пятисекундную мелодию, которая звучит отвратительнее автомобильного гудка, - это достижение. Немного шокирующих открытий: способность нажать несколько клавиш на синтезаторе не делает вас музыкантом. А чего стоит анимация? Если я захочу посмотреть на такие цвета, я лучше кислотой закинусь, спасибо. И эти рельсы - никакого вкуса!»

— Фу, брось каку! — командую я себе, утыкаясь лбом в стол. — Прекрати, брось гадость, фу!

Чтобы отвлечься, я решаю проверить почту Seedling Productions. Это ведь не считается за соцсети, правда же? На всякий случай яставляю таймер телефона на двадцать минут, прежде чем лезть читать письма. Надо знать меру.

Как всегда, нас завалили фанатскими письмами пополам со спамом. Зрители задают неприятные вопросы вроде того, чем закончится сериал, и как мы обыграем тот или иной эпизод из книги. В нескольких письмах спрашивают, где послушать другие песни Джек и Тони, хотя под каждым видео легко можно найти ссылку на страницу Тони на Bandscamp. Кто-то просто хочет рассказать, как он обожает наш сериал. Мне уже кажется, что я видела все. Однако я ошибаюсь. Взгляд зацепляется за письмо, отправленное несколько часов назад, с темой «ДЕРЬМО ВАШЕ ШОУ». Его текст не радует подробностями: «По-моему, ваш сериал - полное дерьмо, хватит уже этим заниматься».

Это так неожиданно - на чтение письма уходит всего пара секунд, - что я отшатываюсь от экрана, как пьяная, и принимаюсь ходить по комнате. Я поднимаю взгляд на портрет Лео. Он хмурится, я хмрюсь в ответ. Потом снова сажусь за ноутбук и стираю письмо, повторяя себе, что люди, которым в кайф писать всякие гадости, заслуживают жалости, а не гнева. Вот и все.

Если бы забыть про критику silverspunnx23 было так же просто! Вот только там-то были не просто голословные оскорбления... Она (теперь мне кажется, что это «она») написала полноценный критический разбор приличным языком. Что хуже всего, она надала на те самые места, в которых я сама в себе не уверена. Иногда, перечитывая

сценарий, я сама думала, что некоторые строчки звучат неестественно. Мы с Джек месяцами обсуждали идею современной адаптации «Анны Карениной», и нас обеих пугал ее масштаб. Да, это было смело, но нам казалось, что мы выбрали правильный подход, упростив и осовременив сюжет. Мы не собирались создавать шедевр. Вряд ли кто-то гуляет по YouTube в поисках нового Фрэнсиса Форда Копполы. Но сколько бы я ни убеждала себя, что silverspunnnx23 не понимает, о чем говорит, ее полные яда слова не выходят у меня из головы.

В последней надежде чем-нибудь отвлечься, я возвращаюсь к ящику. Листая входящие, я ощущаю себя сапером на минном поле. Еще несколько вопросов насчет музыки Тони - и вдруг письмо с темой «ПРОСЬБА ОБ ИНТЕРВЬЮ». Такого я тоже еще не видела. Подавшись ближе к экрану, я открываю письмо:

«Дорогие Джеклин и Наташа!

Меня зовут Хизер Лайлс, и я одна из создательниц блога “Девушка в роговых очках”. Каждый месяц мы берем интервью у девочек, которые занимаются чем-то новым и интересным в Интернете. Если вы согласитесь, мы с Каролин, с которой ведем наш блог, хотели бы взять у вас интервью для нашего августовского выпуска. Вы можете изучить наш блог и прочесть предыдущие интервью (все ссылки внизу). Если решите участвовать, дайте нам знать в ближайшие недели.

Искренне ваша,

Хизер Лайлс,

Основатель и автор блога “Девушка в роговых очках”».

Я хотела отвлечься - и вот, пожалуйста, просьба об интервью. Как будто мы с Джек какие-нибудь знаменитости. Как будто нам есть, что сказать публике. Круче всего то, что я уже слышала об этом блоге. Значит, это что-то серьезное. За пять минут пишу ответ, в котором благодарю Хизер за письмо и сообщаю, что мы с удовольствием дадим интервью.

Таймер звенит через несколько секунд после того, как я отправляю письмо. Идеально. Все закончилось на радостной ноте. Я закрываю ноутбук и ложусь в кровать, не выпуская из рук телефон. Фом написал мне сообщение, пока я работала. Я прочла его во время перерыва, но теперь неспешно вчитываюсь, ища скрытые смыслы в каждой букве.

«Привет, прочел пост с Тамблера. Эта барышня полная дура, даже не вздумай волноваться из-за этого. Она фактически полила грязью все веб-сериалы и даже САМОГО ТОЛСТОГО! Твои нервы дороже».

А ведь он прав: silverspunnnx23, кажется, наехала не столько на «Несчастливые семьи», сколько на все вокруг. Она, наверно, из тех людей, которые выходят на улицу солнечным летним днем и начинают ныть: «Ой, тут облачко, жизнь тлен...» А еще она посмела оскорбить моего любимого Лео, что скорее смешно, чем обидно, потому что он величайший писатель всех времен и народов. Так что я имею полное право плюнуть и забыть. Может, теперь у меня даже получится.

А пока я отвечаю: «Спасибо! Ты всегда знаешь, что сказать».

Секунду спустя Фом начинает печатать ответ. Последние несколько дней он отвечает гораздо быстрее, и я не знаю, в том ли дело, что сейчас у него менее загруженное расписание, или в чем-то еще. Во мне, например.

«Я всегда знаю, что НАПИСАТЬ. Тебе никогда не казалось странным, что мы пока, в сущности, не сказали друг другу ни слова?»

Я подсказываю в кровати. Меня так и подмывает ответить, что да, я уже несколько недель непрерывно об этом думаю. Но это будет как-то слишком уж отчаянно.

Вместо этого я пишу: «Да, если подумать, это странно. Но скоро все изменится!»

Интересно, что он ответит? Может быть, он предложит созвониться? Может, даже по скайпу? Или вообще не ответит? Или решит вести себя спонтанно и просто позвонит?

Но нет - никакого звонка. Он пишет: «Точно все в порядке?»

Не могу же я на него за это злиться!

«Все будет нормально, — отвечаю я. — Просто слишком много неожиданностей сразу».

Фом, конечно, не в курсе, но я сейчас уже не про сериал. На меня столько свалилось помимо него! Проблемы со здоровьем у отца моих лучших друзей, мамина незапланированная беременность, растущая пропасть между мной и Клавдией и ужасное чувство, что мой университет мечты так и останется лишь университетом мечты...

Я засыпаю, не дождавшись ответа. Утром меня ждет сообщение: «Держись, будет только жестче».

Через несколько часов я направляюсь в Холли-парк. Последние несколько дней не по сезону холодно, а вокруг творится столько всего плохого и просто непонятного - очень подходящее время для медитации.

Я брожу по тенистой дорожке - десять шагов в одну сторону, десять в другую, - опустив глаза, стараюсь ровно дышать и не пускать в голову назойливые звуки вроде «засоряют мою ленту» и «все притянута за уши».

Когда рядом сигналиит машина, я не сразу понимаю, что это имеет какое-то отношение ко мне. Просто белый шум вроде птичьего пения, ветра или гула шоссе. Потом я в очередной раз разворачиваюсь и поднимаю глаза: на обочине припаркована знакомая синяя «камри». В ней опущено стекло, а за рулем сидит моя мама.

— Прости, дорогая! — кричит она, высунувшись наружу. — Не сообразила, что ты медитируешь.

Меня всегда изумляет, что мама умеет кричать. Обычно она разговаривает так тихо, как будто ее колесико громкости застряло на минимуме. И вот она кричит - причем не в ярости, прекрасно выговаривая слова, так что я отчетливо ее слышу, хотя нас разделяет несколько десятков метров.

Я на секунду замираю, а потом бегу к машине. У пассажирской двери я останавливаюсь, чтобы стереть со лба приличное количество пота.

— Все нормально, — говорю я маме. — Как раз закруглялась. Я просто довольно долго не медитировала на ходу, и...

— Решила, что сейчас подходящий момент? — заканчивает мама и так колко улыбается, что мне приходится отвернуться, чтобы не порезаться. — Подвезти тебя до дома?

— Моя мать запретила мне садиться в машины к незнакомцам! — ухмыляюсь я.

Мама смеется своим хрустальным смехом и отпирает дверь, чтобы я могла забраться внутрь. Когда мы трогаемся с места, она произносит:

— Страшный секрет - мне еще надо кое-куда заехать по дороге.

Поперхнувшись от такой подставы, я тянусь расстегнуть ремень безопасности. Мама снова смеется:

— Прежде чем ты выбросишься на тротуар, выслушай меня до конца. Хочешь в «У Гретера»?

— С этого надо было начинать! — отвечаю я.

Кафе-мороженое «У Гретера» манит меня к себе столько же лет, сколько и Холли-парк, но, в отличие от парка, оно того полностью стоит. Я прекрасно понимаю, что мама бессовестно задабривает меня, но мне совершенно не стыдно ей поддаваться.

Несколько минут мы молча едем по знакомому маршруту в сторону пригорода. Потом выруливаем на Новое кольцо, соединяющее все крупные шоссе города, как спицы в колесе. Как только мы надежно вливаемся в поток машин в правом ряду, мама поворачивается ко мне:

— Мы с твоим отцом много недель думали, как лучше будет сказать вам про ребенка, и у нас все равно не получилось.

— Ага, — отзываюсь я, — прости, что я тогда засмеялась.

— Иногда наш организм встречает важные новости довольно странно.

Я киваю. Действительно, когда мы были в седьмом классе, и у мистера Харлоу нашли рак, Джек не плакала очень долго. Только несколько месяцев спустя, когда мы с ней смотрели «Корпорацию монстров», она начала давиться слезами и полчаса не могла успокоиться.

— Мам?

— Что?

— Откуда вы возьмете деньги? Растить ребенка это же недешево, так? И я помню, что вы обещали помогать мне платить за обучение в колледже... теперь этого не будет, да?

Пока я говорю, мама несколько раз хмыкает, то есть она меня слушает, но не отвечает, пока мы не сворачиваем на менее загруженную дорогу.

— Кое-что и правда изменится, — произносит она наконец. — Нам с папой придется сильно урезать наш бюджет. Но это обещание мы дали вам несколько лет назад, и мы его сдержим.

— А в Вандербильте нам, наверно, придется платить полную стоимость. Клавдия вдвое умнее меня, и то ей дают всего тысяч пять в год.

— Таша, дорогая...

Я подбираюсь, потому что прекрасно знаю, что сейчас услышу. Я уже открываю рот, чтобы возразить, но мама делает мне знак рукой, чтобы я ее дослушала.

— Мы больше не будем возвращаться к этому разговору, но я не уверена, что тебе стоит нацеливаться именно на Вандербилт. Я прекрасно понимаю, что тебе нравится их общежитие и Нэшвилл. И что тебе хочется учиться в частном университете, но подумай только о деньгах. Если у тебя не будет стипендии, у тебя на шее повиснет шестизначный долг. Одно дело, когда ты нейрохирург, и совсем другое - если режиссер. Ни в коем случае не хочу сказать ничего плохого про режиссуру, но искусство не дает никаких финансовых гарантий, и мне не хотелось бы, чтобы ты начинала свою взрослую жизнь с огромным долгом и безо всяких шансов с ним разделаться. При этом всегда можно пойти в Кентуккийский университет, и стоять это будет в разы меньше. Здесь ты получишь гораздо большую стипендию, а половина оставшейся суммы у тебя уже в кармане благодаря Губернаторской школе искусств. Я просто хочу, чтобы ты хорошенько об этом подумала. Все, я договорила.

Мы въезжаем на платную парковку кулинарной лавки под названием «Взбивай и накладывай». Мама паркуется, не выключая мотора, и шарит за приборной панелью в поисках завалявшихся четвертаков.

— Ясно, — начинаю я. — То есть Клавдия пусть себе учится в Вандербильте, потому что она умная и будет инженером, а вот мне нельзя, потому что я хочу создавать фильмы?

Мама захлопывает крышку отделения, где только что копалась, достав оттуда два четвертака, и кидает на меня тяжелый взгляд:

— Ты прекрасно знаешь, что я не это имею в виду. Сейчас я зайду в магазин, через пятнадцать минут вернусь, и вот тогда ты мне все выскажешь. Хорошо?

Ничего хорошего, вообще-то, но у меня нет выбора. Я уже привыкла, что мама разрешает все споры именно так. Она считает, что в любой ссоре нужно просто остыть и хорошенько все обдумать. Я почти уверена, что она сама изобрела методику «глубоко вздохнуть и досчитать до десяти». Больше всего меня раздражает, что это правда работает.

И сегодняшний день не исключение. Когда мама снова садится в машину с двумя розовыми бумажными пакетами в руках, мне больше не хочется спорить. Я откинула назад спинку сиденья, настроила вентиляцию так, чтобы дуло прямо мне в лицо, и переключила радио на станцию для стариков, где как раз играет песня Tainted Love. Конечно, мамины слова про деньги и мое ближайшее будущее нельзя просто взять и отбросить. Но сейчас я о них забуду. Отложу в наглухо запертый нижний ящик мозга и достану когда-нибудь потом, а сейчас мне слишком жарко, я слишком злая и слишком хочу мороженого.

Следующая остановка - «У Гретера». Я заказываю два клубничных шарика с шоколадной крошкой, мама берет старое-доброе сливочное с сиропом. Мы садимся за столик у окна и обсуждаем новый торговый центр и премьеру «Улицы тринадцати святых». Мы говорим о чем угодно, кроме ребенка и моего высшего образования.

Я вдруг понимаю, что все еще злюсь на родителей, но слишком устала это демонстрировать. Вырулив с парковки, мама обнимает меня за талию и прижимает к себе. Я не обнимаю ее в ответ, но и не вырываюсь.

Дома я первым делом вижу письмо с уведомлением, что пользователь Thomnado007 выложил новое видео. Я кликаю по ссылке и гадаю, в чем дело. Фом ведет влог по понедельникам, а сегодня среда. Загружается видео под названием «Социальная реклама». Я делаю звук погромче и включаю кнопку воспроизведения.

Фом в своей естественной среде обитания - сидит в зеленом кожаном офисном кресле, окруженный картами мира, фигурками динозавров и книгами вроде «Краткой истории времени», «Космоса» и «Смерти в черной дыре». Но с первой его фразы становится ясно, что это не очередной выпуск «Голоса из пробирки». Не веря своим ушам, я ставлю ролик на паузу, отматываю на начало, еще прибавляю звук и начинаю смотреть заново.

— Привет, на связи Фом и внеплановая рекламная пауза. Обычно я рассказываю про науку и фантастику, но сегодня мы поговорим о более простых вещах. Это давило на меня последние несколько недель, и, как влоггер, я просто не имею права остаться в стороне.

Я прекрасно понимаю, что очень просто гулять по интернету без лица, настоящего имени и опознавательных знаков и не нести ответственности за свои слова. Так рождается сетевая травля и такой поток ненависти, какой не прокатил бы ни в какой другой обстановке. Обычно, если вам, к примеру, до тошноты не нравится какой-нибудь веб-сериал с Ютуба, вы можете пожаловаться парочке друзей, осмеять его между собой и жить дальше. Но некоторые считают нужным выразить свое отношение в сети, на открытом форуме. Как любой ученый, я полностью за конструктивную критику и аргументированную дискуссию, но, мне кажется, когда по сети разлетается кусок текста, призванный только ранить и оскорбить, это как-то слишком далеко заходит.

Я кое-что скажу вам, мои чудесные зрители. Когда вы в следующий раз соберетесь написать про кого-нибудь гадость, подумайте о том, кто это прочитает. Большая часть из нас - такие же люди, как вы. Мы пробуем, ошибаемся и пробуем снова, стараясь совершенствоваться в том, что нам нравится. Мы такие же, как вы, и большинству из нас не платят за то, что мы делаем. Так что давайте постараемся сдерживать поток негатива, ладно? Давайте будем нести лишь добро. Вот и все, я слезаю с трибуны. До встречи в понедельник - вас ждет яркая, как сверхновая звезда, беседа про Кристофера Нолана, ядерные взрывы и пространственные туннели.

Я останавливаю видео на последнем кадре, когда Фом уже сказал слово «туннели» и тепло улыбается в камеру на прощание. Его черные волосы отросли так, что одна прядь падает на правое стекло его очков в толстой оправе. На нем футболка с «Железным человеком».

Лежа на столе для пинг-понга, я сказала Полу правду: на Фома приятно смотреть. У него красивые черты лица, гладкая кожа. Его руки как-то слишком похожи на палочки, но я надеюсь, что с ним будет уютно обниматься. При этом я не уверена, что его можно назвать «сексуальным». Я бросаю беглый взгляд на комментарии: вроде, там нет того, что всегда творится под видео самых популярных влоггерш. Им непременно пишут гору отзывов с сексуальным подтекстом. Что-нибудь в духе «10/10, я бы вдул» или «Фу, она страшная, как ведьма, кто на такую позарится?»

Не понимаю этого. Как они могут так просто судить о привлекательности? Одного видео, одного беглого взгляда хватает, чтобы оценить человека по шкале «вдуваемости». Я помню, что нельзя обращать внимание на троллей, но этого просто слишком много. Иногда мне кажется, что большинство людей действительно с первого

взгляда оценивает чужие шансы продолжить род. Это кажется таким животным, таким поверхностным. Но одновременно и таким... необходимым. Неотъемлемой составляющей всех окружающих. В такие моменты я задаю себе вопрос: получается, во мне не хватает чего-то важного?

Я запираю этот вопрос в еще более далеком уголке мозга, чем десятки раз до этого. Сейчас мне хочется думать не о внешности Фома, а о его поступках. Потому что он снял видео ради меня. Это единственное объяснение. Конечно, он не уточнил, что речь о «Несчастливых семьях», но таких совпадений просто не бывает. Фом сделал это, потому что понял, как я переживаю.

Я хватаюсь за телефон: надо сказать ему, что я посмотрела видео и благодарна ему за него. Но я просто сижу и смотрю на мигающий курсор, не зная, что писать. Как лучше сформулировать? Не хочу, чтобы это выглядело неловко. И нельзя давать ему понять, что я в курсе, ради чего он это сделал, хотя он совершенно точно сделал это ради меня.

Сначала я набираю просто: «Спасибо!»

Выглядит, как будто я подлизываюсь. Так не пойдет.

«Посмотрела твоё видео».

Можно подумать, я за ним шпионю. Тоже не то.

«Как день проходит?»

Скучно и прозрачно. Да что ж такое!

Я гашу экран телефона и пытаюсь сосредоточиться, рассматривая пятна чистящего средства на оконном стекле. Я так глубоко задумываюсь, что вскрикиваю от неожиданности, когда приходит сообщение. Оно от Фома.

«Выложил новое видео. Держись, Таш! Ты крутая!»

Я закусываю губу так глубоко, что чувствую себя мопсом. Интересно, можно ли улыбаться всем телом? Похоже, можно.

— Вронский, у тебя пирожное в зубах застряло!

Сегодня мы последний раз снимаем полным составом, и, хотя мы начали вовремя и проявляем чудеса профессионализма, нам никак не удастся вписаться в расписание. Мне начинает казаться, что не стоило прерываться на перекус. Если бы все умирали с голоду, у них было бы больше мотивации поскорее сделать все идеально. А так у кого-то кровь прилила к желудку, кто-то торчит от кофеина, а Тони Дэвис весь перемазался в шоколаде.

— Непорядок! — отзывается Тони и яростно водит указательным пальцем по зубам. — Простите. Все, отчистилось?

— Нет, еще немножко слева... Нет, по-твоему слева!

— Понял. Теперь нормально?

Серена сидит рядом с Тони на диване в гостиной и наблюдает за этой сценой с нескрываемым ужасом.

— Тони, это отвратительно! — произносит она, потом оборачивается ко мне: — Я не буду его целовать после... после этого! Пусть почистит зубы. И руки вымоет.

— По сценарию ты все равно должна на меня злиться, — парирует Тони. — Это только на руку!

— Я великолепно играю! — возмущается Серена. — И если ты неряха, не сваливай это на меня!

— Ребят, ну хватит уже! — умоляю я за камерой. — Мы уже задерживаемся. Соберитесь наконец!

— Мне правда придется мыть руки? — ворчит Тони.

У Серены на лице написано: «Вообще-то, я серьезно».

— Да, — отвечаю я. — И проверь свой рот, пожалуйста. Я не хочу больше видеть в кадре шоколада!

Тони тяжело вздыхает, но уходит в сторону ванной.

Кто-то трогает меня за плечо: это Ева елзит босыми ногами по ковру.

— Слушай, Таш, — полусшепотом начинает она, — мне одна сцена осталась, можно мы снимем ее следующей? У моей сестры в два соревнования по плаванию, хотелось бы туда успеть.

Мне хочется заявить, что мы с Джек составляли расписание не просто так, что не весь чертов актерский состав заслуживает особого отношения и что, если уж ей так хочется успеть на эти соревнования, она могла бы сказать об этом в мае, когда мы спрашивали, кто когда может. Но мне приходится прикусить язык. Пусть все вокруг разваливается на части, но мне надо сохранить спокойствие и довести дело до конца. Режиссеры этим и занимаются - объявляют дубли и доводят дело до конца.

— Посмотрим, — отвечаю я. — Сначала добьем то, что снимаем. Или, может, Серена и Тони согласятся ненадолго задержаться?

— Что?! — вскрикивает Серена. — Без вариантов, Таш, я уже договорилась с Беном.

Мне хочется сказать, что они сами виноваты в том, что последние пять дублей были посредственными. Что убедительная кульминация сериала поважнее одного свидания. Я прикусываю язык так сильно, что сама удивляюсь, как еще не захлебываюсь в собственной крови.

Надо держаться.

— Ладно, — вздыхаю я. — Можете мне поверить, мы и так стараемся отснять все побыстрее.

Из кухни, где остальные актеры обжираются пиццей, пирожными и колой, появляется Джек. Она оглядывается вокруг:

— А где Тони?

— Надеюсь, ищет зубную нить, — отзывается Серена, проверяя макияж с помощью карманного зеркала.

Я смотрю на Джек глазами побитой собаки. Подруга гладит меня по плечу.

— Хочешь, подменю? — шепчет она, так что только я ее слышу.

Я качаю головой. Что это вообще за вопрос? Я была режиссером с самого начала. Я снимаю, Джек монтирует, так было всегда. Сейчас не время демонстрировать свою слабость. Я всегда довожу дело до конца, даже когда все разваливается к чертям.

— Я посмотрела прогноз, — произносит Джек, — в ближайшие пару часов, очень возможно, начнется гроза. Если мы хотим отснять сцену на заднем дворе, надо поторапливаться.

— Хорошо.

— Но... можно мы сначала снимем мою сцену? — пищит Ева.

— Хо-ро-шо, — мои голосовые связки игнорируют приказ сохранять спокойствие и начинают скрежетать. — Я делаю все, что могу. Где этот чертов Тони?

В такие моменты мне хочется перемотать вперед, к тому времени, когда мы уже станем знаменитыми. Мне просто необходима целая команда помощников. Кто-нибудь, кто займется костюмами и макияжем. Мастер декораций, следящий, чтобы все было там, где нужно. И, конечно, помощник режиссера, который орал бы на людей вроде Тони.

Но пока что я не знаменитый режиссер, и у меня нет денег даже на приличное освещение, не то что на штат помощников. Так что всем занимаемся мы с Джек, и у нас хорошо получается, благодаря моим тщательным планам, железной выдержке Джек и помощи Пола. Но иногда мне хочется забиться в шкаф и расплакаться.

Должно быть, Джек читает все это у меня на лице.

— Я не настаиваю, на улице можно поснимать и в резервный день, — поспешно говорит она.

Действительно, у нас в расписании есть по одному резервному дню в месяц как раз на такие случаи. Но мы один раз уже проспали и нам и так надо кучу всего отснять, а если мне придется назначать еще один съемочный день, у меня точно будет нервный срыв.

— Подождите десять минут, — прошу я всех, выключаю камеру и слезаю со своей табуретки.

Я иду в спальню и закрываю за собой дверь. Мама сказала бы, что сейчас идеальное время помедитировать о заботе. Папа предложил бы наскоро прочесть молитву о терпении. Но я не делаю ни того, ни другого. Я сажусь на кровать и плююсь на портрет Лео.

— У нас просто неудачный день, так ведь? — спрашиваю я. — У тебя, наверно, тоже бывали неудачные дни для творчества? Длинные вечера, когда ты глушил литрами водку?

Лео хмурится в ответ.

— Спасибо, я так и думала.

День улучшается. Когда я возвращаюсь в гостиную, Серена и Тони уже на месте и готовы работать. У них покаянный вид: должно быть, Джек успела сделать им внушение. В кои-то веки, видя их игру, я верю, что Анна ревнует Вронского, а он разрывается между страстью к Анне и хорошо известными общественности официальными отношениями и совершенно загнан в тупик. Потом мы быстро отпускаем Еву и успеваем отснять последние кадры во дворе как раз к тому моменту, когда по объективу камеры начинают стучать первые капли дождя. Кажется, сам Лео благословил нас, нахмутив брови.

Когда все актеры и оборудование уже спрятались под крышу, небо решает прохудиться по-настоящему. Гром грохочет все ближе и ближе, так что под конец кажется, будто кто-то обернул наш дом алюминиевой фольгой. Мы сидим в гостиной, горит весь свет, и нам кажется, что сейчас полночь, а не пять вечера. Джек лежит на ковре с закрытыми глазами и умиротворенным видом. Она обожает грозы.

— Темнота и неожиданные фейерверки, — объяснила она мне однажды. — Что может быть лучше?

Тони захватил наше пианино и выпендривается, играя минорную гамму разным размером в каждой руке. Брукс и Джей сидят на диване, Брукс рассказывает какой-то анекдот со словом «яйца». Джордж занял самое удобное кресло и с важным видом печатает на телефоне - его дела, конечно, в сто раз важнее, чем наше общество.

Тони резко прекращает играть арпеджио, хрустит суставами и принимается выбивать из пианино до боли знакомые аккорды. Это песня Yeah Yeah Yeahs. Больше того, они с Джек перепевали ее для своего канала.

Я ошеломленно пялюсь на его ирокез. Он хочет сделать Джек больно? Или, наоборот, пытается восстановить нормальные отношения, потому что устал от напряженности, которая была между ними с февраля? Как бы то ни было, мне неловко.

Я до сих пор не знаю, из-за чего они расстались, но это была жесть. Они всегда были темпераментной парой, и за все полгода отношений ни недели не прошло без ссор. И я не про милые споры вроде «Нет, ты первый кладешь трубку» или «Нет, ты съешь последнюю конфету». Я имею в виду настоящие ссоры. Перебранки. Битвы. Если честно, это была одна бесконечная битва, так что точнее было бы назвать это не отношениями, а войной. Шестимесячная война Джека и Тони. Они сражались ухмылками, тычками, злорадными подмигиваниями, а чаще всего - душераздирающими воплями. Ссора могла начаться с чего-нибудь банального, типа того, что Джек неправильно свернула кабель от его усилителя, и закончиться воплями, что Тони - самый надутый индюк в мире музыки со времен Лиамы Галлахера.

Но Джек утверждает, что для постоянных ссор нужна большая взаимная страсть, и, когда они не тратили ее на ругань, они выражали ее более... приятными способами. Тони был первым, с кем Джек переспала. И, насколько я знаю, единственным. Сказав мне об этом, она не углублялась в детали, за что ей большое молчаливое спасибо. Она вернулась к этой теме только однажды, несколько недель спустя, упомянув, что волнуется, не занимаются ли они этим слишком часто. Конечно, они всегда предохранялись, но ей казалось, что статистика беременностей с каждым разом обращается все меньше и меньше в ее пользу. Она рассказывала это мне с виноватым видом, но ей было стыдно не за то, что она этим занимается, а за то, что она обсуждает это со мной. Так что я сказала ей, что все в порядке, меня это не напрягает и что я, конечно, не эксперт ни в сексе, ни в статистике, но теория вероятности, кажется, работает не так.

А через два месяца они расстались. Джек объяснила это только тем, что они друг друга бесят. Поскольку это и так было очевидно и понятно, я не выспрашивала подробностей. Детали остались на откуп моей фантазии. Я не знала, кто из них предложил с этим покончить - или это было взаимно? Они стали относиться друг к другу с напряженным, деланным равнодушием, но я не задавала вопросов, не ворошила прошлого.

А Тони ни с того ни с сего решил не просто поворошить его, а перевернуть все с ног на голову. Хотя, может, он сам этого не осознает. Возможно, ему плевать. По части заботы и понимания он известное бревно.

Он все еще молотит по инструменту, но это звучит как его собственный сорт напряженного молчания. Все в комнате поймали волну, даже Джордж убрал телефон и с предвкушением смотрит на Тони и Джека.

Вдруг подает голос Джей:

— Хочешь, подпою?

Он хотел сказать это небрежно, быть может, с ноткой флирта, но прозвучало как-то сдавленно. Тони прекратил играть:

— Не, чувак, не твой диапазон. И вообще, только Джек может прилично изобразить Карен О.

Я бросаю взгляд в его сторону. Он что, пытается обидеть Джек и Джея сразу? Может, он настолько слепой, что не замечает чувств Джея, но это было обидно вне зависимости от чьих-либо чувств. Я хочу сообщить ему, что Джей невероятно одаренный певец и в Губернаторской школе искусств ему пришлось выбирать между музыкой и театром, потому что он был одним из немногих, кто участвовал в двойном прослушивании и оба направления дрались за него.

Тони опережает меня. Он поворачивается к Бруксу:

— Ты все еще за рулем, да?

Брови того взлетают вверх:

— Ты сейчас про Нэшвилл? — тут он почему-то смотрит на меня, как будто я могу решить, имеет ли он право говорить об этом после всего, что только что произошло. — Да, конечно. Нас же все еще семеро? А то больше никак. Фургон у меня большой, но законы довольно строгие, а учитывая, что большей части из вас нет восемнадцати, меня засадят надолго.

— Ты так говоришь, как будто будешь нарываться на штраф, — замечает Джей, с невообразимым тактом решивший не замечать грубости Тони.

Брукс пожимает плечами:

— Ну да, иногда я превышаю.

Какое счастье, что мои родители этого не слышат. Им и так не очень нравится, что я поеду в Нэшвилл с полным фургоном молодых людей - да еще в основном мужского пола - на большой и страшный концерт альтернативной музыки. А уж когда я небрежно обронила, что мы собираемся возвращаться той же ночью, чтобы сэкономить на ночлеге... В итоге мне удалось их успокоить, сказав, что за рулем будет Брукс, взрослый и ответственный студент и владелец исключительно надежного фургона.

— Он совсем как мистер Роджерс, — сказала я им. — Мистер Роджерс, ведущий вооруженный танк по I-65. Ничего плохого не случится.

Хорошо, я не сказала им, что у нашего мистера Роджерса бывает водительский раж.

Я бы вслушалась в общий разговор получше, если бы не пыталась оценить настроение Джек. Она все это время не открывала глаз и не двигалась с места. У меня есть теория, что Джек вообще двигается меньше остальных людей. Не в том смысле, что она лежебока. Просто, если уж она примет какое-то положение, она в нем и остается. Не дергается. Не ворочается. Просто существует в занимаемом пространстве. Поэтому очень сложно понять, что она чувствует. Нельзя сказать, расстроена она, злится или ей просто наплевать.

А вот я почему-то нервничаю сильнее обычного и понимаю причину не раньше, чем заканчивается дождь, и все расходится по домам. Ранней весной, когда мы покупали билеты на концерт и планировали поездку, я днем и ночью мечтала о Вэнди. Тогда мне казалось, что это будет прекрасным шансом еще раз посмотреть на него вблизи (в десятом классе я ездила туда вместе с Клавдией). Я думала, что это будет предисловием к моему будущему.

Теперь мне интересно, откуда взялся мой безграничный, глупый оптимизм. Клавдия права: мне не хватит мозгов туда пройти. Я чаще получаю В с плюсом, чем А, а мои оценки за тесты лишь чуточку выше средних. Да и мама тоже права: без стипендии рваться получать образование, за которое потом не сможешь заплатить, - опасная игра. Кентуккийский университет будет гораздо дешевле, я смогу там учиться и вовсе почти даром. Опять же, не всем так повезло. Точно так же, как Клавдии повезло больше, чем мне.

Я хочу уехать из Лексингтона, но, может быть, мне просто нужно найти место, где легче дышится. Может, я хочу вырваться из дома, а не из города. Я могу жить в одной комнате с Джек. Могу начать с нуля и там. Куда ни глянь, это выглядит как оптимальное решение. Во всяком случае, это предусмотрительно, значит, я думаю, как взрослый и

ответственный человек. И все же не могу так просто похоронить мечту о жизни в прекрасном, как картинка, студенческом городке. Так что мысль о путешествии в Нэшвилл заставляет меня скорее мрачнеть, чем радоваться.

Вечером мы с родителями сидим в гостиной и смотрим «Миссис Даутфайр», когда Клавдия возвращается домой после очередной тусовки с Элли и Дженной.

— Не хочешь присоединиться, дорогая? — предлагает папа.

Мы все знаем, что она не хочет. Клавдия не отвечает, мы тоже молчим. Я смотрю, как она медленными, выверенными шагами поднимается по лестнице. Она не знает, как ей повезло. Она не знает, какую боль причиняет. У меня кровь закипает от злости, и я не думаю, что даже десяток медитаций и столько же бесед с Лео смогут меня от этого очистить.

Джек явно не хочет говорить о Тони. Она сбежала домой вместе с остальной командой, как только дождь кончился, а когда я взглядом спросила, все ли в порядке, в ответ она улыбнулась. Джек улыбается так, только когда что-то не в порядке. Но если она не хочет об этом говорить, я не буду давить. Джек не выносит давления.

В воскресенье мы снимаем без сучка, без задоринки и в итоге переносим на понедельник только сцену Брукса и Джорджа. Они оба - безупречные профессионалы, поэтому приходят вовремя, идеально играют с первого раза и уходят от Харлоу уже к полудню. После съемки Джек говорит мне, что ей надо кучу всего перестирать, но я могу спуститься в подвал, где притаился Пол, а она скоро к нам присоединится.

Добравшись до комнаты отдыха, я слышу, как стучит о твердую поверхность шарик для пинг-понга. Это странно, ведь, кажется, стол еще не чинили. Я подхожу к игровой и заглядываю в замочную скважину. Треснувший предмет спортивного инвентаря сложили и убрали в угол, а на другом конце комнаты Пол изображает какую-то смесь пинг-понга и бадминтона. Он бросает шарик об пол и отбивает его на отскоке, так что снаряд летит в стену и оттуда снова на ракетку. Я молча наблюдаю, как Пол отбивает его одиннадцать раз подряд. На двенадцатый шарик отлетает от стены с такой силой, что Пол промахивается, и орудие убийства летит прямо в меня.

Я подсказываю от резкой боли и только потом понимаю, что произошло. Мой взгляд падает на бело-синий шарик у моих ног, а рука медленно тянется к правому глазу.

— Ой, — произношу я скорее от удивления, чем от боли.

— Черт тебя дери, Таш, ты меня напугала!

Пол с ошеломленным видом бросается ко мне с другого конца комнаты.

— Ты в порядке? — спрашивает он, рассматривая мой глаз.

— Это был всего лишь шарик для пинг-понга, — отмахиваюсь я, подбираю мячик и швыряю в него. Пол отбивает его грудью и облегченно улыбается.

— Ты этим все утро занимался? — спрашиваю я.

— Ну... Я досмотрел «Чужих против Хищника». Поиграл в «Порождение крови». Съел пачку сырных крекеров.

— Занятой парень.

— Еще какой. Вы закончили? Я не слышал никаких воплей, это ведь хороший знак?

Я морщусь:

— Да уж, точно лучше, чем в тот раз.

— Отлично! — Пол садится посреди комнаты и выжидающе смотрит на меня.

Я сажусь рядом.

— Ты же объяснишь мне, почему мы сидим на холодном полу вместо мягкого дивана?

— Мне тут нравится. Просторно и нет окон. Здесь хорошо думается.

И правда, думается здесь, наверно, хорошо. А еще здесь все условия, чтобы свихнуться.

— В этом семестре я буду учить астрономию, — начинает Пол, откидываясь на локтях, а потом полностью ложится на пол. Вот серьезно, основное состояние у Пола - это лежать.

Я сижу и стучу ладонями по его ногам, как будто играю на ударной установке.

— Прикольно, — отвечаю я. — Это чтобы получить зачет по естественным наукам?

— Да, она выглядела проще всего. Черта с два я еще раз возьму химию или биологию.

— Тебе придется делиться своими знаниями, — замечаю я. — Скажешь ведь, какова вероятность того, что лет через двадцать нас всех уничтожит какой-нибудь метеоритный дождь?

Пол важно кивает:

— Фигово, что я не могу пока заняться дизайном. Я еще раз поговорил с приемной комиссией, и мне сказали, что с хорошими оценками можно без проблем через год перевестись в Кентуккийский университет. Так что я постараюсь набрать себе предметов полегче, а потом уже учить что-то настоящее.

Я раздраженно вздыхаю:

— Интересно, когда это уже кончится?

— Что кончится?

— Когда ты уже перестанешь влипать во всякую ерунду и откладывать все настоящее на потом?

— Слушай, Таш, поменьше цинизма, а? Ты говоришь совсем как Джек!

Пол зажмуривается и становится так похож на сестру, что я невольно сбиваюсь с мысли. Их часто считают близнецами и все время твердят, как они похожи. Я вот совсем не вижу сходства. Только когда Пол зажмуривается.

Когда он снова подает голос, я не сразу вспоминаю, о чем мы говорим:

— Мне кажется, кое-что настоящее происходит уже сейчас. В нашей жизни намешано и хороших вещей, и всякой чепухи. Вроде как Инь и Ян. Это же из буддизма, правда? Ты ведь в это веришь?

— Скорее китайская философия, — поправляю я. — Но... да, наверно, верю.

— В твоей жизни ведь почти нет всякой ерунды, правда?

— Да, похоже на то. — Я вспоминаю сегодняшнюю съемку, и мне снова хочется жить в Лос-Анджелесе и получить десяток премий. — Я неправильно выразилась. У меня все время такое чувство, что я... чего-то жду. Жду, пока стану старше, меня начнут воспринимать всерьез и я смогу заниматься тем, чем хочу.

— Порочный круг какой-то выходит... Мы хотим поскорее стать старше, а ровесники наших родителей только и твердят, как они мечтают вернуть ушедшие годы. Тоскливая перспектива...

— Это все дуккха, — развожу руками я. — Вообще, с ней не надо бы бороться, но иногда мне очень, очень хочется.

— Тогда давай так, — предлагает Пол. — Ты расскажешь мне, что хорошего в жизни, когда тебе девятнадцать...

— Почти двадцать, — перебиваю я.

— А я расскажу тебе, почему круто быть семнадцатилетней...

— Почти восемнадцатилетней!

Что подделаешь, если это огромная разница?

— Я начну, — произносит Пол. — Тебе не надо самой оплачивать страховку.

Я мгновенно парирую:

— Ты можешь лежать на холодном, твердом полу и не жаловаться, что артрит замучил.

— Ты можешь одним движением пальца дотянуться до миллионов песен.

— Это скорее преимущество наших дней, а не возраста, — хмурюсь я. — У восьмидесятилетних есть все то же самое.

— Да, но кто из них реально этим пользуется?

— Наверняка есть целая куча продвинутых пенсионеров!

Наша маленькая игра быстро загнута, но теперь мне хочется послушать музыку. Я достаю из кармана телефон и включаю новый альбом Chvrches. Пол стонет:

— Слушай, мне и так придется идти на их концерт, зачем еще и ты меня мучаешь?

— Я обращаю тебя в свою веру, Пол Харлоу. Ты полюбишь их.

— Да я их и не ненавидел. Просто не мой стиль.

— Ага-ага, твой стиль это занудные британцы. Или что-нибудь в духе Carry On My Wayward Son.

— Мне нравится то, что мне нравится, — жизнерадостно заявляет Пол. — И я уже сказал, что они не в моем вкусе, но это не мешает мне оценить их мастерство. И... как там зовут их солистку? Я в нее немножко влюблен.

Я смотрю на друга, как на идиота:

— Как можно влюбиться в человека, не зная даже имени?

Он глядит на меня так, как будто я - лицемерка:

— Как можно влюбиться в человека, ни разу с ним даже не поговорив?

Я прекращаю стучать по его ногам. И вообще перестаю его касаться.

— Ну серьезно! — продолжает Пол. — Какая разница?

— Да огромная! Мы с Фомом все время разговариваем. Да, не с глазу на глаз, но добро пожаловать в двадцать первый век. И я ни разу не говорила, что в него влюблена!

— Ладно, не говорила. Но он тебе явно небезразличен, потому что ты покраснела.

Да, я краснею и ничего не могу с этим поделать, а еще я злюсь на Пола за то, что он это заметил, и от этого краснею еще сильнее. Я ложусь на спину, отползаю от него на добрый метр и скрещиваю руки на груди.

— Таш, да что такое? — Пол приподнимается на локтях и пытается заглянуть мне в лицо, но я все время отворачиваюсь. — Я просто сказал, что мне нравится в группе. Они знают свое дело. У них милая солистка. Я не говорил ничего плохого.

— Ладно, как скажешь.

Пол ложится обратно, и некоторое время тишину нарушает только музыка - мелодия синтезаторов и отрывистая скороговорка ударных.

— Она не только певица, — произношу я наконец. — Ты вот знаешь, что у нее ученая степень по журналистике? А еще она играет на ударных и синтезаторе.

Пол некоторое время молчит, а потом произносит:

— Тем больше поводов в нее влюбиться!

Он точно сказал это, чтобы я была довольна. Но от его слов моя грудь сжимается и мне становится нечем дышать. Почему мне так тоскливо? Ничего не понимаю. Пол никогда не скрывал, что ему кто-то нравится. Мы с Джек были в курсе каждой крошечной подробности его отношений со Стефани Кру до того самого дня, когда он решил с ней расстаться (согласитесь, парни-подростки нечасто это делают).

В общем, я уже привыкла, что Пол разговаривает про девочек. И мне уже не в первый раз приходит в голову, что он, наверно, ни разу в жизни не думал обо мне в этом смысле. Потому что иначе он не смог бы так спокойно рассказывать о своих любовных переживаниях, когда я сижу рядом. Не стал бы говорить мне то же самое, что и своей сестре. Да и как он мог рассматривать меня с этой стороны после того откровения у бассейна? Какой нормальный парень влюбится в меня, если я ясно сказала ему, что мне не нужен секс?

Не надо тешить себя напрасными ожиданиями, совсем не надо. Но эта странная тоска будит мирно спавший страх предстоящей встречи с Фомом, и мое эмоциональное состояние начинает напоминать растаявшее желе.

— Что здесь происходит?

Повернув голову набок, я вижу в дверном проеме перевернутую фигуру Джек. Она переоделась в длинные теплые пижамные штаны и футболку с Эдвардом Руки-ножницы.

Мне хочется ответить: «Я растекаюсь по полу, ничего особенного». Вслух же произношу:

— Да вот заставляю Пола полюбить Chvrches.

— Круто! — отвечает подруга, садясь рядом с нами.

Мы молчим целый припев, а потом я пихаю Джек в бок:

— Ты посмотрела видео, которое я тебе скинула?

В ответ она громко и презрительно втягивает носом воздух.

— В смысле? — удивляюсь я. — Разве это не мило? Он явно снял его для меня! В смысле, для нас.

— Прости, мы сейчас о ком? — уточняет Пол.

— О Фо-о-о-оме, — Джек выдыхает на «ф» и растягивает «о» точно так же, как раньше Пол. Либо братьям и сестрам положено читать мысли друг друга, либо, что вероятнее, они обсуждали Фома за моей спиной. Я прекращаю грустить и начинаю злиться.

— Это все равно было очень мило с его стороны, — повторяю я, сверля подругу злобным взглядом.

— Нет, это было просто чертовски снисходительно. Как будто он звезда на небосводе и решил спуститься помочь нам, жалким смертным дилетантам.

— Он не это имел в виду!

— Ты знаешь, что мы обогнали его по подписчикам? — продолжает Джек. — Ему нет нужды защищать нашу честь. Да и чего он хотел добиться этим видео? Он просто сказал очевидную вещь. Все знают, что в интернете бывают тролли. Ненавистники будут, сколько таких обращений ни снимай.

Я молчу и тщательно изучаю висящее на стене полотно с надписью: «Огромная голубая страна».

— Чего? — спрашивает Джек. — Пол, не смотри на меня так. Я имею право говорить про Фома все, что захочу. И сейчас я хочу сказать, что он выпендривается, изображая этакое благосклонное светило, и это очень странно. Все, делай со мной что хочешь. Таш! Таш, хватит изводить меня молчанием!

Я стряхиваю руку Джек с плеча:

— Ясно, все ненавидят Фома, я поняла.

— Я этого не говорила. Мы с ним даже не виделись ни разу. И вы, кстати, тоже.

— Да, но собираемся, — парирую я. — И скоро.

— Ладно, хорошо, — снова повисает тишина, нарушаемая только электронным звоном из моего телефона. Потом Джек резко поднимается на ноги: — Секунду.

Через пару минут она возвращается с двумя фонариками в одной руке и лазерной указкой - в другой. Она локтем выключает свет в игровой и ногой захлопывает дверь, так что мы оказываемся в полной темноте. Потом внезапно вспыхивает свет, и я закрываю глаза рукой.

— Больно! Джек, что ты задумала?

— Держи фонарик! — отвечает она, и на мой живот опускается что-то маленькое, но тяжелое. — Пол, держи второй. Я возьму указку. Если вы предпочитаете слушать музыку в такой позе, как будто любуетесь звездами, давайте уж выжмем из этого все. Мы устроим офигенное лазерное шоу!

Я открываю глаза и хватаю фонарик. Ругаться больше не хочется - думаю, Джек этого и добивалась.

— Ха! — выкрикивает Пол, включая фонарик и начиная вычерчивать на потолке круговой узор, от которого рябит в глазах.

Я пытаюсь изобразить стробоскоп, включая и выключая свет в такт заводной музыке. Джек двигает меня поближе к Полу и ложится рядом со мной. Я пытаюсь понять, что за фигуры она старается вычертить, точными движениями перемещая красный луч лазера. Быть может, череп. Пирамиду. Свое полное имя.

Я начинаю губами подражать одному из инструментов. Пол хихикает, скручивает губы как-то по-особому и изображает его куда смешнее. Джек выдает чувственное «унца-унца».

Минуту мы наслаждаемся свистопляской музыки, звуков и света. Это глупо, абсурдно и восхитительно. Потом песня кончается, а с ней и наше терпение. Мы разражаемся хохотом. Даже Джек перестает сдерживаться и смеется вместе с нами. Я обожаю, когда она так смеется.

Начинается новая песня, и мы продолжаем наше лазерное шоу, но безмолвно соглашаемся больше себе не аккомпанировать. Песня медленная и лирическая, поэтому я

вычерчиваю фонариком по потолку длинные, тонкие линии. В комнате царит уютная и сонная атмосфера, и, когда включается композиция повеселее, у меня уже не остается сил продолжать игру света. Пол громко зевает. Джек сдалась и просто рисует лазером восьмерки.

Не выключая направленного в потолок фонарика, я утыкаюсь носом в плечо подруги. Мой организм решил, что настало время поспать, и ничто мне не мешает. Закрыв глаза, я слушаю, как дыхание Джек становится медленнее и ровнее. Похоже, мы дружно решили вздремнуть, и я вдруг представляю нас сонными медвежатами в берлоге. Это так забавно, что я начинаю хихикать. Моей руки - той, что ближе к Полу - легонько касается что-то горячее. Пол положил костяшки мне на локоть, и это приятно. Мне нравится это тепло и чувство защищенности.

Я поворачиваю голову и приоткрываю один глаз. Пол делает то же самое. Я нахожу ладонью его руку, лежащую у меня на локте, и привычно переплетаю свои пальцы с его пальцами:

— Привет.

— Ага, привет. — И вдруг: — Знаешь, для меня ты лучше всех. И уж точно лучше солистки Chvrches.

Я хихикаю, но Пол серьезен. Он сжимает мою ладонь. Я возвращаю пожатие.

— А для меня ты лучше, чем Kansas, — шепчу я в ответ. — Чем вся группа.

Я жду, что он рассмеется, но он молчит. У него напрягаются мышцы вокруг рта. Играя в видеоигры, он выглядит так же - барельеф на мемориале, античная статуя. И у меня в горле снова лопаются пузырьки.

— Хватит хмуриться! — прошу я, потому что не могу долго на это смотреть.

— А я хмрюсь?

— Ага. Это тебя портит. — Наглая ложь!

Физиономия Пола тут же расплывается в широкой, зубастой ухмылке. Я фыркаю и свободной рукой вытираю ему нос.

— Слушай, Зеленка, чего ты от меня хочешь?

Улыбка исчезает с его лица, и ее сменяет такая тоска, что я подвигаюсь поближе и кладу голову ему под подбородок:

— Ничего, ты и так хорош.

Он не отвечает, только еще разок сжимает мою ладонь. Пузырьки в горле успокаиваются, мне снова спокойно и хорошо.

Я сосредоточиваюсь на этом ощущении и засыпаю.

Я просыпаюсь от телефонного звонка.

Давно не слышала этой песни - Let's Get Together из «Ловушки для родителей» шестидесятых годов. Мы с Клавдией забили ее друг другу в телефоны, как только они у нас появились. Я тогда училась в средней школе, а сестра уже перешла в девятый класс Кэлхауна, и ее страшно бесило, что нам купили телефоны одновременно. То есть мне, получается, на класс раньше, чем ей.

Немного остыв, она решила, что нам нужно поставить одну и ту же песню на звонки друг от друга, чтобы всегда знать, что звонит сестра. В детстве мы обе обожали «Ловушку для родителей», так что за выбором дело не стало.

Я беру трубку, когда Хейли Миллс выводит: «We can have a swingin' ti-me...»

— Да, Клавдия, — сонно выдыхаю я, — что случилось?

Игровая комната по-прежнему погружена во тьму, но в ней нет окон, так что может стоять поздний вечер, а может оказаться уже за полночь. Я лишь знаю, что застудила спину.

— Таш? Слава богу! Я уж думала, придется звонить маме с папой. Таш, пожалуйста, приезжай и забери меня!

Я сажусь, протираю глаза и пытаюсь включить мозг. Рядом начинает ворочаться Джек. Пол тихонько похрапывает: его так просто не разбудишь.

— Куда приехать? — я стараюсь произнести это потише, но мне не удается.

— Около... около... — Я понимаю, что Клавдия плачет. — У... молочного киоска рядом с торговым центром. Ну, Лэнсдаунский торговый центр. Рядом с почтой.

— Ясно. Хорошо, я приеду туда минут через двадцать.

Клавдия шмыгает носом:

— А можешь побыстрее?

— Нет, потому что я у Харлоу и мне надо дойти до дома, чтобы сесть в машину. Все равно от нашего дома до тебя ехать минут пятнадцать, так что ты попробуй успокоиться, а я постараюсь приехать как можно скорее.

Я начинаю сильно подозревать, что Клавдия напилась, и просить ее успокоиться бесполезно, но мне больше нечего сказать. Мне никогда не приходилось иметь дело с пьяными. И я уж точно не думала, что когда-нибудь буду иметь дело с пьяной Клавдией.

Как только я вешаю трубку, подает голос Джек:

— Она в аварию попала? Что случилось?

— Не знаю. Она просто попросила меня приехать и забрать ее.

— Хочешь, я поеду с тобой?

У меня слезы наворачиваются от того, как быстро и естественно подруга предлагает это. Да, я хочу, чтобы она со мной поехала. Мне нужно, чтобы рядом кто-то был, потому что я не знаю, что меня ждет. Мне нужно, чтобы кто-то сидел на пассажирском сиденье и убеждал меня, что с Клавдией все в порядке и что я имею полное право и беспокоиться за нее, и злиться. Но потом я задумываюсь, чего бы хотелось самой Клавдии. Чего бы хотелось мне на ее месте? Она явно в отчаянном положении, раз уж позвонила мне, а не Элли или Дженне. Хотела бы я, чтобы кто-то из ее подруг видел меня в отчаянии, истерике и, похоже, еще и пьяной?

— Не надо, — отвечаю я. — Мне лучше поехать одной.

— Давай хоть до дома провожу. Времени-то уже много.

Я смотрю на экран телефона: почти два часа ночи.

— Вот черт!

До меня доходит, что комендантский час нарушила не только Клавдия - ей не привыкать, - но и я тоже. Конечно, у меня непрочитанное сообщение от мамы: «И где же наша Таша?»

«Прости!!! — отвечаю я. — Ушла к Харлоу и заснула. Утром вернусь».

Пол даже не шевельнулся. Джек переводит взгляд с него на меня и качает головой:

— Вот лежит первая жертва зомби, — произносит она, даже не пытаясь шептать.

Она пытается подбодрить меня, и я натянуто смеюсь в ответ. Когда я встаю на ноги, подруга хватается за запястье. В темноте почти не видно ее лица, но я чувствую, что она за меня беспокоится.

— Все будет хорошо, — произносит она.

Я быстро киваю. Джек не видит слез у меня на глазах, но я знаю, она чувствует мои эмоции точно так же, как и я - ее.

Я выхожу из комнаты. Пол безмятежно спит.

Выбегаю на дорогу, перехожу на шаг, потом снова срываюсь на бег. Своей машины у меня нет, но иногда я одалживаю автомобиль у Клавдии и у меня есть лишний ключ. На полпути домой меня осеняет пугающая мысль, что этим вечером она могла уехать на ней сама и потом бросить ее где-нибудь в канаве. Но, подходя к нашему участку, я вижу ее «Хонду-Аккорд», как ни в чем не бывало стоящую перед домом.

Я открываю дверь, и меня окутывает едкое облако духов. Не знаю, как это позволяют законы физики, но в машине у Клавдии всегда ароматы почище, чем в парфюмерном магазине. Я начинаю кашлять и стараюсь дышать через нос, пока завожу мотор и врубаю кондиционер на полную мощность. Ночь душная, и струя холодного воздуха хоть как-то разгоняет приторно пахнущие пары. Включается радио и начинает орать какой-то дабстеп. Прежде чем я успеваю убавить звук, окрестности оглашает громогласная басовая партия.

Я не выключаю радио полностью, потому что мне надо как-то отвлечься от мрачных мыслей. Улицы пустуют, и на трех светофорах подряд при моем появлении загорается зеленый. Рассчитывая время спросонья, я не учла, что сейчас ночь. Я почти не превышаю скорости, но и так, похоже, еду вдвое быстрее обычного. Это хорошо.

Я заезжаю на пустую парковку перед молочным киоском, и на секунду мне становится страшно, потому что фонари не горят и Клавдии нигде не видно. Ни у двери, ни у столиков. Наконец я вылезаю из машины и обхожу здание кругом - сестра сидит на бордюре около окошка выдачи.

Услышав мои шаги, она оборачивается, лунный свет освещает ее заплаканное лицо.

— Так... — начинаю я.

— Ничего не говори, — просит она. — Просто поехали отсюда.

Мы садимся в машину, но я не спешу заводить мотор. В сумерках я пытаюсь разглядеть, напилась Клавдия, накурилась, или, может быть, ей нужно к врачу. У нее расширены зрачки, но на улице темно, так что, думаю, мои выглядят не лучше. И у нее, вроде, все в порядке с координацией. Но, может быть, сестра не из тех, кто под градусом начинает шататься и буйствовать.

— Хватит пытаться заглянуть мне в глаза! — требует Клавдия, закрывая лицо ладонью. — Я ничего не курила.

Я перегибаюсь через сиденье и начинаю копать сзади, пока не нахожу бутылку с водой. Она полупустая и уже нагрелась, но лучше, чем ничего. Я отвинчиваю крышку и протягиваю бутылку Клавдии:

— Пей!

Я жду, что сестра начнет сопротивляться, но она берет бутылку, осушает ее одним глотком и выпускает изо рта со звуком, похожим то ли на икоту, то ли на плач. Мне неприятно видеть ее в таком состоянии, и я завожу машину, надеясь, что с радио нам будет не так неловко.

Я выезжаю на улицу, но пропускаю поворот домой. Может быть, Клавдия замечает это, а может, она слишком напилась. Так или иначе, она ничего не говорит, только кладет кроссовки на бардачок и прислоняет голову к окну. Мы едем мимо коттеджного поселка,

застроенного усадьбами из пятидесятих годов. Мне нравится ездить этой дорогой. Я еду тихой ночью по одинаковым, ровным улицам и почти верю, что в мире нет ни войны, ни плагиата, ни идиотов из сети. Никаких анонимных ненавистников, никакой silverspunnx23. Вообще никакого интернета.

— Я не обязана ничего тебе рассказывать, — произносит Клавдия.

Вообще-то, я и не собиралась клещами вытаскивать из нее правду, и молчу я тоже не поэтому. Я просто вела машину, и меня все устраивало. Но на это надо чем-то ответить, так что я парирую:

— Я не обязана была приезжать.

Сестра снова принимается плакать. Громко. Я торможу на красный свет, хотя кроме нас рядом нет ни одной машины. Интересно, будет ли считаться нарушением закона, если я сейчас поеду на красный? Если никто не слышит падения дерева в лесу, есть ли звук? Прежде чем я успеваю погрузиться в размышление о тайнах вселенной, зажигается зеленый, и мы едем дальше. Клавдия все еще плачет.

Наконец она произносит:

— Мы с Д-дженной и Элли поругались. Я сказала Дженне, что она вы-выпила слишком много, чтобы садиться за руль, но она меня не слушала, так что я попросила ее остановиться и высадить меня. Н-но я не думала, что она правда это сделает. Я думала, она притормозит, и мы просто посидим, пока не протрезвеем. Но она уехала, стерва. Обе они с-стервы.

Повисает молчание, и я задаюсь вопросом, вспомнит ли Клавдия что-нибудь наутро и стоит ли начинать этот разговор. Видимо, это написано у меня на лице.

— Я не настолько напилась, — произносит Клавдия и опускает стекло.

— Клавдия, да прекрати же ты! Там слишком душно.

Она высовывает голову наружу. Я гадаю, не стошнит ли ее сейчас, но через полминуты она прячет голову обратно и закрывает окно.

Мне становится стыдно за мою последнюю фразу, так что я добавляю:

— По крайней мере, ты поступила правильно. Друзья не позволяют друг другу садиться за руль пьяными, ну или как-то так.

Клавдия давится коротким истерическим смешком:

— Ага, типичная я. Веду себя правильно, даже когда пускаюсь во все тяжкие.

Я смеюсь вместе с ней, потому что она сказала то, что было у меня на уме: даже когда она пытается уйти в отрыв, она поневоле берет на себя ответственность за все подряд.

Некоторое время мы молчим, потом сестра просит:

— Хватит!

— Что хватит?

— Психоанализ свой выключи.

— Я ничего не говорю.

— Ты думаешь.

— Боже, прости меня за мои мысли...

— Ты понятия не имеешь, что творится у меня в жизни!

— Значит, не имею.

— Я не пытаюсь успеть почувствовать себя плохой. Дело совсем не в этом.

— Хорошо, не в этом.

Тишина.

— Ты все еще это делаешь.

Я жму на тормоз. Мы снова на перекрестке, и горит зеленый свет, но я все равно паркуюсь. Наплевать. Кроме нас, здесь никого нет.

— Успокойся уже, — быстро и нервно прошу я. — Я имею полное право размышлять, почему ты так себя ведешь. Ты прекрасно понимаешь, что ещё с начала лета мы всей семьей думаем об этом.

— Ты вообще о чем?

— Ой, да ладно тебе. Ты с нами не ужинаешь и ведешь себя с родителями, как последняя...

— Но я...

— Именно этим ты и занимаешься. Слушай, я понимаю, что у тебя последнее лето и что ты пытаешься насладиться каждым моментом, но плевать на нас всех было необязательно.

— Боже, ты сама себя слышишь? Вот оно! Вот поэтому я и слетела с катушек. Шаг вправо, шаг влево - и вы уже мной разочарованы.

— Я не говорила...

— Забей. Ты просто не понимаешь.

— Так объясни мне!

Клавдия качает головой:

— Ты не знаешь, что это такое. У тебя на все зеленый свет. Ты можешь бегать с камерой, сколько влезет. А я старшая сестра и мне надо оправдывать надежды.

Секунду я обдумываю услышанное:

— Но... тебе же нравится оправдывать надежды!

— Да, пожалуй, обычно нравится. Но иногда у меня не выходит. Иногда этого мало. И мама с папой...

— Что мама с папой? Они никогда не говорят...

— Им и не надо! — перебивает меня Клавдия. — Им даже не нужно ничего такого говорить. Все и так ясно.

Клавдия роняет голову на согнутые колени. Над нашими головами снова зажигается зеленый, потом желтый, потом красный. Мне хочется разозлиться на Клавдию, но у меня не получается. Похоже, я слишком ошеломлена услышанным.

Сестра поворачивается ко мне и спрашивает:

— Знаешь, что сделал папа, когда я сказала, что интересуюсь машиностроением? Таш, он расплакался. Он, блин, взял и разревелся. И сказал, что дедушка бы мной гордился и что я продолжу семейное дело!

— Но что... что тут такого?

— Давление! — визжит Клавдия. — Кому нужна такая ответственность?

— Он не хотел...

— Да, само собой. Но надавил на меня. И будет продолжать давить, даже когда я уеду в Вандербилт. На мне всегда будет лежать груз моей фамилии. Я буду осознавать это каждый раз, когда пишу тест или рассказываю презентацию. Типа бабушка с дедушкой специально приехали из-за «железного занавеса», чтобы я провалила экзамен по термодинамике, да?

— Клавдия, ты выдумываешь. Никто так не подумает!

— Но...

— Хватит уже! — перебиваю я. — Слушай, знаешь, что? Ты даже не понимаешь, насколько тебе повезло. Ты жалуешься, как тебе будет трудно в крутом, дорогом университете, куда меня даже не примут!

Не знаю, чего я добиваюсь, чтобы она наорала на меня? Чтобы сказала какую-нибудь гадость? Но вместо этого она шепчет:

— Да, прости, я не должна была так говорить.

Но мне не нужны ее извинения. У меня ушло несколько недель, чтобы похоронить мечту, но, кажется, мне удалось. Сама удивляясь своему спокойствию, я отмахиваюсь:

— Я читала статью про выпускников частных университетов и обычных колледжей. Через двадцать лет у них у всех одинаковая работа и одинаковые зарплаты. Так что, на самом деле, плевать, где учиться.

— Мне казалось, ты пытаешься меня подбодрить, — шмыгает носом Клавдия и как-то умудряется рассмеяться.

Впервые за вечер тишина больше не угнетает нас. Я думаю развернуться и поехать домой, но боюсь нарушить удивительно уютное молчание.

— Ты когда-нибудь... — начинает Клавдия, потом качает головой и вытирает рукой нос. — Ты когда-нибудь задумывалась, какими были бы мама с папой, будь их родители рядом?

— Что?!

— У папы никого не было, кроме дедушки с бабушкой. А мама уехала от своей семьи на другой конец света. Да, раньше я говорила, что мама решила родить третьего ребенка, потому что мы с тобой не удались. Согласна, это было глупо, но... очень похоже на правду. Но теперь мне начинает казаться, что они просто пытаются расширить семью. Дать друг другу то, чего они оба лишены, понимаешь?

— Что ж, — отвечаю я, — это, так или иначе, было случайностью, так что вряд ли тут нужна причина.

Клавдия поворачивает ко мне голову:

— Ну, может и не нужна.

Я понимаю, что мы достигли точки, в которой можем снять с себя кожу и показать друг другу все кривые вены и дурную кровь. Такого доверия можем достичь только мы с Клавдией, потому что мы сестры и мы настолько хорошо друг друга знаем.

Так что я наконец произношу вслух то, что меня мучает:

— Как думаешь, они сделали глупость?

— Не знаю, — Клавдия чертит мизинцем какой-то узор на окне. — Но я их не виню.

И я почему-то понимаю ее. Конечно, сестра еще не простила маму с папой, да и я в каком-то смысле тоже, но мы не можем их винить. Мы не можем считать, что они поступают безнравственно. Мы можем только обижаться, как дети обижаются на родителей. Мы по-разному смотрим на это, но задаемся одним вопросом: зачем менять свою жизнь навсегда, когда все и так хорошо?

Светофор в очередной раз зажигается зеленым. Я завожу машину. Сейчас я знаю, куда ехать, хотя еще и не домой. Клавдия ни о чем меня не спрашивает. Сначала она, может быть, и не понимает, куда я ее везу, но до нее точно доходит, когда я торможу у круглосуточного магазина и предлагаю ей купить цветов.

Мы покупаем букет подсолнухов и еще один, под названием «Праздник лета» - из ромашек, оранжевых роз и бутонов хризантем. Мы берем по бутылке колы на кассе самообслуживания, садимся обратно в машину и едем в «Вечнозеленые Мемориальные сады». Старое кладбище расположено в пригороде, рядом с лошадиным заводом. Ворота уже закрыты, но через невысокую ограду из кованого железа не так уж сложно перелезть. Первой лезу я, Клавдия подает мне цветы, колу и лезет следом. Я включаю фонарик на телефоне, чтобы не заблудиться.

Кладбища никогда не пугали меня, как пугают большинство людей. Я не верю в призраков и проклятые места, только в жизнь после смерти. Но тут дело, наверно, еще и в том, что дедушка с бабушкой умерли очень рано, и я так привыкла навещать их могилы, что для меня здесь не осталось уже никакой пугающей неизвестности. Кладбище стало такой же частью моей жизни, как ежегодный медосмотр или стрижка. Да и как можно поверить, что здесь, в компании дедушки и бабушки Зеленок, живет что-нибудь злое и страшное?

После катастрофы мы часто ездили сюда всей семьей. Мы носили бабушке цветы и пили газировку за дедушку, потому что раньше, когда мы приезжали к ним домой, он больше всего на свете любил сидеть на крыльце и пить колу. Потом, когда мы пошли в старшую школу, мы стали ездить сюда реже и в последнее время приезжали раз в год, каждый октябрь. Но мне здесь нравилось. Тут было спокойно и совсем не тоскливо.

Могила остается могилой, и я не верю, что дедушка с бабушкой превратились в духов и знают, что мы их навещаем. Но воспоминания о них - бабушкин гуляш, утренние

партии в карты и раскатистый смех дедушки, когда мы смотрели мультики - все еще живут и становятся ярче, когда я прихожу на кладбище.

Мне казалось, что я помнила дорогу до их могилы, но мы успеваем намотать два круга, прежде чем Клавдия показывает пальцем куда-то вперед:

— Нет, нет, нам туда. Вон она.

И правда, мы выходим к большой закругленной известняковой плите с надписью:

«Доминик Ян Зеленка

7 февраля 1942 - 2 октября 2008

Ирма Мари Зеленка

23 сентября 1945 - 2 октября 2008

Любимые родители, дедушка и бабушка.

Мы будем помнить».

— Эй, вы двое, — шепчу я, опустившись на корточки. Я подбираю увядшие розы, снимаю обертку с букета подсолнухов и кладу его на могилу.

Клавдия садится по-турецки рядом со мной. Она срывает упаковку со своих цветов и кладет их к моим. Потом мы сидим рядом, и я слышу, как Клавдия тихо всхлипывает.

Мне не грустно, но я погружаюсь в свои мысли. Я думаю о словах сестры, что родители пытаются создать семью побольше. Да, беременность могла быть случайной, но ребенок? Кто и что из него вырастет? Наверно, что-то в этом есть. Быть может, нашей семье - часть которой умерла, другая часть осталась в соседнем полушарии, а третья вот-вот уедет из дома - быть может, ей правда нужно пополнение. Ребенок перевернет всю нашу жизнь с ног на голову. Но, может быть, в каком-то смысле он принесет нам покой.

Должно быть, Клавдия думает о том же, потому что произносит:

— Жаль, что бабушка не знает о ребенке. Она бы сказала, что это чудасно.

По кладбищу пролетает порыв промозглого ветра и треплет наши волосы. Я замороженно гляжу в освещенное луной лицо Клавдии. Она выглядит такой мрачной и жестокой. Она похожа на ведьму. Но не на страшную каргу с бородавками. Она юна, изящна, красива и одинока, как Салемские ведьмы. Я никогда не скажу ей об этом, Клавдия просто не поймет. Но мне кажется, что, если бы она сейчас прочла заклинание, оно бы сработало.

Я так долго смотрю на Клавдию, что у меня начинают болеть глаза. Затемдвигаюсь поближе к ней и кладу голову ей на плечо. Мы сидим и до рассвета пьем колу. Мои веки тяжелеют от недосыпа, под них как будто песку насыпали, но я все равно раскрываю глаза пошире, впуская в них нежно-розовый свет зари, такой неожиданный на фоне могильных плит, кипарисов и одинокого склепа.

Настало утро нашей поездки в Нэшвилл. Мы стоим рядом с моим домом, вокруг «Форда-Эксплорера» Брукса, и ждем Тони. Он опаздывает уже на двадцать минут.

— Поехали без него! — предлагает Серена; она все еще косо смотрит на Тони после той истории с пирожным в зубах. — Если он не ценит наше время, зачем нам ценить его?

Я качаю головой:

— Вообще-то, без него мы бы никуда не поехали, так что давайте подождем еще минут десять.

— Кто-нибудь ему дозвонился? Он хоть встал уже? — Брукс сидит за рулем, свесив ноги в открытую дверь. Он курит сигарету, и я очень надеюсь, что родители этого не видят. Как-то эта идиллическая картина не слишком соответствует лапше, которой я навешала им на уши.

— Я ему написала, — бормочет Джек. — Сейчас придет.

Я кидаю на нее удивленный взгляд, но он пропадает втуне. Пытаться обсуждать с ней Тони бесполезно. Слишком запущенный случай, под силу каким-нибудь гениальным хирургам или отмороженным искателям адреналина, но никак не мне.

Пол трогает меня за локоть и шепчет:

— Что происходит?

Я прячу голову в плечи: мол, сама без понятия. Потом замечаю надпись на его футболке и хихикаю. Там серебряным по черному красуется: *Pure Heroine*.

— Чего? — спрашивает Пол. — Что тебя так насмешило?

— Тебе нравится Lorde, но не нравятся Chvrches? Как такое вообще возможно?

Пол радостно кивает, как будто я спросила у него определение слова, которое он выучил с утра:

— Да легко. Мне нравится только мейнстрим.

— Но Chvrches тоже тот еще мейнстрим! — возражаю я.

— Не-а, мейнстрим - это то, что знают даже твои родители.

— Ты в словаре смотрел?

Ответ Пола тонет в реве мотоцикла. Визжа покрышками, Тони тормозит у самого «форда». Он снимает шлем, и, клянусь, я слышу, как Джек шепчет себе под нос: «Засранец».

— Эгей! — кричит Тони, вразвалочку - да, реально вразвалочку - направляясь в нашу сторону с широкой улыбкой и распростертыми объятиями, будто он какой-нибудь Мессия - вот-вот запоет *Day by day*.

Кажется, пора завязывать общаться с актерами.

— Где ты пропадал, засранец? — вопрошает Брукс. — Солнце в зените!

— Не настолько уж я и опоздал, — отвечает Тони, сияя улыбкой.

Серена, похоже, собирается пнуть его по самому чувствительному месту.

— Мы все собрались, — напоминаю я. — Пора загружаться.

Все с радостью повинуются. Брукс поворачивается лицом к рулю, а Серена садится рядом с ним. Мы с Джек и Полом занимаем средний ряд, так что места сзади остаются Тони и Джею. Мы не специально, но до меня быстро доходит, и я внимательно смотрю, как они забираются в машину. Джей молчал все утро, но я списала все на то, что он просто сова. Сейчас на его лице написана не усталость, а скорее какая-то неловкость. Или даже легкое раздражение. Он садится у окна, надевает наушники и исчезает в мире звуков, где-то за пять тысяч миль отсюда. У Тони тоже смущенный вид, и это не плод моего воображения, потому что Пол спрашивает:

— Эй, все в порядке? Тебя укачивает, что ли?

— Что? Не-не, все отлично!

Тревогу сдувает с его лица, как бумажную маску. Сын Божий снова среди нас.

Не понимаю, почему на Тони так сложно сердиться. Мне хочется накричать на него не за то, что он опоздал, а за то, что даже и не подумал извиниться, как приличный человек... Но тут Тони широко улыбается мне, как бы говоря: «А помнишь?..» или: «Разве жизнь не прекрасна?» В такие моменты я вижу, что Джек в нем нашла. И понимаю, почему они все время то ссорились, то мирились.

Брукс не шутил. Он правда превышает скорость. Мы выезжаем на Блюграсс-парквэй и дальше едем девяносто миль в час.

— Смотрите в оба! — наказал он нам. — Особенно когда будем проезжать эстакаду или деревянные разделители. Если меня остановят даже под присмотром шести пар глаз, значит, я этого заслуживаю.

Тони ответил просто:

— Нэш-Вегас, детка!

Джек сразу же достала свою подушку с единорогом, навалилась лбом на окно и заснула. Не удивлюсь, если она проспит всю дорогу. Ее сильно укачивает, и я не могу винить ее в том, что она решила заранее отключиться. Если честно, это идеально, потому что мы как раз успели разговориться с Фомом и у меня уже руки чешутся достать телефон. В голове уже вертится идеальный ответ на его последнее сообщение.

Я набираю: «У тебя есть машина времени, ты можешь отправиться вообще КУДА УГОДНО - и ты выбираешь встречу с Гербертом Уэллсом?!»

Хотя я держала его в ожидании с самого утра, то есть уже где-то час, Фом по-прежнему на связи и быстро отвечает.

«Он мой кумир», — читаю я.

Набираю в ответ: «Никогда не встречайся со своими кумирами. Сто первое правило фанатки».

«Ладно-ладно, мисс Непогрешимость, тогда куда - в смысле, КОГДА - отправишься ты?»

Я уже придумала шикарный ответ и на это. Он пришёл мне в голову, пока я чистила зубы: я бы отправилась в 28 июня 1914 года и предотвратила убийство эрцгерцога Франца Фердинанда.

Хотела бы я похвастаться, что помню эту дату наизусть, но история США была в прошлом году. Так что для пущей убедительности я не поленилась открыть Википедию.

В ответ приходит: «ЧЕГО?! Зачем?!»

Я набираю: «Это послужило началом Первой мировой войны. Соломинкой, переломившей хребет верблюда. Значит, я смогу предотвратить Первую мировую, а с ней, может, и Вторую».

Фом отвечает: «Не, ни фиги, пустая трата шанса. Нашлась бы другая соломинка, и все равно была бы война».

Я пишу: «Нельзя знать наверняка».

Он: «Нельзя знать наверняка, как Вторая мировая связана с Первой».

Я: «Если бы Германии не пришлось платить репарации, Гитлер мог и не прийти к власти».

Мне только с третьей попытки удаётся победить автозамену и правильно написать «репарации».

Фом отвечает: «Чего не знаю, того не знаю, но так играть с историей опасно».

Я пишу: «А Герберт Уэллс мог в жизни оказаться полным гадом. Ты правда хочешь лишиться всех своих иллюзий?»

Фом отвечает: «Я бы рискнул».

Я так увлеченно погружаюсь в себя, что не замечаю, как Пол подаётся поближе, и его голос застает меня врасплох:

— Развлекаешься?

Я роняю телефон на колени и злобно смотрю на друга.

Пол отвечает мне странным взглядом:

— Это вы так флиртуете, да?

— Это грубо, — отвечаю я. — Читать чужие сообщения через плечо очень грубо.

— Знаешь что? По-моему, куда грубее переписываться с каким-то чуваком из интернета, когда рядом сидят друзья, с которыми можно нормально поговорить!

— Вообще-то, ты молчал!

— Да, потому что ты с ним переписывалась. Мне скучно!

— Скучают только скучные люди!

— Я никогда этого не отрицал.

— Поговори с Бруксом, — машу я рукой в сторону передних сидений. — Или с Сереной.

Серена поднимает руку и отвечает:

— Прости, Пол, я учу слова.

Лексингтонская театральная студия ставит «Вестсайдскую историю», и на прошлой неделе нашей подруге дали роль Марии. Спектакль будет только в середине сентября, но она уже фанатично готовится. А Брукс делает вид, что не слышит нас.

Я выразительно вздыхаю и, конечно, не убираю телефон, но кладу его на сиденье экраном вниз, скрещиваю руки на груди и оборачиваюсь к Полу:

— Итак, я вся внимание. Что теперь?

У Пола все еще такое выражение лица, как будто он дегустатор и пытается распознать какой-то очень сложный вкус. Но он улыбается и предлагает:

— Давай играть в слова!

— Боже, Пол, ты серьезно?

— Ладно, тогда в «Я вижу».

— Тебе восемь лет! — отвечаю я. — Вот серьезно, не больше! — но я уже смеюсь.

И мы играем в «Я вижу». В игру включается Тони, а потом и Серена, хотя сначала она долго ворчит, что мы мешаем ей сосредоточиться. Через полчаса Джей снимает наушники и произносит: «Я вижу что-то зеленое». Мы целых пять минут перебираем всевозможные догадки, пока Тони наконец не отгадывает, что это молния на куртке Джея. Вся машина ревет от возмущения, потому что никто, кроме Тони, и не мог увидеть эту молнию. Джей ни капли не раскаивается и явно горд тем, что дольше всех сохранял интригу. Серена называет его грязным мошенником и получает в ответ:

— Это ты обманула меня, Анна Аркадьевна Каренина!

Серена подыгрывает, визжа:

— Но я была несчастна, Стива! Я задыхалась рядом с тобой!

Всех сгибает пополам от смеха. Всех, кроме Джек: мы ее разбудили, и теперь она похожа на медведя-шатуна. Она стонет в подушку:

— Если меня стошнит, это вы виноваты!

Мы все еще громко хохочем, когда Тони хватается за спинку моего сиденья и бросается вперед с воплем:

— Черт, черт, черт, копы на одиннадцать часов!

К чести Брукса, он не ударяет по тормозам, хотя после показухи Тони это было бы ожидаемо. Он быстро, но равномерно сбавляет скорость, так что под эстакадой, где прячется полицейская машина, мы проезжаем уже нормально. Мы задерживаем дыхание и выворачиваем шеи, чтобы видеть, что будет. Мы едем дальше и дальше. Никакой сигнализации. Никаких звуков погони. Так что снова устраиваемся поудобнее, секунду напряженно молчим, а потом снова начинаем хохотать.

— Я вижу... Бэтмена!

Мы пригибаемся, чтобы разглядеть что-то в ветровом стекле. Шоссе I-65 сразу знакомит нас со всеми достопримечательностями города... а вот на въезде в Лексингтон - сплошные конюшни и торговые центры. Самое высокое здание Лексингтона, ярко-синий офисный центр «5/3 Bank», здесь быстро разжилось бы комплексом неполноценности.

Банально, конечно, но мое любимое здание Нэшвилла - башня корпорации «AT&T», которую прозвали «башней-Бэтменом» из-за двух заостренных шпилей по бокам, похожих на маску супергероя. Когда-то папа уверял нас с Клавдией, что эти шпили испускают все сотовые сигналы мира. Я верила ему гораздо дольше, чем предпочитаю признаваться.

Первым делом мы останавливаемся в Nattie B: Брукс говорит, там лучший жареный цыпленок в городе. Я мяса не ем и вместо этого набираю себе запеченные бобы, гороховый салат и острые макароны с сыром. Ну и, поскольку сегодня особый случай, я заказываю еще банановый пудинг и большой стакан сладкого чая. Все остальные выбирают из пяти блюд с цыпленком - одно острее другого. Только Джек с Тони осмеливаются заказать самое острое - «Кудах намылился?!»

Так уж они устроены, что не жалуются на остроту, жуют не морщась и вообще не подают виду, что едят что-то слишком ядреное. Однако я замечаю, сколько колы они выпивают перед тем, как откусить еще кусок. Когда Тони встает, чтобы налить себе еще колы, и спрашивает Джек, не нужно ли того же и ей, она даже позволяет ему.

Нам осталось убить еще несколько часов перед концертом, так что мы скидываемся по несколько баксов на парковку, и Брукс паркуется в центре города, неподалеку от цели нашего визита и от Сентенниал-парка.

— Ты ведь хотела заглянуть в Вэнди? — спрашивает Пол, когда мы вылезаем из «эксплорера». — Погуляешь по кафедре журналистики, да?

Я еще не обсуждала с ними свои мысли о поступлении. Сначала надо было окончательно смириться с учебой в Кентуккийском университете: лучше, чтобы они думали, будто я уезжаю, а я бы осталась, чем пообещать остаться и все-таки уехать. Но сейчас, похоже, без этого разговора не обойтись. По пути я уже предвкушала эту беседу, но только как что-то далекое и страшное, которое может еще не сбыться, если сильно о нем не беспокоиться. А теперь мне уже никуда не деться, а поскольку я старалась об этом не думать, я не знаю, что отвечать.

— Да не, все в порядке, — пожимаю я плечами, все еще надеясь, что Пол и Джек не обратят на это внимания. Тщетно, разумеется, надеясь.

— В каком смысле - все в порядке? — переспрашивает Джек. — Ты говорила об этом с тех самых пор, как мы решили поехать!

— Но не в последнее время, — бормочу я.

Мы доходим до перекрестка, и наши пути начинают расходиться. Брукс направляется в ближайшее кафе - встретиться с другом. Серена и Джей собираются зайти в магазинчик, за которым Серена следит в Инстаграме, чтобы увидеть его своими глазами. Мы с Джек и Полом, конечно, едины и неделимы. Тони, получается, остается один. Он решает перейти дорогу с Сереной и Джеем, пока остальные ждут зеленого света, чтобы пойти в другую сторону. Это хороший знак. Не хотела бы обсуждать эту тему в присутствии Тони.

Когда Брукс машет нам рукой и сворачивает на нужную ему улицу, я наконец отвечаю:

— Никакого Вэнди. Даже если меня примут, что уже вряд ли, это слишком дорого.

Друзья молчат. Я знаю, что они переглядываются у меня за спиной. Очевидно, роль дипломата достается Джек, потому что она подает голос:

— Это... новая информация.

— Я уже некоторое время об этом думаю. Просто пока не поняла, как вам об этом сказать.

— В смысле - как нам сказать? Таш, мы твои лучшие друзья! Нас не надо обманывать. Просто сказала бы, и все.

Ее слова меня ранят.

— Я имею право что-то обдумать, прежде чем делиться с вами!

Джек бормочет что-то себе под нос. Я решаю, что это значит: «Твое право».

Мы не обсуждаем, куда мы пойдем вместо этого, и безмолвно решаем отправиться в парк. Там мы сворачиваем на одну из дорожек, ведущих в гущу деревьев. Где-то вдали плещется вода: в центре парка есть озеро с фонтаном, но отсюда его не видно.

— То есть... то есть ты пойдешь в Кентуккийский университет? — Джек поворачивается ко мне и хлопает ресницами. — Со мно-о-о-ой?

Это так неожиданно. У меня перехватывает дыхание, и по телу разливается тепло. Не знаю уж, в том ли дело, что Джек дурачится, атмосфера ли парка виновата или я просто радуюсь, что шагаю по дорожке между двумя самыми любимыми людьми на свете, но мне становится хорошо. Правильно. Я, конечно, остаюсь в Лексингтоне, зато буду рядом с ними.

— Да, — отвечаю я. — Именно так.

Подруга борется с улыбкой:

— Ты, конечно, уже знаешь, что соседка из меня ужасная, но я все равно заставлю тебя жить со мной!

Я обнимаю их с Полом за плечи и начинаю напевать припев With or without you, громко шепча Джек в ухо переделанные слова: «Ты не сможешь жить ни со мной, ни без!» Да, это глупо, но мне плевать, и моим друзьям тоже. Пол изображает грохот тарелок и крещендо ударных. Джек вместе со мной изображает вопли Боно, и тут мы выходим на поляну и оказываемся перед Парфеноном.

Меня переполняет любовь к ним обоим. Джек и Полу плевать, как мы смотримся со стороны. Им никогда не будет стыдно за меня. С какой стати нужно менять их на понтовый университет и шестизначный долг за обучение?

При виде Парфенона мы можем только восхищенно качать головами, ведь что еще остается делать, обнаружив посреди Теннесси полную копию древнегреческого храма? Это настолько удивительно странно, что может отдавать вульгарщиной. Для кого-то, наверно, он и выглядит глупой шуткой, но не для меня. Здесь, в этом парке, Парфенон кажется старым и вечным. Кажется, он выстоит и после того, как нас dokonают ядерные взрывы, пришельцы и эпидемии. «Башня-Бэтмен», может быть, и упадет, но не фальшивый Парфенон. Он будет всегда.

Когда мы подходим к входу в клуб, там уже собралась порядочная очередь. Я вижу Серену, Джея и Тони человек на двадцать впереди нас и машу им рукой. Тони жестом предлагает нам встать за ними, и я замечаю кислые лица людей вокруг, уже мысленно готовящихся к перепалке за место в очереди. Это они зря. Мы с друзьями, конечно, громкие и ненормальные, но ведем себя порядочно. Я качаю головой и стараюсь не смотреть на жалобную гримасу Тони.

Вскоре открывают двери, и мы вшестером собираемся на танцполе. Внутри клуб - большое пустое помещение со сценой на одном конце и баром на другом. Мы маркером нарисовали большие иксы на обеих руках, на остаток вечера объявив себя малолетними неудачниками. Серена хвастается украшением, которое купила в том самом магазинчике - серебряными карманными часами с крошечной птицей на конце секундной стрелки. Тони и Джей стоят рядом с ней и совсем близко друг к другу.

Брукс присоединяется к нам только в перерыве между разогревом и Chvrches. У него красное от алкоголя лицо, но рядом с нами он больше не пьет, и его пьяная улыбка постепенно становится более трезвой и веселой. Хотя, когда группа наконец выходит на

сцену, мы все ведем себя как пьяные. Мы фонтанируем энергией, и я, совершенно не стесняясь, визжу, когда они начинают выступление с моей любимой песни.

После основной программы группу вызывают на бис. Пока они играют, я оборачиваюсь и вижу, что Джей и Тони целуются. Джей прислонился спиной к металлической подпорке и самую чуточку дрожит, а Тони вжимается в него и целует на каждый стук сердца.

Наши Вронский и Алекс наконец-то вместе, и я рада за них даже больше, чем за Кевина.

Концерт отличный, хотя, когда мы уходим, Джек шепчет мне то, о чем я и так думала: «Как-то ожидала большего». Я мало куда ходила, но опыт подсказывает, что в основном так и бывает - редко когда зрелище соответствует накалу эмоций, до которого ты себя накручиваешь.

Брукс, кажется, уже протрезвел, но они с Сереной успевают незаметно для меня попрепираться, и в результате за руль садится она. Минут через пять с переднего сиденья раздается храп. Мы тихонько хихикаем, а Серена только прибавляет громкость радио.

У меня в сознании сгущается уютный сонный туман. Все молчат - кто-то спит, кто-то клюет носом. Из-за моей спины разливается жутковатое голубое свечение экрана чьего-то телефона. Через несколько минут оно исчезает, и мы погружаемся во тьму.

Когда я просыпаюсь, мы обгоняем какой-то грузовик в правом ряду все того же шоссе. Я заснула на плече у Пола и оставила на рукаве его футболки дорожку из слюны. К счастью, он тоже спит и не заметил, какой сюрприз я ему подложила. С другого бока от меня ровно дышит Джек. На переднем сиденье Брукс дрыхнет без задних ног. Я поворачиваюсь назад: Джей тоже не спит, слушает музыку и провожает взглядом проезжающие машины. Света как раз хватает, чтобы я разглядела, что он держит Тони за руку. Джей улыбается мне, я улыбаюсь в ответ, показываю пальцем на него, потом на Тони и по-дурацки поднимаю пальцы вверх. В ответ Джей указывает на меня, на затылок Пола и пожимает плечами, как будто спрашивая: «А как насчет вот этого?»

Я корчу гримасу. Мы с... Пол? Он точно о том, о чем я думаю? Но сомневаюсь я недолго: Джей вытягивает губы трубочкой, изображая поцелуй, и подмигивает. Мне остается только ошеломленно пялиться на него. Наконец я качаю головой: «Не-а».

В ответ Джей только улыбается шире и закрывает глаза, возвращаясь в мир музыки. Я сажусь поудобнее, зажимаюсь и заставляю себя заснуть снова, но мой мозг никак не может успокоиться.

Мы с Пол? Джей просто не знает, что для Пола я как вторая сестра. И даже если бы было иначе, у нас бы все равно ничего не вышло. Потому что я не фанат секса, а Пол слишком подробно рассказывал нам про свои отношения со Стефани Кру и парой других девушек, и тут я явно в пролете.

Но я почему-то не могу успокоиться. В моем горле лопаются пузырьки, как в тот день, когда Пол обнял меня при своих друзьях-спортсменах, и один из них принял меня за его девушку. Они просто ничего не понимают! Я ни с кем не встречаюсь, а Пол... это просто Пол.

Он ворочается на своем сиденье, и мне в голову приходит ужасная, нелогичная идея, что все это время он читал мои мысли и сейчас выскажет все, что обо мне думает. Но Пол ничего не говорит, только сонно улыбается мне. От страха я шепотом выпаливаю:

— Я тебя обслюнявила!

И пальцем показываю Полу на его мокрый рукав. Друг фыркает, обнимает меня и издает неприличный звук губами мне в волосы. Я морщу нос и толкаю его в грудь. Пол улыбается мне в макушку:

— Мы квиты.

Потом он снова закрывает глаза, но не убирает руку с моего плеча. И это беспокоит меня: Пол всегда так себя вел, и, конечно, сестра может спать на плече брата, но вдруг между нами происходит что-то еще?

Да ничего - но что-то есть. Быть того не может - или может. Вот же он, Пол - или мне Фом нравится?

Мысли носятся и скребутся в моем мозгу, так что я не могу уснуть. К тому моменту, как мы подъезжаем к моей подъездной дорожке, Серена вылезает из машины и все начинают просыпаться, я совсем запуталась.

До церемонии вручения «Золотой тубы» осталось ровно две недели. Я потратила почти все свои сбережения на билет до Орландо и обратно и на две ночи в Embassy Suites, где и будет проходить награждение. У меня осталось не так уж много денег. Я собираюсь сметать включенный в стоимость завтрак подчистую, а так же утаскивать немного фруктов и вафель для перекуса к себе в спальню. Но понимаю, рано или поздно мне придётся заплатить и за обед.

Что ж, по крайней мере, Фом угостит меня кофе. Наверно. Я надеюсь.

Через неделю «социального голода» мы с Джек возвращаемся в сеть с новым планом: теперь мы будем разгребать уведомления максимально эффективно, по возможности игнорируя негатив и отвечая только друзьям по цеху или на очень важные вопросы. Конечно, не лучший подход, но иначе мы просто свихнемся.

После того рассвета на кладбище мы с Клавдией больше не ссоримся. Конечно, мы все еще не красим друг другу ногти, но стали лучше друг друга понимать. То ужасное утро в компании памяти дедушки с бабушкой заставило меня по-другому взглянуть на вещи. Думаю, раньше мне всегда казалось, что это Клавдия виновата в том, что мы почти не общаемся. Это она решила, что не будет опускаться до общения с нами. Она, в конце концов, старшая сестра и сама виновата, что не пыталась сблизиться со мной. Из-за этого мы все отдалялись и выросли такими непримиримо разными. Я всегда винила в этом ее. Но теперь мне больше не кажется, что она в чем-то виновата. Просто мы очень разные, она старше, и просто не все на свете зависит от нас.

И вот мы - две сестры, два взрослых человека, и между нами огромная пропасть. Я все еще не могу перешагнуть эту бездну, но теперь мне, по крайней мере, видно, что на другой стороне, насколько огромное там давление и высокие требования. Клавдия права: я никогда не чувствовала этого давления, даже не думала о нем. Я все еще не чувствую его, но теперь я знаю, что чувствует она, и это уже кое-что. А Клавдия еще не помирилась с родителями окончательно, но ведет себя куда мягче. Она стала меньше огрызаться, больше не закатывает глаза и, как правило, ужинает с нами.

После поездки в Нэшвилл у меня был один из тех дней, когда столько спишь, что потом до вечера ни на что не годен. Я проспала целых двенадцать часов, и все равно, отправляясь ужинать, чувствую себя отвратительно. Однако при виде того, что папа приготовил, мое настроение тут же улучшается. Он испек нам пироги кальцоне, каждому его любимый: маме достался с луком и перцем, Клавдии - с грибами, самому папе - с беконом и пепперони, мне - с четырьмя сырами. Единственная вещь на свете, которую я люблю больше, чем папины чешские блюда, это его кальцоне. Стоит мне только увидеть, как они исходят паром на столе, и меня пробивает волной адреналина до самого сердца. Я вдруг просыпаюсь. Мне понадобится выжать максимум из всех моих органов чувств, чтобы по достоинству оценить это сырное безумие.

— По какому случаю? — спрашиваю я, садясь за стол.

— У нас семейная кино-ночь! — отвечает папа. — Это действительно особый случай.

В каком-то смысле так и есть. В последний раз мы смотрели кино все вместе еще в феврале, когда нас занесло снегом, и мама с Клавдией болели. Мы засели у телевизора с теплыми одеялами и сидром, и посмотрели все три фильма «Звездных войн». Еще несколько дней, когда дороги уже расчистили, но снег еще лежал толстым слоем, папа перед тем, как уезжать на работу, размахивал скребком для ветровых стекол, как световым мечом, и вопил: «Здравствуй, новый день на Хоте!»

Сегодня мы смотрим «Балбесов», а значит, перед этим все должны исполнить танец-пузотряску. Мы с Клавдией ноём и жалуемся, но на самом деле обожаем его. Так что запрыгиваем на диван, задираем футболки до пупа, изо всех сил трясем животами и урчим. Папа довольно кивает: «Тогда давайте смотреть», — но мы тыкаем в него пальцами и требуем, чтобы он тоже станцевал. Папа торжественно разворачивается,

высвобождает заправленную в штаны рубашку и трясёт своим роскошным пузом, очень точно изображая голосом урчание живота. Не буду говорить, что папа выбрал не ту профессию - он очень хорош в торговле, - но на сцене он смотрелся бы шикарно.

Мама садится к нам. Я подозреваю, что она специально решила сесть между мной и Клавдией. Мои предчувствия сбываются, когда она нарочито небрежным движением обнимает нас обеих за талию.

— Мам, — произношу я, — мы никуда не исчезнем.

Мама целует меня в висок. Я подаюсь вперед, чтобы посмотреть на Клавдию. К моему удивлению, она уткнулась головой маме в ключицу. Под маминой изумрудно-зеленой блузкой уже видно небольшую выпуклость. Раз уж она решила меня обнять, я позволяю себе кончиками пальцев потрогать её живот. Никто ничего не говорит. Мы молча прижимаемся друг к другу и смотрим, как на экране появляется огромный череп с двумя скрещенными костями.

Вечером я ложусь в кровать и пишу Фому. Снова про «Золотую тубу», ничего не могу с собой поделатъ. Скоро мы закончим снимать, и премия кажется мне логичным итогом всего, что мы с Джек достигли за этот год. Идеальной концовкой главы жизни, посвященной «Несчастливым семьям». У меня в мозгу предстоящее событие раздулось до размеров вселенной, и это страшно. Ни церемония, ни её результаты не могут оправдать моих ожиданий, и нельзя об этом забывать. У нас нет ни единого шанса выиграть в номинации «Лучший новый сериал». Вообще без вариантов. Я в этом совершенно уверена - наполовину. Другую половину меня затапливает волна безбашенного оптимизма. Я думаю об этом куда чаще, чем полезно для здоровья, и неудивительно, что часть моего волнения просачивается в разговоры с Фомом.

Волна отрицательных отзывов и не думала схлынуть после его обращения. Я на это и не рассчитывала. Но, хоть Джек меня не поймет, я все равно благодарна Фому за то, что он его записал. Он не просто показал, что его волнуют мои чувства, то видео стало своего рода отправной точкой. После него в наших беседах появилось что-то новое. И хотя Фом в основном рассказывает мне про фантастику, свою работу или последние феномены интернета, меня это вполне устраивает.

И теперь я снова пытаюсь покрасивее расписать, как волнуюсь, а Фом, как всегда, бьёт не в бровь, а в глаз:

«Таш, РАССЛАБЬСЯ, не выиграешь - значит, не выиграешь. Зато хорошо проведёшь время».

Мне хочется ответить ему, что у меня нет денег на поездку в «Волшебный мир Гарри Поттера», а значит, все совсем не так уж радужно.

Но я пишу только: «Да-да, само собой, ты прав».

Повисает молчание. Ни новых сообщений, ни надписи, что он печатает. Я уже собираюсь пожелать ему спокойной ночи, и вдруг он начинает набирать сообщение. Я жду, что же он напишет.

«Ты уже легла?»

«Ага, — пишу я. — Свернулась калачиком и смыла весь макияж. Видел бы ты меня сейчас - испугался бы до полусмерти».

Я просто пошутила, но начинаю жалеть об этом сразу же, как только отправляю сообщение. Кажется, это было слишком. Он может подумать, что я напрашиваюсь на комплимент. Ненавижу людей, которые растаптывают себя в пыль, а потом дают собеседнику тюбик клея с воплями: «Склей меня обратно!» Я тоненько взвизгиваю и запикиваю телефон под подушку, как будто это помешает Фому ответить мне. Меня хватает всего на минуту, потом я вытаскиваю его обратно и читаю ответ: «Уверен, ты прекрасно выглядишь. ОСОБЕННО если свернулась калачиком в постели».

Кажется, я начинаю каменеть.

Кости превращаются в мрамор, жилы в гранит. Кровь застывает сосульками в форме артерий и вен. Фом Козер действительно это написал. Он назвал меня красивой. Он почти признался, что представляет меня лежащей в постели. И мне больше всего на свете хочется думать, что этим все и заканчивается. Что он просто отпустил невинную реплику. Что он представляет, как мы лежим в обнимку, и не более того. Но такого быть не может, потому что он парень, ему семнадцать, и шансов, что он такой же, как и я, один на миллион. Между строчек наших невинных сообщений начинает проглядывать слово «секс». Оно уверенно ползет между предложений, легко прокладывая себе путь, высовывает свой раздвоенный язык и оставляет мокрый след на каждой букве. Ненавижу. Надо, наверно, уже все сказать Фому. Я просто не понимаю, когда и как. Нельзя поднять эту тему так, чтобы не смутить его, и стоит мне начать этот разговор, как все изменится навсегда.

Я уже читала про отношения асексуалов и людей, у которых есть потребность в сексе. Есть много точек зрения на эту проблему, но все они сходятся в одном: это очень сложно. Обе стороны должны быть честны друг с другом и готовы идти на компромисс. Иногда второй человек, сохраняя свои чувства к первому, ищет сексуальное удовлетворение где-то еще - сам по себе или с другими людьми. Иногда асексуал готов время от времени заниматься сексом, лишь бы партнёр был счастлив. Иногда все заканчивается очень печально. Но, с какой стороны ни глянь, все эти подробности звучат так технически и отвлеченно... Я ведь могу пока не думать о них, правда?

Я смотрю в потолок и вспоминаю другие ночи, когда лежала точно так же. Мое воображение далеко отсюда: я отчаянно пытаюсь представить себе обстоятельства, в которых хотела бы секса, в которых меня бы тянуло им заняться. Однажды, когда родители уехали на выходные в горы в Пиджин-Фордж, я затащила к себе в комнату целую стопку дисков. Я собрала все фильмы с откровенными сценами, какие только нашла. И посмотрела их все. Несколько раз. Я ставила на паузу в нужных местах. Я пыталась, честно.

Судя по всему, я не хочу этого не потому, что не пыталась это понять. Я несколько раз пробовала делать это сама с собой. Ничего отвратительного в этом не было. Было нормально, было даже приятно достичь разрядки. Но это не те чувства, которые я должна испытывать. Все иначе - в фильмах и телешоу, на уроках сексуального воспитания, в разговорах с Джек. Я должна чувствовать нечто большее. Я должна тянуться к этому, как тянутся они. Или, конечно, все остальные могут просто притворяться. Иногда мне хочется, чтобы они притворялись. Это было бы грустно, но, по крайней мере, я перестала бы быть ненормальной.

В прошлом году на одном из первых уроков английского мистер Фентон заявил классу, что все книги на свете написаны ради двух вещей: или секса, или смерти, - а чаще и того, и другого. Джек очень выразительно возмутилась в ответ, а на перемене сказала мне, что мистер Фентон так думает просто потому, что он мужчина.

— Точно тебе говорю, — продолжила она. — Джейн Остин писала уж явно не о сексе. И не о смерти. Она создала сатиру на общество того времени, потому что была взрослым человеком. Иногда мужчины так примитивны! Им так сложно увидеть что-то дальше их собственного мужского достоинства. Лучшие писатели-мужчины - почти всегда либо геи, либо би. Дайте мне Уайльда! Уитмена! Капоте! К черту Фентона!

Мистер Фентон к черту не пошел, но в его классе долго ходила шутка, что, если не знаешь ответа на какой-то его вопрос, секс всегда выручит.

Да, мы с Джек не были с ним согласны, но, кажется, он все же добился своего. Мысли о сексе тяжелым грузом висели над его классом, вырывались наружу, в коридоры, и витали над целым миром. Секс был повсюду, он как будто стал второй кожей всем, кого я знаю.

У кого бы спросить дорогу в параллельную вселенную, где такой проблемы просто нет? Я застряла в нашем мире и, похоже, обречена всю жизнь всех разочаровывать. Я

недоделанное человеческое существо. Я неправильная девочка. Если все на свете происходит ради секса или смерти, получается, мне остается только смерть?

Что бы ответил на это мистер Фентон? Что вообще можно на это ответить?

Между тем мне нечего отвечать Фому.

Я гляжу на скрытый темнотой неясный силуэт портрета Толстого.

— Лео, — зову я, — неужели ты будешь моим единственным мужчиной?

В темноте не видно, но я знаю, что он хмурится в ответ.

У меня есть теория, что вторая половина лета проходит вдвое быстрее первой. Июнь начинается ослепительно яркой вспышкой. Все напряжение, накопившееся за весенний семестр, можно наконец потратить на купание, пикники, парки развлечений, а лучше всего на блаженное ничегонеделанье. Дни длинные, темнеет только в девять. Вся природа выползает погреться на солнце. А потом - раз! - и наступает День Независимости. И всё: дни становятся короче, школа маячит все ближе, и кажется, будто из каждого нового дня кто-то крадет целый час. А потом приходит август, и вместо запаха крема для загара воздух начинает пахнуть свежесрезанными карандашами.

Это лето тоже не исключение. Июль пролетает неделя за неделей, только краски пестрят. Мы работаем, общаемся и, самое главное, снимаем, снова и снова. Последний день съемок все ближе и ближе, а потом вдруг без шума, грохота и фанфар берет и наступает. Стоят первые выходные августа, и сегодня мы доснимем до конца.

Субботним вечером у нас дома из всех актеров остаются только Серена и Ева. Они сидят на моей кровати, прислоняясь к стене, которую мы с Джек накануне любовно украсили засушенными цветами и фотографиями заснеженного Парижа. Мы снимаем уже пятый дубль, но дело не в моем плохом настроении и не в том, что кто-то забыл слова. Я просто хочу сделать все идеально. Это финальная сцена. Она должна быть безупречна.

Приняв решение отвечать только на самые важные вопросы, мы с Джек действительно сэкономили немало времени. Но иногда я погружаюсь в море хэштегов и фан-арта просто для собственного удовольствия. Кевина по-прежнему превозносят до небес, и какая-то девочка даже начала продавать украшения с выгравированными на них цитатами из сериала. Наверно, это нарушение авторского права, но мне плевать: люди покупают наш фан-арт, что может быть круче? И, если уж на то пошло, это мы взяли и сперли всю историю у моего дорогого, чудесного Лео.

Конечно, нас по-прежнему критикуют, но в последний раз, когда я изучала этот вопрос - пару дней назад, - активнее всего обсуждали не то, что мы уже сделали, а то, что мы можем сделать дальше. Мы и так уже неплохо отклонились от сюжета книги и, конечно, не можем вместить в сериал произведение целиком. Никто из наших героев не женится, только встречаются. Анна не беременна от Вронского, а просто подхватила сильную пневмонию. И, как любезно указал-указала [silverspunnx23](#), мы даже не пытаемся замахиваться на обзор политической ситуации в Российской империи. Мы просто вырезали, например, взаимоотношения Левина с его братом Николаем. И теперь, когда мы приближаемся к развязке, фанаты, естественно, желают знать, оставим ли мы хоть концовку без искажений: бросится ли Анна под поезд?

Осторожно, спойлер: нет, не бросится. Это мы с Джек решили с самого начала. Мы хотим, чтобы все закончилось хорошо. Чтобы Анна нашла покой - с Вронским или с кем-нибудь еще - и при этом стала подружкой Китти. Издевательство над книгой? Есть немножко. Да, у Толстого они так и не сошлись. Но у нас они постепенно сближаются, и, когда жизнь Анны разваливается и ее бросают оба парня, Китти остается рядом и помогает ей все обдумать и жить дальше. Миром правят девочки, как в песне Wannabe у Spice Girls, и нас с Джек не переубедить.

Мы задумали такой финал с самого начала, но тогда мы просто сидели вдвоем на полу моей комнаты и увлеченно записывали наши безумные идеи в тетрадь на пружине. В то время мы думали только о сюжете, о взаимоотношениях персонажей и о том, как это будет смотреться на видео. Нами двигало чистое, незамутненное вдохновение, мы еще не заботились, что подумают зрители.

А теперь уже нельзя заглянуть в сценарий и не представить, что скажут фанаты. Я прочла слишком много комментариев, хороших и плохих, и уже не могу отключить их образ мышления. Я уже знаю, что скажут, когда мы выложим финал. Кто-то посчитает, что это прекрасная концовка, в подлинном духе феминизма, и мы молодцы. Кто-то

скажет, что мы слишком все упростили. Другие будут орать, что мы две дуры и ничего не поняли в этом великом романе. Я выучила наизусть все возможные поводы придраться. Создавать то, что другие обольют грязью, немного страшно, но я чувствую себя свободной. Потому что можно делать все, что угодно, но от этого не убежать. Какой бы конец мы ни придумали, кому-то это все равно не понравится.

После десятого - и последнего - дубля Ева начинает беззвучно плакать. Ей явно стыдно это показывать, и она трет глаза кулаками. Увидев ее слезы, Серена крепко обнимает ее. Я сажусь рядом и успокаивающе глажу Еву по спине. У меня тоже слезы на глазах. Да и у Серены. Только Джек по-прежнему бесстрастен и смотрит на нас без осуждения, но с непониманием, как будто мы с другой планеты.

— Давайте не будем плакать до вечеринки, ладно? — прошу я наконец. — Иначе для чего она вообще нужна?

Ева стирает с лица слезы и шмыгает носом.

— Ладно.

— О-бал-деть, — произносит Серена. — Поверить не могу, что все кончилось.

— И хорошо, — напоминаю я, — теперь ты сможешь сосредоточиться на «Вестсайдской истории».

— Ага, — пожимает плечами Серена. — Но ее поставили миллион раз и поставят еще столько же, а «Несчастливые семьи» такие одни!

Серена всегда говорит именно то, что мне, оказывается, и нужно было услышать.

Я боюсь расплакаться снова, так что быстро киваю:

— И все же какое счастье, что мы с тобой тогда подружились!

Серена протягивает мне сжатый кулак, я касаюсь его своим, и мы, дурачась, шевелим растопыренными пальцами.

Что бы ни случилось дальше, этого у нас никто не отнимет: мы вместе рассказали историю, и никто из нас не смог бы сделать этого без других. Эта часть нашей жизни принадлежит только нам девятерым, и никто другой никогда не поймет это так, как мы. Нашему Братству пришла пора распасться. Я, Гимли, еще не раз взмахну своим молотом, но уже в другой компании.

Мне кажется, слезы тут уместны. И уж точно никогда не будет лишним стукнуться кулаками.

В воскресенье вечером мы празднуем окончание съемок на заднем дворе дома Харлоу. Все одеты по невозможно жаркой погоде: в майки, шлепанцы и купальники или плавки. Мы заказали четыре больших коробки пиццы из «Папа Джонс» и большую часть вечеринки набиваем животы сыром и тестом, а потом ныряем в бассейн, рискуя заработать заворот кишок. Когда все достаточно устают, мы вытираемся, уходим в подвал и включаем компьютер - посмотреть «Несчастливые семьи» на экране. Сериал идет довольно долго - больше пяти часов, - так что мы смотрим только последний час, в том числе и материалы последнего месяца, которые еще только предстоит выложить. (Джек почти всю ночь монтировала последнюю сцену.)

Брукс, к сожалению, не может остаться до конца: он подрабатывает в университете и ему нужно провести экскурсию по студгородку. Остальные остаются - включая Пола, которого мы тоже пригласили отпраздновать с нами. Когда начинается последняя сцена, я тайком оглядываю ребят, пытаюсь понять, что они об этом думают. Серена и Джей обнимаются и плачут. Когда экран гаснет, повисает напряженная пауза, а потом комната взрывается аплодисментами и криком. Джей вскакивает на ноги и требует, чтобы все дали ему пять. Ева заключает меня в медвежьи объятия, целует в щеку и кричит: «Таш, это офигенно!» Потом она собирается проделать то же самое с Джек, но Джек отвечает: «Комплимент принят, а руки, пожалуйста, оставь при себе».

Начинает играть Another One Bites the Dust. Конечно, с телефона Тони. Он пыжится изобразить лунную походку, а Джей хлопает в такт и смотрит на него с таким обожанием, что я почти вижу, как от него отлетают мультяшные сердечки.

У меня прямо сердце радуется. Но потом мне становится стыдно за это и я поворачиваюсь к наблюдающей за ними Джек.

Но она не выглядит раздраженной. Похоже, она даже не пытается делать вид, что все в порядке. Все и правда в порядке.

— Все нормально? — спрашиваю я.

— Все хорошо, — отвечает подруга. — Серьёзно, все в порядке. Мы с Тони это обсудили. Похоже, он думал, что Джею нравится парень из театрального, и пытался заставить его ревновать.

— Ни фиги себе... По-моему, у нас тут интрига похлеще Толстого.

— Есть немножко. В любом случае, Тони лучше ведёт себя, когда у него кто-то есть. И как можно обижаться на Джея? Он просто чертов ангелочек! И заслуживает счастья.

Это очень великодушно с её стороны, но я никогда не скажу этого вслух, потому что у неё аллергия на слова одобрения. Так что мне придётся притворяться. Вслух я произношу:

— Рада, что все хорошо.

— Ага, — отвечает Джек.

— Ты ни разу не ангелочек, но, мне кажется, ты тоже заслуживаешь счастья.

— Фу, Таш! Кажется, ты перетрудилась со сценарием. В тебе не осталось ни одного хорошего слова. — И добавляет: — Кто-то должен остановить Пола, пока он не сломал шею!

Пол присоединился к танцующим, когда они переключились на We are the champions, взгромоздился на кофейный столик и ревет припев в пульт от телевизора. Поймав мой взгляд, он жестом предлагает мне присоединиться.

Я отвечаю:

— Мы что, мало вашей мебели уже поломали?

Друг спрыгивает со стола, хватая меня за руку и начинает кружить, не прекращая петь в пульт второй куплет. Потом мы валимся на кресло и сидим там, пока актёры прощаются и уходят. Все повторяют, что нам нельзя терять связи и нужно обязательно поскорее увидеться. Джордж подходит, семеня, как будто мы с Полом приказчики, а он смиренный крестьянин и пришёл попросить еще немного зерна на зиму.

— Думаю, увидимся в пятницу утром, Таш, — произносит он.

Я киваю, даже не пытаюсь изобразить энтузиазм. Разумеется, я жду не дождусь «Золотой тубы», но можно было бы обойтись и без Джорджа.

— Как-то так, — отвечаю я.

— Волнуешься? — спрашивает он.

Волнуюсь ли я. Ха. Я столько жаловалась Фому, что иногда уже забываю, что весь мир еще не в курсе, как дико, бешено и непреодолимо меня трясёт.

— Que será, será, — отвечаю я. — Будь что будет.

Тони, как раз вышедший через задний вход, просовывает голову обратно и начинает петь песню Дорис Дэй: «Que será, será! Whatever will be, will beee! The future's not ours to seee!»

По ту сторону стеклянной двери стоит Джей. Смеётся и сияет.

Джорджу вовсе не смешно; у него на лице написано: «Этот парень просто невозможен!» Я отвечаю ему взглядом, который должен означать: «Это просто Тони. Он всегда такой».

— Ладно, — произносит Джордж, — увидимся в аэропорту.

— Угу.

Я машу им с Тони и Джем рукой. Вот и пришёл конец торжественному окончанию съёмок.

Джек закрывает за ними дверь, качая головой:

— Надеюсь, он боится летать до потери пульса. Или его укачивает. — Потом она раздражённо склоняет голову набок: — У меня вода в ухе! Пойду, закапаю туда перекиси водорода и приму душ. Таш, ты тут ночуешь?

— Еще не решила, — отвечаю я. Но мне так спокойно и лениво, а еще я так уютно устроилась рядом с Полом, что, наверно, останусь. Джек топает вверх по лестнице, я закрываю глаза и слушаю её быстрые шаги над головой. Я чувствую себя выжатой как лимон, но это приятное чувство. Моя кожа все еще влажная и пахнет хлоркой, а рот еще перемазан жирным чесночным соусом.

Пол ерзает под моим плечом и спрашивает:

— Как, волнуешься перед «Золотым саксофоном»?

Я смеюсь, хотя, по-моему, шутка дурацкая.

— Ты шутишь как мой папа!

— На вопрос-то ответь! — настаивает друг.

— Ладно, хорошо, я с ума схожу от волнения. Не знаю даже, что меня страшит больше, победа или поражение. Потому что, если мы проиграем, это будет плохо, но если мы выиграем... даже не знаю. Такое ощущение, что, чем больше у нас аудитория, тем больше находится желающих говорить гадости. Как будто огромное число просмотров делает нас непробиваемыми. Я не хочу, чтобы наш сериал вызывал ненависть. Лучше, наверно, полная безвестность, чем эта травля за популярность.

— Да уж, вот тебе и цена славы.

— Хватит тебе издеваться!

Пол смеётся:

— На самом деле, вы очень крутые. Мало кто из наших ровесников может похвастаться, что снял пятичасовую адаптацию «Анны Карениной». И что бы ни случилось на «Платиновом рожке», этого у вас никто не отнимет.

— Этого у нас никто не отнимет, — рассеянно повторяю я, уносясь мыслями по знакомой дороге. — Даже если церемония будет полным провалом, по крайней мере, я наконец увижу Фома.

— Ага, и это тоже.

Пол снова начинает ерзать. Такое ощущение, что он пытается отодвинуться, перестать на меня опираться. Бесполезно: кресло слишком мягкое и мы снова и снова сваливаемся друг на друга.

— Так странно, — продолжаю я, — мы столько друг про друга знаем, но это всякие мелочи вроде любимого фандома или куда бы мы отправились на машине времени. И ничего важного, вроде...

— Вроде того, что вы даже ни разу нормально не разговаривали, — перебивает Пол.

Я прячу улыбку.

— Мне кажется, в этом есть особая прелесть. Когда мы наконец увидимся, это будет похоже на встречу старых друзей, и в то же время - мы как будто впервые познакомимся.

— Ага, вы же еще даже не лишились слуховой невинности... Это так мило!

В голосе Пола есть что-то отвратительное. Что-то резкое и сварливое. Раньше он при мне разговаривал так только с Джек и изредка - с отцом. Со мной - никогда. Слово «невинность» повисает в комнате яркой неоновой вывеской. Мы слишком близко сидим.

Я неуклюже вылезаю из кресла, чуть не упав при этом на пол.

— Таш, — начинает Пол, — я...

Краска бросается мне в лицо, и я иду в атаку:

— Конечно, шутки про потерю невинности такие смешные! Просто гениально,
Пол.

— Чёрт, я не хотел тебя обидеть! Прости!

— Что с тобой вообще творится? Чем тебе Фом не угодил?

Пол смотрит прямо на меня, но я не могу прочесть в его карих глазах ни одной эмоции.

— Ты что, ревнуешь? — вырывается у меня сквозь стучащие зубы.

Пол открывает рот, но выдыхает только воздух, без единого слова. Он качает головой и переводит взгляд с меня на полку с дисками за моим плечом. Я встаю так, чтобы закрыть ему обзор.

— Так ревнуешь?

— Боже, Таш!

Теперь уже я качаю головой - быстро, резко и с осуждением.

— Если что, ты не имеешь на это никакого права, — продолжаю я. — Потому что ты все обо мне знаешь. Потому что я тебе даже не нужна. Потому что ты не способен даже быть хорошим другом!

Наконец-то на лице Пола появляется узнаваемое выражение - непонимание.

— И почему же я плохой друг? — Он выпрямляет спину, кресло издает непристойный звук. В любой другой ситуации я бы засмеялась. От этого звук становится вдвое противнее.

— Ты не все мне рассказываешь, — отвечаю я. — У тебя есть от меня секреты.

— Какие еще секреты? Если я не чешу языком круглые сутки...

— Твой папа, например, — я делаю шаг вперёд, давая на него вопросом. — Почему ты молчал про его мигрени? Друзья должны делиться такими вещами друг с другом. А ты ещё и попросил Джек не говорить мне!

— Это не повод считать меня плохим другом. Ты тоже много что от меня скрываешь!

— Напр...

— Например, как ты на самом деле относишься к парням?

Я ошеломленно замираю и ничего не отвечаю.

— Я просто... просто пытаюсь понять, — объясняет он. — Это не значит, что я отвернусь от тебя или что я тебе не верю, я просто понять не могу. Потому что сначала ты говоришь, что ненавидишь мужчин...

— Я никогда не...

— ...А потом выясняется, что ты влюбилась в этого чувака с влогом. Я этого не ожидал. Потому что иначе я бы... потому что я просто хочу тебя понять.

Я судорожно сглатываю. Надо сказать Полу, что это моя вина. Я запутала его, потому что запуталась сама. Я сама пыталась во всем разобраться.

Надо произнести это вслух, но слова не идут на язык.

Осознав, что я не собираюсь ему отвечать, Пол тяжело оседает в кресле и устремляет взгляд в потолок. У него глаза на мокром месте.

— Я люблю тебя с самого детства. Наверно, влюбился в тебя еще в тот день, когда наши мамы впервые повели нас вместе поиграть в Холли-парк.

Эти звуки не могут исходить у Пола изо рта. Просто не могут. Это какой-то абсурд и бред!

— Мы лучшие друзья, Пол, — отвечаю я. — Ты, я и Джек. Конечно, мы любим друг друга всю жизнь.

Пол снова смотрит мне в глаза. К моему облегчению, слёзы на его глазах высохли. Но потом он начинает говорить, и мир разваливается:

— Да, Таш, я ревную. Понимаешь, я ревную. Потому что у тебя происходит что-то фееричное с парнем, которого ты ни разу не видела, а со мной ты даже попытаться не захотела!

Я только головой качаю:

— Это ты не хотел. Как будто со Стефани Кру встречалась я!

— Вообще-то, я сам и предложил ей расстаться.

— Боже, только не говори, что это было из-за меня! Ты никогда не смотрел на меня с этой стороны. Никогда. Я всегда была тебе младшей сестрой и, да, другом. И теперь, когда я уж точно тебе не достанусь, ты начинаешь переписывать прошлое. Зачем тебе это? Тебя возбуждает то, что меня не привлекает секс? Или ты думаешь, что мне нужно попробовать это с тобой, чтобы излечиться?

Пол морщится:

— О чем ты? Я никогда такого не говорил! И не думал.

— Да ну? Тогда ты идиот. Потому что ты парень из плоти и крови, Пол. Тебе нужен секс. Со мной его не будет. Если ты при этом хочешь быть со мной, ты кретин!

— Ты хочешь сказать, что я либо сволочь, либо кретин, третьего не дано. Так?

Я понимаю, как несправедливо себя веду, но остановиться уже не могу:

— Как-то так, да.

— К черту! — Пол вскакивает с кресла, бросается ко мне и застывает в каком-то футе от меня. — К черту, Таш! Не тебе решать, что я к тебе чувствовал и что мне нужно!

— То есть ты нормальный девятнадцатилетний парень, но секс тебе не нужен?

— Я не говорил, что мне...

— Пол, я не собираюсь волшебным образом меняться.

— Я не...

— Да, мы знаем друг друга всю жизнь, да, ты понимаешь меня лучше, чем кто бы то ни было другой, но это ещё не значит, что ты тот самый идеальный парень, с которым все будет иначе. Понимаешь? Да, я вас обоих запутала, но уж это я знаю твёрдо.

— Если ты...

Может быть, у меня слишком много адреналина в крови. Либо это нервы, либо это злость, либо просто моя внутренняя самоубийца проснулась, но я нахожу способ заставить Пола замолчать: я стаскиваю с себя футболку и кидаю её на пол.

Пол видел меня и менее одетой. Всего час назад я пыталась потопить его в одном купальнике. Но сейчас все по-другому, сменилась атмосфера, и на мне уже не купальник, а нижнее бельё.

Пол на секунду опускает глаза.

— Таш, что ты делаешь? — шепчет он.

— Ты обманщик! — отвечаю я. — И я сейчас докажу это. Я доказываю тебе, что ты обманщик.

Я расстегиваю молнию на юбке и снимаю пояс, так что ткань кучей падает к моим ногам. Я вытягиваю указательный палец и ввинчиваю его Полу в грудь.

— Вот так я выгляжу без одежды. Видимо, людей вроде тебя это возбуждает. И если ты хочешь со мной встречаться, тебе нужно все время помнить, чего ты лишаешься. Да, сначала ты можешь говорить, что это нормально, но нормально не будет, потому что тебе захочется залезть под одежду, и это разрушит нашу дружбу. И мою дружбу с Джек тоже. Я не могу этого допустить. Так что да, ты либо сволочь, либо идиот. И лучше ты будешь сволочью, потому что тогда мы хотя бы сможем остаться друзьями.

Тут за моей спиной, на лестнице, кто-то шевелится, и голос Джек произносит:

— Что за чертова хрень здесь происходит?

Я, даже не оборачиваясь в её сторону, хватаю юбку, футболку и бегу к двери. Джек зовёт меня по имени. Я дергаю ручку и сбегая, оставляя дверь широко распахнутой.

Я прячусь за ровно подстриженными кустами мистера Харлоу и неуклюже одеваюсь. Я оставила в подвале шлепанцы и босиком бегу по темноте, выстукивая голыми

пятками об асфальт неровный ритм, а в мозгу в такт ему проносится: «О чем ты только думала? Зачем он сказал это? Зачем он сказал это сейчас?»

Уже заперевшись в спальне, я понимаю, что надела футболку задом наперед и наизнанку. Но мне плевать. Я падаю в кровать и накрываюсь одеялом с головой.

Я не выхожу на связь с Джек и Полом, они - со мной. Мы живём на одной улице, в дюжине домов друг от друга, и не общаемся четыре дня. Во вторник и в четверг выходят заготовленные серии «Несчастливых семей». Со стороны может показаться, что все в порядке.

Вот только ничего не в порядке.

В последний раз мы всерьёз поругались, когда спорили, чей велик круче раскрашен. Мы никогда не ссорились по таким огромным, страшным и взрослым поводам, как сейчас. Ни разу не всплывало никаких шокирующих откровений вроде того, что Пол, оказывается, влюблен в меня с тех самых пор, как мы впервые играли вместе. Мы никогда не спорили на темы вроде полового влечения или его отсутствия. Мы вступили на новую, негостеприимную землю. Здесь ничего не растёт и никто не живёт. Я знаю, что в одиночку долго здесь не протяну. И все же я не могу заставить себя позвонить, написать, забраться к ним в подвал и заснуть там на диване. Просто не могу. И, похоже, они не могут тоже. Может быть, так и кончается дружба - не резким разрывом, а медленным и безжалостным погружением в забытие.

Конечно, наша дружба на этом не кончится. Я не позволю этому произойти. Но я не могу взять и позвонить им. Пока что не могу.

Я по-прежнему много пишу Фому. Не о нашей ссоре. О ней, конечно, ни слова. Он не знает даже, как зовут моих лучших друзей, так зачем рассказывать ему, из-за чего мы ссоримся? Так что мы болтаем на обычные темы: что Фом думает про Дж. Дж. Абрамса и что можно сказать про последнюю серию «Бурь Таффдора».

В четверг я прощаюсь с Лео. Нам тяжело расставаться. Он мужественно прячет горечь за нахмуренными бровями, но я-то знаю, как у него разрывается сердце при мысли о том, что я покидаю его, пусть даже всего на несколько дней.

— Это, конечно, не то же самое, что открыть дюжину школ для только что освобожденных крепостных, — замечаю я, — но выдвижение на эту премию - самое значимое, чего я достигла в жизни.

Лео хмурится.

— Слушай, хватит меня осуждать, а? Желание обладать куском металла в форме тубы не делает меня поверхностной!

Он продолжает хмуриться.

— Да хватит тебе! В моём возрасте ты еще не был таким великим. Ты беззаботно наслаждался прелестями аристократической жизни, спускал родительские деньги в игорных домах, а потом бросил учёбу и ушёл в армию!

Лео хмурится, и хмурится, и хмурится.

Я прячу голову в плечи:

— Ладно, Лео, как скажешь. Но я знаю, что ты будешь по мне скучать.

Потом я начинаю собираться. Да, я еду всего на две ночи, но сумка оказывается набитой под завязку. Я все время вспоминаю какие-нибудь мелочи: положить носки для сна, дорожный флакончик духов или запасную пару тёмных очков.

В комнате на полную громкость ревет альбом Astor Сен-Венсан, и между двумя песнями раздаётся стук в дверь. Открыв её, я оказываюсь носом к носу с Джек. Судя по выражению её лица, она стучит уже не в первый раз. На ней нет макияжа, и она в той же одежде, в которой спит - в чёрных фланелевых штанах и футболке с Джеком Скеллингтоном. Она отодвигает меня плечом, заходит в комнату и садится на край кровати.

— Тебе надо дофига всего мне объяснить, — говорит она.

Из динамиков ревет соло электрогитары. Я захлопываю ноутбук, и песня прерывается посреди ноты. Потом я опускаюсь на стул и обращаюсь к Джек:

— С чего начать?

— Мне, конечно, хочется спросить, зачем ты танцевала стриптиз перед моим братом, но, думаю, он рассказал мне достаточно. А пока что у меня вопрос поважнее.

Она протягивает мне свой телефон. Там открыт блог, название и логотип которого я немедленно узнаю - «Девушка в роговых очках». На экране красуется их последний пост, под названием «Несчастливые семьи, неудовлетворительное качество». Должно быть, то самое интервью, которое основательница, Хизер Лайлс, брала у меня в середине июля. До меня доходит, что я так и не сказала о нем Джек. Некоторое время я просто забывала об этом за съемками, а потом решила не говорить вовсе. Разговоры с незнакомыми людьми - не самая сильная ее сторона, и совместное интервью могло бы обернуться скандалом. Так что я просто ответила на все вопросы сама и пообещала себе рано или поздно сказать об этом Джек. Кажется, «поздно» уже настало. Джек тыкает интервью мне в нос. Я скольжу глазами по тексту и не нахожу ни чередующихся реплик, ни вопросов, ни ответов. Это просто большой кусок текста, и мне хватает нескольких фраз, чтобы понять, что на нас просто написали отзыв. И отзыв разгромный.

— Мне нужно знать, действительно ли ты ей все это говорила, — произносит Джек. — Если нет, нам, наверно, надо подать в суд за клевету. А если говорила...

Мне не приходится ничего отвечать - подруга понимает все по моему молчанию. Ее лицо по-прежнему ничего не выражает, но я знаю, что она злится. Да и что ей еще остается? Чем дальше я читаю, тем хуже все становится. Эта Лайлс не просто разнесла нас в пух и прах, она подкрепила свой разнос моими же собственными словами! Последний абзац такой:

«Молодому “продюсеру”, Наташе Зеленке, всего семнадцать лет, и, к сожалению, это видно. Выбор “Анны Карениной” в качестве сюжета для мыльной оперы говорит сам за себя. До меня говорилось, что сериал слишком упрощает идею книги. По-моему, он ее просто убивает. Если прекратить сходить с ума по Кевину, можно увидеть хиленькую сюжетную линию, где нет ни напряжения, ни страсти великого романа. Сделав главных героев подростками, Зеленка и Харлоу уничтожили все, на чем держалась книга. Подумать только, Анна бросает Алекса, с которым так долго встречалась, и уходит к Вронскому! Это ни в какое сравнение не идет с оригиналом, где Анна покидает мужа и любимого сына и становится изгоем, и все это во времена Российской империи. А как быть с ее трагическим концом? Зеленка “не может пока рассказать о финале, но надеется, что он удовлетворит публику и будет достойным завершением сериала”. Для такой низкосортной продукции сложно придумать недостойное завершение, но если вы ждете чего-то удовлетворительного, смотрите не обманитесь».

Я отдаю телефон Джек и сжимаю губы. Кажется, я сейчас либо рассмеюсь, либо расплачусь, либо упаду в обморок.

— Итак, — начинает Джек, — ты собиралась скрыть от меня, что дала эксклюзивное интервью известному блогу без моего участия?

— Джек, прости меня.

— Серьезно? Выглядит так, как будто ты знатно развлеклась за мой счет.

Я не знаю, что на это ответить, но Джек и не ждет ответа:

— Я подумала, что надо показать тебе, какая грязь гуляет по интернету, — продолжает она. — Желательно перед тем, как ты улетишь в Орландо. Ты мне не сказала, и в итоге твои слова вывернули наизнанку. Кажется, это у вас и называется кармой?

— Прости, — шепчу я. — Прости меня.

Джек только качает головой:

— Таш, да что с тобой происходит? Я понимаю, что у вас в семье все сложно, потому что Клавдия уезжает, и твоя мама беременна. Но это не повод так относиться к Полу. Только я могу так с ним обращаться, и то по очень особым случаям. Только когда он этого заслуживает. Может быть, расскажешь мне свою версию истории? Он правда заслужил это?

— Нет, — мой голос срывается и летит с обрыва. — Нет, конечно, не заслужил.

— Знаешь что? Я много об этом думала и поняла, что ты ни во что нас не ставишь. Особенно Пола, конечно, но и меня тоже. Я терпела, когда ты трещала на каждом углу, что хочешь пойти в дорогуший, навороченный университет, хотя у меня даже близко такой возможности не было. Однако ты ни разу не задумалась, что я-то останусь здесь. Как будто тебе плевать, что мы разъедемся по разным штатам, как будто это ничего для тебя не значит. Я терпела, что ты все планируешь и составляешь все эти расписания, потому что мне нравится, что тебя так волнует судьба сериала. А я тебя вообще волную, Таш? Хоть один из нас тебя заботит?

У меня внутри все переворачивается. На последнем издыхании я выдавливаю:

— Пол сказал, что влюблен в меня.

Джек всплескивает руками, как будто я очень неудачно пошутила:

— Ну приехали, Таш. Ясен перец, он в тебя влюблен. Чего ты вообще ожидала? Вы вместе выросли, да еще и не родственники. Это было почти неизбежно.

Она пинает ножку моего стула и добавляет:

— Знаешь, что самое смешное? Он ведь собирался пригласить тебя на зимний бал. Он бросил Стефани Кру и потом целый чертов год ныл про тебя. «Джек, я ей вообще нравлюсь? Это же может разрушить всю нашу дружбу!» И все в таком духе. В конце концов, он разработал хитрый план. Он хотел купить пятнадцать тыкв, вырезать в каждой из них по букве и зажечь их перед твоим окном, чтобы они образовали надпись: «Танцуй со мной, Таш». И я никак не могла отговорить его, хотя меня от этого просто выворачивало. И вот серьезно, недели не прошло с тех пор, как он это придумал - и ты сообщаем нам, что не хочешь ни с кем встречаться.

— Джек... Я вообще не подозревала!

— Ну, мы все заметили, что тебе плевать на чувства других людей.

Это довольно жестко, но я не спорю. Кажется, я заслужила и чего похуже.

— Мы... ничего не понимали, — продолжает Джек. — Ты так сказала, как будто тебе не нравятся парни и точка. Как будто тебе никто не может нравиться. Нам казалось, что мы не имеем права даже поднимать эту тему при тебе. Мы оба боялись сказать что-то не то. Знаю, мы тоже были не совсем правы, но... ты должна понять, что выбила Пола из колеи.

— Да, раньше он считал меня нормальной девушкой.

Если Джек собирается на меня давить, я могу позволить себе немножко театрального самоуничижения. Вот только, судя по ее взгляду, номер не пройдет.

— Он уже почти смирился, и тут у тебя заварилось что-то непонятное с этим Фомом-из-интернета. Это сильно расхотелось с тем, что ты сказала нам в сентябре. Конечно, я не могу винить тебя за то, что ты не отвечаешь Полу взаимностью. Но постарайся посмотреть на это с его стороны. Ты сильно усложнила ему жизнь.

— Нет, я... теперь я понимаю. Боже! Он... он правда собирался купить пятнадцать тыкв? — Джек кивает. — Пятнадцать? Можно же было просто вырезать: «Танцуй»!

— Ага. Думаю, он решил, что ты заслуживаешь пятнадцати.

Я оседаю на стуле. Как будто где-то на моей коже есть дырка, в которую выходит воздух. С каждой секундой я сдуваюсь все быстрее и быстрее.

— Не могу сказать, что он мне не нравится, — шепчу я. — Когда-то давно я тоже была влюблена в него. Ты сама сказала, что это неизбежно. А потом... не знаю. Теперь это невозможно. Ничего не получится.

— Потому что... он хочет секса?

— Джек, мы не будем об этом разговаривать.

Подруга снова всплескивает руками, как бы говоря «Ну что ты будешь делать!»

— Я его слишком хорошо знаю, — продолжаю я. — Я знаю, с кем он встречался. Я помню все, что он о них рассказывал. И Стефани Кру я тоже помню. Я знаю, чего он хочет. Со мной это не получится.

— Ладно, я понимаю, но, может быть, тебе стоит получше подумать? Я не говорю, что все непременно получится, но если уж он хочет попробовать... И потом, чем он хуже Фома? Если ты ничего не знаешь о парне, это не делает его идеальным.

— Н-не делает, да.

Я не могу признаться, что Джек ударила в яблочко. Хотя я прекрасно знаю, что это невозможно, что это так не работает, я все это время надеялась, что, пока мы с Фомом не говорим о сексе, этой проблемы вроде как и нет. И никогда не будет. Да, это глупо. И Джек учует эту глупость с любого расстояния.

— Ладно. — Джек садится на кровать рядом со мной. — Слушай, я понимаю, что ты не виновата в том, что чувствуешь. Помни это. Ты можешь хотеть чего угодно и от кого угодно. Seriously. Я просто не понимаю, зачем тебе понадобилось снимать с себя половину одежды.

— Я хотела уличить его во лжи, — произношу я, хотя уже понимаю, что эта фраза лишена всякого смысла. — Не знаю, я не могу...

— Обещай мне не делать так больше, ладно? Не трепли ему нервы лишний раз. — Прежде чем я открываю рот, она продолжает: — Знаю, знаю, я не могу тебя винить в том, что ты всех запутала, когда мне ни разу в жизни не приходилось ни в чем таком признаваться. Но у меня полно других поводов злиться на тебя. Например, то, что ты не сказала мне про интервью. И то, что тебе плевать на Пола. И на меня плевать.

— Джек, я...

Подруга яростно качает головой и снова перебивает меня:

— Нет, я еще не перестала на тебя злиться. Тем более, до тебя, похоже, пока не дошло.

С этими словами она уходит. Я стою на крыльце и смотрю, как она идет мимо двенадцати участков, разделяющих наши дома. Через сутки нас будут разделять уже не двенадцать участков, а восемь сотен миль.

Утром мама отвозит меня в аэропорт. Самолёт взлетает ровно в семь. Ничто не может оправдать будильник на пять утра, особенно если на дворе каникулы, так что я сползаю на переднее сиденье бесформенной полубессознательной кучей.

Мама сочувственно улыбается:

— Жить будешь?

— Вот что значит самый дешёвый рейс, — бормочу я.

— Но дело того стоит, не так ли?

Я обдумываю её слова и угрюмо киваю.

— Позвони, когда приземлитесь, — просит мама. — И когда заселишься в номер, ладно? Мне все еще не слишком нравится, что ты будешь жить одна в огромном отеле.

— Мам, всё будет хорошо. И я буду не одна, Джордж Коннор ведь тоже едет.

— Час от часу не легче...

— Боже, мама, успокойся! Мы с Джорджем вообще с этой стороны друг друга не рассматриваем.

Я так и не рассказала маме про Фома. Мне казалось, что это необязательно, ведь я его даже живьем ни разу не видела. Да, знаю, это нелогично.

В каком-то смысле даже хорошо, что вчерашнее «интервью» всплыло именно перед поездкой: мне просто не до него. Вчера вечером я даже не стала открывать его на компьютере, чтобы перечитать самые жестокие места и посмотреть комментарии. Это бы только лишний раз меня расстроило, а мне не хотелось ехать в Орландо в плохом настроении. За последние пару месяцев я хорошо усвоила, что плохие отзывы держатся у меня в голове куда дольше хороших. Так что, если я не хочу навеки забить их себе в мозг, не надо их читать. И точка.

Про Пола я тоже стараюсь не думать, но это уже сложнее. Я сворачиваюсь калачиком в кресле зала ожидания и пытаюсь читать Entertainment Weekly, но мое сознание улетает далеко и все время подкидывает мне новые образы и куски фраз. Лицо Пола, когда я сняла с себя футболку. «Пятнадцать тыков». «Запутались». «Тебе плевать». Я загоняю их обратно, говоря себе, что сейчас надо думать совсем о другом. Об Орландо. О том, на какие форумы и встречи я хочу пойти, как уложить волосы к торжественному ужину и что сказать залу, если мы получим «Золотую тубу». Ну и про Фома тоже можно подумать.

Я достаю телефон и читаю его последнее сообщение: «До скорой-скорой встречи!»

Мы наконец-то увидимся. Мы наконец-то поговорим, используя голос. Это огромный шаг вперёд. Так что мне надо сосредоточиться на этом. А Лексингтон пусть пару дней подождет.

Пять раз подряд прочитав одно и то же предложение, я решаю, что временно разучилась это делать, и отрываю глаза от строчек. Я верчу шеей в поисках Джорджа: он сидит в паре рядов от меня и сосредоточенно стучит по клавишам ноутбука. Я пытаюсь поймать его взгляд или даже помахать рукой, но в итоге привлекаю внимание сидящей рядом с ним девушки, и та оглядывает меня так, как будто я горный тролль. На этом сдаюсь и возвращаюсь к своему журналу. Читать у меня по-прежнему не выходит, но, по крайней мере, можно полюбоваться закулисными фотографиями актёров из «Бурь Тафлдора».

Мне удаётся достучаться до Джорджа, только когда я сажусь в самолёт. Он сидит на одном из передних рядов эконо-класса, а я пробираюсь по проходу.

— Привет, — говорю я.

Он кивает.

— Увидимся в Орландо!

Он кивает еще раз.

И все. Просто идеальный собеседник. Джордж как раз тот человек, который может испортить мне всю поездку.

Я снова смотрю на свой билет. Судя по номеру места и по тому, где я сейчас стою, мне надо в самый хвост. Так и есть. К счастью, место рядом со мной пустует и мне есть куда положить ноги. Зато у стюардессы кончается печенье раньше, чем она доходит до меня.

— Обычно такого не случается, — оправдывается она и даёт мне вместо него две пачки жареного арахиса, как будто это достойная замена. Интересно, почему они продолжают раздавать арахис, когда вокруг столько аллергиков? Тут я вспоминаю Пола и поедающую арахис на моей кухне Джек. Меня наполняет тоска. Я надеваю наушники и слушаю Сен-Венсан на такой громкости, что, кажется, мои барабанные перепонки мне никогда не простят.

— Хочешь, возьмём такси на двоих?

Я снимаю сумку с багажной ленты и обнаруживаю, что Джордж нависает надо мной не хуже Духа прошедшего рождества. Надо же, он снизошел до слов. Прогресс, однако.

— Вообще-то, до отеля ходит шаттл, — отвечаю я. — Он куда дешевле. Я поеду на нем.

— Серьёзно? Ну ладно.

У Джорджа такой вид, как будто ему предложили ехать по шоссе верхом на осле.

— Прости, — отвечаю я, выдвигая ручку сумки на колесиках и направляясь к указателю «Автобусы и шаттлы».

— Подожди! — раздается за спиной. Джордж догоняет меня и спрашивает: — И часто они ходят?

— Примерно раз в полчаса. А что, ты куда-то спешишь? Фанатки уже заждались автографов, а, Левин?

Джордж хмыкает:

— Придётся им подождать еще немножко.

В общем, могло быть и хуже. Через десять минут приходит шаттл, и в нем хороший кондиционер, что просто прекрасно после девяностоградусной жары. Я делаю себе мысленную пометку никогда не жаловаться на кентуккийское лето, потому что во Флориде в сто раз хуже. Доехав до отеля, я снимаю сумку с полки, прежде чем водитель успевает это сделать, потому что я могу справиться сама и вдобавок не знаю, сколько чаевых ему надо за это дать.

Мы с Джорджем встаем в очередь к стойке регистрации. Меня начинает мучить беспричинный страх, что, поскольку номер бронировала мама, меня не заселят или вообще вызовут охрану. Как будто я подросток, пытающийся нелегально купить бутылку джина. Но никто не вызывает охрану. Проблема оказывается не в моём возрасте, а в том, что сейчас слишком рано и в свободных номерах еще не успели убрать. Меня просят вернуться через несколько часов, после того, как горничные завершат уборку.

Я качу сумку по направлению к диванчику в уголке лобби. Из стоящих рядом колонок играет Моцарт, столик перед диваном выполнен в виде огромной фиолетовой жеоды. Это слишком ярко, но, пожалуй, выглядит прикольно. Я кладу ноги на краешек стола и пишу маме, что нормально добралась до отеля. Следом я пишу Фому:

«Я здесь, я здесь, я здесь! Встретимся в полдень, на регистрации, правда же?»

Мы еще неделю назад договорились встретиться на регистрации на премию и потом вместе отправиться на торжественный ужин в честь начала церемонии. Может быть, где-нибудь между этими двумя событиями Фом купит мне стаканчик кофе в маленьком киоске «Старбакса» и скажет, что тайно влюблен в меня с тех пор, как увидел мой первый влог.

Может быть.

Фом не спешит с ответом, как бы я ни гипнотизировала взглядом экран. Вдруг над моей головой кто-то прочищает горло. На одну безумную секунду я решаю, что Фом решил сделать мне сюрприз и прийти пораньше.

Размечталась. Это Джордж.

— Тоже не дали заселиться? — произносит он.

Я мотаю головой.

Он с раздраженным вздохом садится рядом со мной:

— Тогда зачем было лететь так рано?

Я бросаю на него злобный взгляд. Не специально, само выходит. Мне не хочется сидеть рядом с Джорджем, и вообще, я подумывала лечь на диван и хорошенько вздремнуть, как бы это ни выглядело со стороны.

— Уже видишь знакомые лица? — на Джорджа внезапно напала разговорчивость.

— Нет, — отвечаю я. — Но я особо и не всматривалась.

— Вон Грета Фэрроу, — кивает он в сторону противоположного угла. — Ну, та, которая «Грета Гундит», знаешь?

— А.

Действительно, теперь я замечаю миниатюрную девушку с короткими ярко-розовыми волосами, одетую в чёрную джинсовую жилетку и непринужденно болтающую с двумя парнями на добрый фут её выше.

— Да, её правда сложно не разглядеть.

— Подумать только, любой из них может жить рядом с нами!

— Я об этом даже не думала. А вообще да. Слушай, они ведь такие же люди, как мы.

— Не совсем, — поправляет Джордж. — Они по большей части из Лос-Анджелеса.

Я склоняю голову набок:

— Да, но от этого они не перестают быть обычными людьми. Может быть, у них лучше загар и противнее характер, но они такие же, как мы, Джордж.

— Да, согласен. Ты просто... а, неважно. Ты просто не понимаешь.

— Ненавижу поклонение звёздам! — отвечаю я. — Они не стоят и десятой доли того внимания, которое им достаётся. Нам просто нужно чем-то заполнить пустоту, которая образовалась, когда мы перестали верить в Геракла и Медузу.

Джордж фыркает:

— Ну да, у техников всегда проблемы с самооценкой.

Я сердито смотрю на Джорджа:

— Вообще-то, без нас никакого кино бы не было. У актёров не было бы ни единого шанса прославиться, если бы кто-то не занимался технической стороной вопроса.

— Ага, конечно.

Я сужаю глаза:

— Ты уже подготовил речь для награждения, правда же?

Он странно на меня смотрит:

— Это твоя работа, ты же главная.

— Да, но ты наверняка все равно подготовил.

Джордж молчит и самодовольно ухмыляется. Потом встаёт и берётся за свой рюкзак:

— Пойду, разведу местность.

Я только киваю, боясь, что какое-нибудь неосторожное слово может заставить его передумать. Я смотрю, как он исчезает из виду, и только потом достаю телефон. Фом ответил:

«Слушай, прости, неотложные дела, не могу. Позвоню, как освобожусь».

Я неверующе пялюсь на экран. Позвонит он. Как это вообще называется - бросать меня в последнюю минуту и даже не пытаться что-то объяснить?

Я убеждаю себя не злиться и не психовать. Должно быть, что-то срочное. В семье что-то случилось, или вылет задержали, или что угодно еще. И, наверно, у него просто нет времени объясняться. Когда он мне позвонит - я молю вселенную, чтобы это случилось поскорее, - то уж точно все расскажет. А потом мы встретимся, и все будет отлично. Так, наверно, даже лучше. Если бы мы встретились на регистрации, я бы пыталась переварить кучу новой информации и могла бы произвести на него плохое впечатление. Так что все хорошо. Все к лучшему.

Раз уж Фом не собирается появляться с минуты на минуту, я могу сама зарегистрироваться на церемонию и осмотреться вокруг. Так что я подхожу к стойке и спрашиваю, можно ли оставить сумку на хранение. У меня страшно вежливо принимают сумку, я запикиваю номерок в сумочку через плечо и иду по стрелке указателя: «Регистрация на “Золотую тубу” там».

Отель даже больше, чем я ожидала. Я выхожу из лобби и оказываюсь в широком коридоре с высокими потолками, заполненном двадцати-тридцатилетними людьми. Все они оглушительно хохочут, шепотом делятся секретами и слишком яростно жестикулируют. Все и вся вокруг меня кипит жизнью и предвкушением. Вдоль коридора идут многочисленные двойные двери с табличками отеля («Зал А», «Конференц-зал № 2») и листами картона с менее официальными названиями помещений («Французский рожок», «Саксофон»). Проходя «Саксофон», я снова вспоминаю Пола, и внутри у меня все переворачивается. Я заставляю себя смотреть только на два длинных стола в конце коридора. На них висит плакат с золотыми буквами: «Регистрация».

Я встаю в очередь к столу с буквами «Р - Z», все еще блуждая взглядом вокруг. Мы стоим рядом с самой большой дверью, под названием «Зал С» или «Туба». Думаю, здесь завтра вечером и будет проходить награждение. У меня не самая удачная точка обзора, но я вижу круглые столы с белыми льняными скатертями, так что, видимо, торжественный ужин тоже будет здесь.

— Ваше имя?

Подошла моя очередь, и жизнерадостная женщина с ярко-розовой помадой и «Доктором Кто» на футболке выжидающе смотрит на меня снизу вверх.

— Наташа Зеленка.

Женщина кивает, открывает последний из скрепленных степлером листов и ведёт указательным пальцем вдоль списка, бормоча себе под нос: «Зеленка, Зеленка, Зе... Ага, вот и ты!» Она закрашивает мою фамилию зелёным маркером и лезет под стол за толстым конвертом. И вручает его мне:

— Здесь все, что тебе нужно. Расписание мероприятий, пропуск на торжественный ужин и именная бирка. Надень её как можно скорее! Без неё тебя не пустят ни на одну встречу.

Я медленно киваю, благодарю и отхожу от стола.

Теперь мне кажется, что народу прибыло вдвое. Вокруг столько чужих разговоров, столько тел протискивается мимо меня. Это ошеломляет, и я не понимаю, нравится мне это или нет. Это... чужасно. У меня болят глаза, а все тело чешется и просит душа, еще не отойдя от утреннего перелета. Больше всего на свете мне хочется наконец запереться в номере, плеснуть себе холодной воды в лицо и на часик вырубиться.

Но это пока что невозможно, а моё насиженное местечко у столика-жеоды уже заняла семья из четырёх человек, так что я подхожу к киоску «Старбакса» и заказываю большой стакан ледяного кофе. Потом сажусь за маленький столик у окна и открываю свой конверт. Там столько всяких документов и брошюр, что некоторое время скучать мне не придётся. Хорошо бы Фом позвонил раньше, чем они закончатся.

Проходит несколько часов - все еще ни единой весточки от Фома. Я пью второй стакан кофе и читаю книгу, которую взяла с собой, - «Смерть Ивана Ильича» моего

гениального возлюбленного Лео. Я уже не могу не злиться на Фома, и он явно это заслужил. Уже четвёртый час дня, а он до сих пор не позвонил и не написал. Ни единого словечка хотя бы о том, что ему стыдно и он постарается приехать поскорее. Я кладу в книгу закладку и пытаюсь посмотреть на вещи оптимистично: сейчас уже должен освободиться номер. Я собираю вещи в сумочку, снимаю бирку с именем (я зачеркнула «Наташу» и вписала механическим карандашом: «Таш») и иду к стойке регистрации.

Мне выдают ключ от комнаты на седьмом этаже. Я считаю это хорошим предзнаменованием, потому что могу. Я забираю свой багаж и поднимаюсь наверх с одной-единственной целью на уме - рухнуть лицом вниз на огромную кровать.

Я с наслаждением падаю на кровать - заслужила, после стольких-то мучений. А вот засыпать нельзя: уже разгар дня, а если я сплю после двух, то превращаясь в ворчащего Йети. Нужно как-то продержаться, поэтому я включаю телевизор и отправляюсь в ванную, где вылезаю из пропотевшей одежды и принимаю душ. Когда я заканчиваю, играет The Fresh Prince of Bel-Air. Пока снимаю шапочку для душа и расчесываю спутавшиеся волосы, такие знакомые голоса семейства Бэнкс наконец-то разгоняют мою хандру. Поскольку до торжественного ужина остаётся два часа, я решаю сразу надеть платье. Когда наношу макияж, оживает телефон. Сообщение от Фома. А обещал позвонить...

«Буду через полчаса. Встретимся в лобби?»

Голос где-то на задворках подсознания напоминает мне, что надо бы возмутиться, но я не собираюсь разрушать наконец-то найденный покой. Так что я отвечаю: «Хорошо!» и следующие двадцать минут выбираю из двух пар взятых с собой сережек и борюсь с чувством, что оба выпитых стакана кофе вот-вот растекутся по моему столу.

Потом я спускаюсь в лобби.

Вот так вот встречаться - просто запредельно странно. Мы оба знаем, кто как выглядит и у кого какой голос, потому что оба смотрели влоги друг друга, но ни разу в жизни не виделись и даже не созванивались. Так что мы, конечно, сейчас узнаем друг друга, но это будет странно. Мы видели друг друга только в записи. Вот такие вот чудеса цифровой эры...

Я замечаю его первой. Он сидит - что бы вы подумали? - у столика-жеоды. Пусть это будет хорошим знаком, потому что сейчас все на свете - хороший знак. На нем узкие черные джинсы, белая рубашка и тонкий горчичного цвета галстук. Его короткие волосы лохматятся на макушке, как я видела во влогах. И все же он отличается от своего образа на видео. Его плечи уже, чем я думала, и я с трудом узнаю его в профиль. Как будто раньше я видела только плоский, черно-белый карандашный набросок, а теперь он обрел объем, цвет и кучу спецэффектов. Мои кишки пытаются вылезти через горло, но я уже стою здесь и заметила его первой, так что мне придется сделать первый шаг.

Он не замечает меня, пока я не подхожу вплотную, не хлопаю его по плечу и не произношу:

— Привет, незнакомец.

Он поднимает голову и немедленно расплывается в улыбке:

— Боже, — произносит он. — Кого я вижу!

Он встает мне навстречу, и мне кажется, что сейчас мы обнимемся, но он решает закинуть мне руку на плечо. Выходит неловко; но чего я ждала? Внимание, Фом и Таш, друзья по переписке, впервые в жизни видят друг друга живьем.

Я отстраняюсь и нарочито-официально произношу:

— Здравствуй, Фом Козер, — и изображаю книксен.

Он шутовски склоняет голову:

— Ну здравствуй, Тэш Зеленка.

Он неправильно произносит мое имя. У него оно рифмуется со словом «брешь». Мои кишки медленно ползут обратно в живот. Казалось бы, такая крошечная ошибка, и

все же она кажется огромной. Как он может не знать такой мелочи? Как можно общаться со мной и даже не знать, как произносится мое имя?

Мы просто разговариваем впервые в жизни, вот и все. Это логичное объяснение, и Фом ни в чем не виноват. Но мне все равно становится больно и чуть-чуть неприятно с ним разговаривать.

Он продолжает говорить, и все, момент упущен. Я уже не могу его поправить. Будет очень невежливо прервать его словами: «Если ты не заметил, Таш - это уменьшительное от Наташи».

Так что я стараюсь не обращать внимания и сосредоточиться на его словах.

— Там начинается такая скукота и панибратство, что я предлагаю пойти поужинать куда-нибудь еще. Я знаю шикарный ресторан с итальянской кухней, «У Джузеппе». Я ел там в прошлом году. Тут недалеко.

Я тупо гляжу на него, все еще не в состоянии обрабатывать его слова с нужной скоростью. Что он только что предложил?

— Ты предлагаешь пропустить торжественный ужин? — меня раздражает звук моего голоса. Он высокий и тонкий, как свисток чайника. — Но это же бесплатная еда! И там же будет море важной информации, разве нет?

Фом пожимает плечами:

— Я тебе все сам расскажу. Оба раза, что я ездил, было одно и то же: посредственное меню и зазвездившееся общество. К тому же, если с нами за столом будет еще шесть человек, у нас не получится как следует пообщаться.

Мне нравится слушать его голос. Он низкий, живой и звенит у меня в ушах дольше, чем все остальные звуки.

— Ну, если ты так на это смотришь... — улыбаюсь я.

Фом указывает рукой в сторону входных дверей:

— Пошли. У меня тут живут дядя с тетей, и они разрешают мне брать их машину.

На секунду в моей голове зажигается мысль, что Фом может оказаться маньяком, и сейчас я сяду в машину в последний раз в жизни. Но это Фом, симпатичный ботаник, который однажды записал видео, чтобы защитить меня от анонимных ненавистников. И пусть он не знает, как правильно произносить мое имя, он помнит обо мне кучу других вещей. Например, однажды я сказала, что мое любимое блюдо - феттучини «Альфредо», и теперь мы едем в итальянский ресторан.

Кажется, реальность превзойдет даже самые смелые мечты. Ужин вдвоем гораздо круче, чем просто чашка кофе.

— Серьёзно тебе говорю, стою я в очереди третий час подряд, и вдруг из ниоткуда выбегает парень в костюме Чубакки и сбивает меня. Мой попкорн разлетается, вокруг полный дурдом, а Мэтт нависает надо мной и причитает: «О боже, у него сотрясение! Вызовите скорую!» И знаешь, что забавнее всего? Чубакка даже не притормозил. Он выбежал из лобби на парковку и затерялся где-то в городе.

Я смеюсь так громко, что даже в боку колет. Люди за соседними столиками странно на нас смотрят, но мне плевать. На дворе вечер пятницы, я сижу рядом с живым и настоящим Фомом Козером и ем самое вкусное феттучини «Альфредо» на свете.

— У тебя правда было сотрясение? — спрашиваю я, отсмеявшись и пытаюсь придать лицу озабоченное выражение. Это сложно, потому что у меня из глаз все еще текут слёзы от смеха.

— Не, отделался парой ушибов. Ну и весь перемазался жиром от попкорна.

— И ты все равно попал на тот фильм?

— Тэш, ты вообще меня слушала? Я стоял в очереди больше двух часов. Это была полуночная премьера. Естественно, я до неё дошёл!

В этот раз, когда он перевирает моё имя, я только морщусь. Возможности его поправить так и не представилось, и я уже почти привыкла. Я так рада, что мы встретились, что могу хохотать до упаду, потому что мы говорим, перебивая друг друга, без единой заминки. Я боялась, что вживую все будет иначе, что будут постоянные неловкие паузы, мы будем отводить глаза, и все закончится печально. Но ничего подобного. Вечер проходит куда лучше, чем я надеялась. У меня в тарелке лучший в мире соус «Альфредо - папа, прости - и Фом смешит меня одной забавной историей за другой. Я не знала, что у него такое шикарное чувство юмора; похоже, сообщения не очень совместимы с кучей баек, которые он мне сейчас рассказывает. Наконец-то мы встретились. Наконец-то мы сидим так близко, что он может взять меня за руку - если, конечно, захочет.

Пока мы ждём десерта, он именно это и делает. Его ладонь теплее моей и самую чуточку влажная. Я закусываю губы, чтобы не улыбаться слишком широко.

Мы съедаем пополам тирамису, а потом приносят счёт, и я настаиваю, чтобы мы оплатили его пополам. У Фома расстроенный вид, но он соглашается. Он отпускает мою руку, чтобы достать бумажник, и спрашивает:

— Я что-то сделал не так, да?

— Что? — поднимаю я голову от сумки. — Нет, с чего ты взял?

— Говорят, если девушка платит за себя, значит, свидание не задалось.

Я не выдерживаю и глупо улыбаюсь:

— То есть это было свидание?

— Еще какое! — кивает Фом.

— Но что такого в том, чтобы заплатить за себя? Это просто прогрессивно.

Я говорю с таким видом, будто знаю о свиданиях все на свете. И вечера пятниц у меня плотно забиты романтическими встречами в итальянских ресторанах. Сейчас я чувствую себя так, как будто это правда.

Я оставляю королевские чаевые официантке, не раз и не два, а целых три раза досыпавшей нам хлебных палочек в корзинку. Встав из-за стола, я чувствую, что иду вразвалку, а все моё тело, кажется, состоит только из воды и углеводов.

— Фом, — подаю я голос, пристегивая ремень, — меня, кажется, раздувает. Боюсь, я могу взорвать твою машину...

— Ты превратишься в Вайолет Борегард?

Я смеюсь:

— Обожаю этот фильм! И книгу тоже! Боже, моя подруга Джек ей просто одержима. И вообще всеми книгами Роальда Даля. Особенно «Ведьмами». Она говорит, что самое большое разочарование в её жизни - родиться после смерти Даля.

— А я знаю, как она воспользовалась бы машиной времени!

Я смеюсь, наверно, уже в сотый раз за вечер.

Когда Фом заводит мотор, я наконец задумываюсь, куда мы едем и сколько времени, и проверяю телефон. Уже десять вечера, а кажется, что гораздо больше. Готова поклясться, что в этом ресторане я стала на год старше.

— Куда мы едем? — спрашиваю я.

— В отель, наверно, — поворачивается ко мне Фом.

— Ясно. — Почему мне кажется, что из меня выпустили весь воздух? — Хочешь, еще немного посидим в лобби?

— Да, конечно. Или можно пойти в твой номер, если хочешь.

Я тут же настораживаюсь.

В мой номер?

Неужели это то, о чем я думаю? Неужели все так, как всегда бывает в фильмах про подростков? Или Фом просто предлагает посидеть у меня, вдали от шума и гомона других номинантов? Вдруг в моей голове раздается голос Джек: «Да не будь же такой наивной!»

Боже.

Значит, вот оно.

Я надеялась, что этот момент никогда не настанет.

Мне надо все объяснить ему прямо сейчас.

Стоило сказать что-то до того, как Фом припарковал машину, как мы прошли через лобби, сели в лифт, и я нажала кнопку седьмого этажа. Надо было сразу все объяснить, но до сих пор все шло так гладко! Сплошные благие предзнаменования и смех - мне не хотелось так скоро это разрушать.

Когда я уже достаю из кармана ключ, голос Джек раздается снова, громче прежнего: «Это нечестно с твоей стороны! Он должен знать».

Сначала я задаюсь вопросом, с каких это пор моё подсознание разговаривает голосом моей лучшей подруги и читает мне нотации о мальчиках.

Потом облизываю губы и готовлюсь говорить.

Но что я ему скажу? Я не репетировала речь и вообще об этом не думала. Как можно начать? «Кстати, Фом...»?

— Кстати, Фом...

Все, отступать поздно. Я уже заговорила, и теперь у меня нет выбора. Так что я продолжаю, стоя посреди коридора и глядя на Фома, которому, похоже, становится все более и более неловко:

— Просто... чтобы не было вопросов, я не хочу...

Думаю, необязательно признаваться во всем прямо сейчас. Достаточно просто сказать, что я не хочу делать этого сегодня. Совершенно нормальное уточнение для семнадцатилетней девочки на первом свидании.

Но это ведь не вся правда, а только неловкая полуправда. И если то, что между нами происходит, будет продолжаться, в скором времени мне придётся рассказать и самую неприятную её часть.

Я слишком долго собиралась с мыслями. Лицо Фома как-то странно скривилось. Он отвечает:

— Мы не... если тебе неловко приглашать меня в свой номер, пойдем куда-нибудь еще.

Я киваю. Потом мотаю головой:

— Да нет, заходи. Но мне нужно кое-что тебе объяснить.

Мне не слишком-то хочется впускать его к себе, но не можем же мы обсуждать это в коридоре, где кто угодно может выглянуть из номера или пройти мимо. Так что я

обгоняю его и иду к двери своего номера. Вставляю ключ-карточку в щель, толкаю дверь и включаю весь свет, какой только можно. Мой взгляд тут же падает на кровать: мы не можем сидеть на ней! Но в номере есть только кровать и стул, так что я поспешно сажусь на стул. Отлично, я уже испортила чудесный вечер, а я ведь еще даже ничего не сказала.

Я готовлюсь к речи, подбираю фразы, неловкие и неудачные, но, видимо, придётся довольствоваться ими. Фом подает голос первым:

— Тэш, — начинает он (Тэш - как «брешь»). — Если ты боишься, что я захочу чего-то такого... это совершенно необязательно. Мы хорошо провели время, и я решил, что можно немного посидеть вдвоем.

— Ясно, — отвечаю я. — Нет, это хорошо, но сначала мне надо кое-что тебе сказать. Думаю, сейчас тебе уже нужно это знать.

— Хорошо, — медленно произносит Фом. — Ты меня немножко пугаешь.

— Прости! — Меня бросает в жар. — Я дура и даже не подумала заранее, как буду тебе все объяснять. Так вот... Так вот, дело в том, что... мне не хочется секса. Совсем. Мне просто не хочется делать этого ни с парнями, ни с девушками. Я вообще ни о ком с этой стороны не думаю. Я понимаю, что ты сейчас, наверно, разочаруешься, потому что... потому что для большинства это важная часть жизни. Да, надо было сказать тебе об этом, когда мы переписывались, но я не знала, куда заведет наше общение. А теперь... В общем, теперь ты знаешь.

Этого не может происходить на самом деле. Я веду себя как героиня тупой заказной мыльной оперы, читающая по бумажке реплики из кривого сценария. Я жалкая пародия на саму себя.

У Фома такой вид, как будто я дала ему оплеуху. Я не могу его винить: он явно ожидал чего угодно, но только не этого. Я чувствую себя фальшивкой, какой-то подделкой под Таш Зеленку. Но как еще мне было сказать ему? Я до сих пор не понимаю, как.

— Что, прости? — Фом замер около кровати. — Ты хочешь сказать, что я тебе не нравлюсь, да?

— Нет! Нет, я вообще не это имею в виду! Ты мне очень нравишься. Просто... ничего личного, но меня никто не привлекает с этой стороны. В смысле, физически. Я где-то на девяносто девять процентов уверена, что асексуальна.

Я произношу последнюю фразу легко и почти небрежно, пытаюсь как-то сгладить невероятную неловкость ситуации.

— Тебя никто не привлекает? — повторяет Фом. — Но ты же только и делаешь, что рассказываешь всему интернету про мужчин, которые тебе нравятся! Мистер Тилни, мистер Дарси...

Я трясую головой:

— Это другое. Да, они мне нравятся. Их характеры и их внешность. Ну, с эстетической точки зрения.

— То есть... с расстояния, как произведения искусства? — Фому с трудом даются слова. Похоже, он не может мне поверить.

— Наверно, не совсем. Просто... я ничего такого себе не представляю. Мне не хочется, чтобы кто-то из них страстно сорвал с меня корсет или что-то в этом духе.

Я пытаюсь шутить, чтобы вернуть этому вечеру хоть чуточку былого уюта. Но при взгляде на лицо Фома понимаю, что уже проиграла. Он не может понять.

— Ты говоришь, что асексуальна? — произносит он. — Слушай, тебе семнадцать. Никто не может назвать себя асексуалом в семнадцать! Ничего личного, Тэш, но, может быть, секс просто тебя пугает? Или ты просто пока не хочешь в это лезть? Потому что это нормально, но, согласишься, сложно поверить, что...

— П-при чем тут вообще возраст? — запинаясь я. — Я в состоянии понять, чего я хочу, а чего - нет. Секса мне никогда не хотелось. Ни-ко-гда. Я никогда не понимала, почему он всплывает в любой книге, фильме или телешоу. Я так и не поняла, в чем фишка

порно. Я не буду жалеть, если ни один парень в мире ни разу не снимет передо мной футболку. Я просто этого не хочу!

Фом только головой качает:

— И почему же ты называешь себя асексуалом? Потому что так написано в интернете? Никто на целом свете не вешал на себя таких ярлыков, пока не появился интернет!

Меня бросает в жар. К черту попытки поднять настроение. К черту деликатность и хождение вокруг да около!

— Что ты хочешь сказать? — спрашиваю я. — Что такого не бывает? Что я тебя обманываю?

— Не знаю. Может, тебя пугает развитие событий. Или ты запуталась. Но, если тебе нравятся парни, ты не можешь называть себя асексуалом. Такого не бывает. И ни один парень на свете тебе не поверит. Либо одно, либо уж другое, третьего не дано.

Теперь мой черед изумляться:

— Мне не нужно, чтобы какой-то парень объяснял мне, что я чувствую и почему! Я рассказала тебе это только потому, что стараюсь быть честной. Твоего мнения, имею я право это чувствовать или нет, никто не спрашивал!

Фом тяжело вздыхает:

— О боже, только не феминистский бред... Мы так здорово провели вечер! Если я чем-то тебя напугал или разочаровал, могла бы так и сказать.

— Почему ты так поздно приехал?

Меня саму поражают мои слова. Их внезапность и резкость. Мой вопрос прорезает воздух между мной и Фомом, вынуждая ответить.

— В смысле?

Я повторяю вопрос холодно и уверенно:

— Почему ты так сильно опоздал? Мы договорились встретиться в полдень. Ты мне так ничего и не объяснил. Вылет, что ли, задержали?

Фом медленно мотает головой:

— Нет, просто... подвернулись кое-какие дела. Ладно, я встретил ребят, с которыми познакомился в прошлом году, и они предложили мне пообедать вместе. Я пытался отделаться от них как можно скорее, честно. Но, полагаю, это не совсем твое дело.

— Ясно, ты просто налаживал связи, — неживым голосом произношу я. — И это, конечно, куда важнее, чем сдержать слово!

— Ого, Тэш, ты знаешь толк в мелодрамах! Это было не обещание, а просто ничего не значащая предварительная договоренность.

— Отлично, — отвечаю я. — Значит, я для тебя - просто ничего не значащая договоренность?

— Знаешь что? Да, так, видимо, и есть.

Он направляется к двери, и я не могу пойти за ним. Я как будто окаменела, и стул подо мной окаменел тоже. Мы стали единой каменной статуей.

Фом берется за дверную ручку:

— Пойду отсюда. Ты ведь этого хочешь, да?

Можно броситься за ним. Можно даже поцеловать его. Я могу цепляться за Фома, как цеплялась за Джастина Рана, но я буду делать это не ради себя, а ради него. К черту. Нельзя до такой степени думать только о других.

К тому же, я приросла к стулу.

Я не отклеиваюсь от него очень, очень долгое время. Фом уже давно закрыл за собой дверь. Я уже давно отсидела ноги. И, кажется, успела разложиться и истлеть. Я не шевелюсь до тех пор, пока у меня не пересыхает в горле. Я открываю стоящий у кофемашины пластиковый стаканчик с крышкой и наполняю его водой из-под крана. Я выпиваю три стакана, но жажда не уходит. Поэтому достаю кошелек и выхожу из

комнаты. Где-то рядом с генератором льда стоял автомат с напитками, и я направляюсь к нему. Может быть, мое тело просто хочет сахара и газа.

Я изучаю выбор напитков, скармливаю машине две долларовых купюры и забираю бутылку «колы зеро» и пятьдесят центов сдачи. Когда я уже стою у своей двери и достаю ключ, меня окликают из-за спины. Я оборачиваюсь: в коридоре, в паре дверей от меня, стоит Джордж Коннор собственной персоной. У него тоже ключ в руках.

— Какое совпадение! — произносит он, поводя рукой в сторону наших дверей.

Я механически киваю:

— Ага.

Почему Джордж решил завести светскую беседу именно сейчас?

Он хмурится и подходит чуть ближе:

— Все в порядке?

Я громко шмыгаю носом и тру между пальцами два четвертака.

— Да, конечно.

— У тебя такой вид, как будто ты плакала.

С чего вдруг Джордж решил проявить заботу?

— Видимо, потому, что я плакала.

— Ты точно в порядке?

Раз уж сегодня я такая честная, я отвечаю:

— Нет.

Джордж убирает ключ в карман, подходит к моей двери и пристально всматривается в мое лицо, как будто я на его глазах превращаюсь в мутанта.

— Что случилось? — спрашивает он.

Я пытаюсь придумать такой ответ, после которого он тут же свернет разговор, и останавливаюсь на «меня обидел парень».

Но Джордж даже не морщится. Он любезно подтверждает:

— Да, парни идиоты.

Я смеюсь и плачу одновременно - выглядит, должно быть, отвратительно. Джордж предлагает:

— Давай ты присядешь? Тебе надо успокоиться.

Я опускаюсь на пол прямо у двери, Джордж садится рядом.

Через некоторое время я спрашиваю:

— Как ты думаешь, что важнее, честность или счастье?

— Честность, — немедленно отвечает Джордж, как будто всю жизнь готовился к этой экзистенциальной беседе.

— А почему?

— У меня такое актерское кредо: честность превыше всего. Даже если все ненавидят тебя за это, надо быть честным. Надо относиться к делу серьезно, вживаться в роль и делать что-то настоящее. О счастье никто даже не говорит.

Мне хочется рассмеяться ему в лицо.

— Надутый индюк! — отзываюсь я, хотя сейчас он ведет себя лучше, чем когда-либо на моей памяти.

— Знаю, — отвечает он. — Но такова уж цена хорошей актерской игры. Если ты честный и серьезно относишься к своему занятию, с тобой становится сложно иметь дело. Многим ты перестаешь нравиться.

— Кто сказал? — подначиваю его я.

— Да взгляни на любого великого человека! Марлон Брандо, Дастин Хоффман, Джеймс Дин...

— Кубрик, — задумчиво добавляю я. — Коппола...

— Думаю, большинство великих были теми еще гадами.

— Никогда не встречайся с кумирами, — тихо вспоминаю я.

— То есть ты меня понимаешь.

Я стараюсь не обращать внимания на то, что Джордж только что сравнил себя с Джеймсом Дином, и отвечаю:

— Кажется, понимаю.

— Это видно, — замечает он. — На съемках.

— Погоди, ты хочешь сказать, что я веду себя как сволочь?

— Нет, тебя просто очень заботит результат. Но ты слишком отвлекаешься на чужие чувства. «Несчастливые семьи» великолепны, но они были бы еще лучше, будь ты более безжалостной. Ну там знаешь, можно начинать вовремя, а не ждать, пока все придут. Или переснимать до упора, даже если все едва стоят на ногах. Ты слишком мягкая, Зеленка.

Я кидаю на него долгий изумленный взгляд.

— Не знаю, оскорбление это было или комплимент.

— Это честность.

— Слушай, я все это время думала, что ты просто самовлюбленный засранец, а у тебя, оказывается, есть целая философия самовлюбленного засранства.

— Просто подумай об этом, — отвечает Джордж. — Ты держала меня в команде, хотя я засранец и меня никто особо не жаловал.

— Ага.

— Потому что я хороший актер.

— Ага.

— Так что правильная у меня философия.

С этим не поспоришь. Я открываю бутылку колы и делаю большой глоток.

— Так что, возвращаясь к твоему вопросу, — продолжает Джордж, — честность важнее счастья. Потому что, даже если ты счастлив сейчас, потом все равно придется быть честным с самим собой.

— Значит, честные люди рано или поздно найдут свое счастье?

— Не уверен, что это так работает.

— Тьфу на тебя.

После небольшой паузы Джордж спрашивает:

— Кстати, где ты была сегодня вечером? Я думал, ты собиралась пойти на ужин. Я занял тебе место за своим столом.

Я удивленно вскидываю голову:

— Я думала, ты будешь изо всех сил клеиться к знаменитостям.

— Это тоже, но я хотел сидеть рядом с женщиной, без которой моя карьера не состоялась бы.

— Ничего себе. А кто говорил, что у меня проблемы с самооценкой?

— Не знаю, я сейчас добрый. Мне дали свои номера четыре фанатки Кевина!

Я поднимаю взгляд на Джорджа и даже не пытаюсь скрыть ошеломленного уважения.

— Неплохо устроился, Джордж.

— Да вот ни хрена, — отвечает он, забирая мою бутылку колы и вставая на ноги.

Я в недоумении наблюдаю, как он осушает колу одним глотком и кидает мне пустую бутылку со словами:

— Это плата за мудрый совет.

— И тебе спокойной ночи, Джордж.

— Ага. До завтра. Пойдешь на встречу с Тейлор Мирс?

Я смотрю ему прямо в глаза и произношу:

— Никогда не встречайся с кумирами.

Раз уж я начала говорить правду, мне нужно рассказать вам кое-что про моего Лео. Несколько неприглядных фактов. Я, конечно, стараюсь в это не верить, но он совсем не идеален. Так что вот вам правда, вся правда и ничего кроме правды о Толстом.

У него был непростой брак. Его жена Софья, как и он, принадлежала к сливкам русской аристократии. Говорят, они безумно влюбились друг в друга с первого взгляда, несмотря на огромную разницу в возрасте (Лео был на шестнадцать лет старше). Похоже, они были так страстно влюблены, что не могли оторваться друг от друга. В свободное от проявлений любви время Софья переписывала и вычитывала рукописи Лео, а он всегда выслушивал её мнение. Но потом они стали старше. Софья родила тринадцать - представьте только, тринадцать! - детей. Лео выражал все более и более экстремальные взгляды касательно финансов и общественного строя, а Софья с ним не соглашалась. Их брак был полон ревности, подозрений и неприкрытой ненависти. Любовь чередовалась с враждой целых полвека. Они были уникальной в своём роде «несчастливой семьёй». Общеизвестно, что Лео был очень несправедлив к своей жене. В старости он и вовсе бросил её, чтобы следовать за своими новообретенными идеалами. И вскоре умер.

Обычно я рисую куда более радужную картину, но такова уж правда. Если честно, мне бы не стоило заводить с Лео отношения. У нас ничего бы не вышло, и тут виновата не только разница в возрасте или папино неодобрение. Встреть я однажды этого своего кумира, точно разочаровалась бы на всю жизнь. Примерно такие ощущения у меня сейчас, после встречи с Фомом Козером.

Я ворочаюсь целую ночь, то накрываясь одеялом, то сбрасывая его, то накрываясь снова. Мозг никак не хочет засыпать. В нем слишком много мыслей, и все они улетают в разных направлениях. Хоть бы мозг уже перегрелся и вырубился сам!

Я бесконечно спрашиваю себя, нельзя ли было обставить все иначе, сформулировать другими словами. Это безнадежное занятие: конечно, можно было объяснить ему по-другому, употребить иные предлоги, делать более длинные или короткие паузы в словах... Только откуда мне знать, могло ли это что-то изменить?

Из месяца в месяц наше с Фомом общение поднималось на новые высоты и накапливало потенциальную энергию. Теперь оно достигло высшей точки, поболталось в ней и камнем рухнуло вниз. Стоило переписываться все эти месяцы, чтобы в конце концов Фом просто не захотел меня понять. Чтобы он сказал мне, что я просто запуталась. Да, я понимаю, что обрушила на него лавину не самых приятных слов, но еще осознаю, что даже попытка спокойно все обсудить ни к чему не привела бы.

Часам к пяти утра я наконец отключаюсь. В семь срабатывает будильник: через час начнутся мероприятия. Передо мной встаёт дилемма: поспать еще полчаса или доползти до завтрака. Голод побеждает. По пути вниз я стучу в дверь Джорджа, но никто не отвечает. Звучит жалко, но я немного боюсь столкнуться на завтраке с Фомом и не хочу разбираться с этим в одиночку. Не хочу всем своим видом заявлять: «Привет, я асексуальна, а еще у меня нет друзей!»

Но Фома нет ни на завтраке, ни на одном из мероприятий. Вчера, пока дожидалась его, я от руки набросала что-то вроде расписания. Это бесконечный список семинаров с названиями в духе «Мета-медиа», «Юмористический влог» и «Зажги свою звезду сам». И ни одного перерыва больше десяти минут. Я жертвую походами в туалет, чтобы занять место получше, так что к обеденному перерыву мой мочевого пузырь просто разрывается. Выходя из туалета, я краем глаза замечаю взъерошенную шевелюру Фома и подаюсь назад, чуть не сбив стоящую сзади девочку. Я робко извиняюсь, ожидая в ответ раздраженного взгляда. Вместо этого девочка произносит:

—Боже. Ты. Мой. «Таш среди чаш?»

Я только моргаю. Девочка выглядит моей ровесницей, на её макушке красуется бант с узором в горошек. Наконец я по-детски хихикаю:

— Ну да, это я.

— Господи, я просто обожаю твой влог! — Она отходит в сторону, чтобы пропустить выходящую из туалета женщину, и я иду следом. — Я так расстроилась, когда ты объявила перерыв! То есть, нет, я люблю «Несчастливые семьи», но твой влог - это прелесть! И, кстати, я согласна, что Уэнтуорт - самый горячий парень у Остин.

Я только киваю, онемев от ликования.

— Ты не думала выпускать атрибутику «Таш среди чаш»? Я бы купила кофейную кружку!

— Д-да, наверно, хорошая идея...

Девочка поправляет свои огромные хипстерские очки и радостно кивает. На её футболке написано: «Пуффендуйцы - самые горячие».

— Отлично! — чирикает она. — Просто хотела, чтобы ты знала. И, кстати, можно селфи?

— Ч-чего? А, ну, э, ага...

Я не могу и двух слов связать, но, видимо, моей безумной улыбки ей достаточно. Она хватается за камеру и переключает её в режим селфи. Потом морщит нос:

— Пойдём в коридор, ладно? А то видно, что мы в туалете.

Мы выходим и встаем перед одним из плакатов «Золотой тубы».

— Идеально! — решает она после третьего кадра. — Спасибо тебе огромное!

— Тебе спасибо, — отвечаю я, все еще как в тумане. — Серьёзно, я так рада, что тебе нравится мой влог! Это много для меня значит.

— Всегда пожалуйста! — щебечет она и машет мне рукой на прощание. — Кевин рулит!

Две идущих мимо девочки оборачиваются. Одна из них явно смотрит на мою бирку с именем, а потом выкрикивает:

— Да ладно! «Несчастливые семьи»?

Я киваю, чувствуя себя самозванкой. Как будто меня спутали с Мерил Стрип, а я не стала спорить. Девочки раздражаются радостным визгом, и вот я уже снова позирую для селфи.

— Кстати, Левин тоже приехал, — сообщаю я. — Он должен быть где-то неподалёку.

У них отвисают челюсти.

— Где?! — спрашивает одна из них.

— Простите, точно не знаю.

Они бросаются бежать, как будто скорость поможет им найти Джорджа Коннора.

Меня начинает трясти. Фанатки, настоящие фанатки общаются со мной так, как будто я звезда. Они хотят селфи со мной! Конечно, они предпочли бы фотку с Джорджем, но я не ожидала даже этого. Не знаю уж, скромная я или просто тупая.

Пробираясь сквозь толпу, я понимаю еще кое-что: первая девочка не просто знала моё имя, она правильно произнесла его. «Таш» - как «раж». Точно, я же представляюсь в начале каждого влога. Так что Фом не мог не знать, как читается моё имя, он просто не удосужился запомнить. Почему-то именно это злит меня сильнее всего.

Приободрившись, я заставляю себя остыть. Не позволю какому-то парню испортить мне поездку! Подумаю лучше о фотках с фанатами. Конечно, здесь наверняка где-то бродит и парочка ненавистников. Кто знает, может, и сама silverspunnnx23 пожаловала. Но мне плевать. Главное - здесь есть наши фанаты и они шикарны. Кто бы мог поверить год назад, когда мы с Джек только родили эту безумную идею!

На обед продаются сэндвичи по пять долларов, но для вегетарианцев ничего нет. Я покупаю в автомате батончик с мюсли, сухофрукты, чипсы с соусом барбекю и апельсиновую фанту, утаскиваю свою добычу в комнату и устраиваю себе пир горой

прямо на монументальной кровати. Настоящий профессионал сейчас всю налаживал бы связи, что бы это ни значило. Но сейчас мне впервые в жизни не хочется быть профессионалом.

Я достаю телефон. Не знаю, почему я жду сообщений от Джек и Пола, если мы все еще в ссоре. Единственное новое сообщение от Джорджа:

«Пойдём на награждение вместе, хорошо? Выйдем около половины седьмого».

Не думала, что однажды буду рада приодеться и пойти куда-нибудь в компании Джорджа Коннора, но у меня прямо на душе теплеет. Действительно, пойти вдвоём - хорошая идея. До сих пор я и не задумывалась, как неловко будет идти одной.

Вот только еще вчера я была уверена, что пойду с Фомом. Хороший из меня предсказатель.

Я отвечаю Джорджу: «Вообще-то хорошая идея».

Перечитываю, стираю «вообще-то» и ставлю большую букву в слове «хорошая».

Мы встречаемся у лифтов.

Пока мы спускаемся, он рассматривает моё сапфировое вечернее платье и произносит:

— Здорово выглядишь.

Я стараюсь не замечать его удивленного тона.

— Ты тоже, Константин Дмитриевич Левин! — Складываю указательные пальцы пистолетиками и направляю их в сторону его чёрного костюма и галстука.

Когда мы выходим из лифта, вспоминаю эпопею с селфи, хватаю Джорджа за рукав и тащу к чистому участку стены.

— Надо увековечить это событие, пока бешеные фанатки не порвали тебя на части! — заявляю я, вытягивая вперёд руку с телефоном.

Я делаю пару снимков и остаюсь довольна:

— Теперь у меня есть доказательство, что я была знакома с тобой до того, как...

— И у меня, — без единой нотки сарказма отвечает Джордж.

Со вчерашнего дня «Зал С», он же «Туба», сильно преобразился. Исчезли столы, а стулья расставили рядами перед сценой. Свет приглушен, а из динамиков над головой льется поп-музыка. Стоящий у дверей билетер проверяет наши билеты и приглашает занять свободные места. Мы находим два стула в дальней части пятого ряда.

У нас еще есть время, так что я выхожу в уборную. И замечаю в коридоре Фома. Он громко говорит что-то Крису Марано из съемочной группы Тейлор Мирс и замечает меня как раз в тот момент, когда, кажется, добирается до кульминации своей речи. Он на секунду замолкает, и я отчего-то боюсь, что сейчас он извинится перед Крисом и подойдет ко мне. Чтобы попросить прощения или сказать какую-нибудь гадость в духе: «О, глядите-ка, кто пошел на награждение один!»

Но это жизнь, а не плохой фильм, так что Фом переводит взгляд обратно на Крису и продолжает говорить с ещё большим воодушевлением. И я понимаю, что это конец. После стольких месяцев переписки обо всем на свете, заигрываний, неизвестности и невозможных надежд.

В роскошном женском туалете я достаю телефон и стираю все сообщения от Фома Козера. Я уже собираюсь убрать телефон обратно, но тут приходит сообщение от мамы.

Сначала просто слова: «Знакомься - младенец».

Через несколько секунд приходит фотография.

Результаты УЗИ.

Ничего не разобрать. Серьёзно. Комок на экране ничем не напоминает человека. Мама с папой, конечно, показали бы мне, где головка, носик, ручки. Но даже они не знают, какого ребёнка пола. Они решили не выяснять это до его рождения.

Приходит третье сообщение: «Прости, что так долго! Сама знаешь, как у меня с техникой. Пришлось Клавдию попросить. (:»

И еще: «Пусть сегодня все будет хорошо! Мы так тобой гордимся!»

Пока я пишу ответ, приходит:

«Только что узнала новости о Харлоу. Дорогая, мне так жаль!»

Я замираю.

Какие еще новости о Харлоу?

Рак.

Слово пререзает моё сознание и пускает мороз по коже.

У мистера Харлоу рецидив. Что еще это может быть? Но ни Джек, ни Пол ничего мне не говорили!

Еще бы. Мы же не разговариваем.

Я сползаю на диван в уборной - смогу ли встать обратно? - и звоню маме.

— Таша? — мама снимает трубку после первого гудка; у неё встревоженный голос.
— Разве ты не на награждении?

— Нет... То есть я там, но... Мама, что случилось у Харлоу?

— Я... думала, ты знаешь. Джек тебе не сказала?

— Нет. Мам, скажи мне, что случилось!

Мама долго молчит, а я сижу и плачу.

— Пришли результаты анализов от онколога, — наконец слышу я. — У него рецидив. Раковые клетки разрастаются. Все... все очень плохо, дорогая.

Слёзы льются ручьем. Я делаю вид, что не замечаю встревоженных взглядов снующих мимо женщин.

— Таша?

— Мам, мне надо идти, — шепчу я.

Вешаю трубку и зажимаюсь. Сквозь стену доносится припев Firework Кэти Перри и приглушённый мужской голос. Церемония началась. Я снова и снова вытираю слёзы.

Мне надо на награждение. Я заставляю себя встать, в какой-то дымке иду по коридору, машу билетом перед носом билетера и просачиваюсь в темный зал. На сцене под бодрую мелодию с большого экрана показывают лучшие моменты из веб-сериалов этого года. Вдруг на экране появляются лица Джорджа и Евы. Точнее, их поцелуй из серии со «скрэбблом». Каждый отрывок встречали аплодисменты и восторженные крики, но при виде наших героев зал вопит во всю глотку. Ошеломленная, я несколько секунд не могу понять, что это снимали мы. Я и Джек.

Джек!

Почему её здесь нет? Мы создали этот сериал, рассказали эту историю вдвоём. Без неё «Несчастливых семей» не было бы. Как могла я приехать сюда без неё? Как я вообще могла до этого додуматься?

Если мы выиграем в своей номинации, надо стоять на сцене всем составом. Я хочу видеть здесь и Пола, и даже Клавдию. Если туда выйдем только мы с Джорджем, будет неправильно. Будет нечестно!

Видео заканчивается, вспыхивает свет. Тейлор Мирс подходит к микрофону и начинает свою речь, но я не могу разобрать ни слова.

Моё место не здесь.

Я вдруг понимаю это и, задыхаясь, пробираюсь между рядами к выходу. Мне нужно в Лексингтон, к Джек и Полу. Сейчас я должна быть с ними.

Захожу в свой номер, снова набираю маму и начинаю как попало зашвыривать вещи в сумку. Мокрую зубную щётку я кладу прямо так.

— Я лечу домой, — объявляю я. — Только найду ближайший рейс.

— Дорогая, — я впала в бездумное отчаяние, и вдвойне странно слышать мамин спокойный голос, — понимаю, что ты расстроена, но Джек и Пол поймут. Ну посуди сама, что изменит один день?

Перед моими глазами проплывает ослепительно яркая картина: Джек сидит в моей спальне. «Тебе плевать на нас».

— Все, — отвечаю я. — Он изменит все.

— Таша, нельзя просто поменять билет на другой. Тебе придется платить за...

— Мам, я понимаю. Мне просто... нужно это сделать.

Повисает давящая тишина. Я стою у двери номера, держа сумку за ручку.

Наконец мама подает голос:

— Будь осторожна. Позвони, как только будут новости. Я встречу тебя в аэропорту.

Мне хочется плакать. Я тяжело выдыхаю.

— Спасибо, мама.

Маме наверняка придётся сделать целую кучу дыхательных упражнений, чтобы принять моё решение, но я задыхаюсь от благодарности.

Я выселяюсь. Слишком вежливый портье не перестаёт расспрашивать меня, что случилось. Ждать шаттла нет времени, я вызываю такси. По дороге в аэропорт пишу Джорджу: «Прости меня, пожалуйста. Нужно было уехать. Твоя речь так и так лучше моей».

Я не буду говорить ему, что в ушах у меня все еще звучат его слова.

Джордж думает, что быть хорошим актером - значит пожертвовать очень многим, в том числе близкими и их чувствами. Он назвал меня хорошим продюсером, но сокрушался, что я слишком мягкая и боюсь говорить неприятную правду. Но теперь мне страшно, что примадонна по имени Джордж Коннор может однажды посчитать меня настоящим профессионалом. Что однажды я стану слишком жёсткой, слишком честной, слишком самовлюбленной.

Может быть, это уже происходит? У меня развилась такая звёздная болезнь, что я ни на секунду не усомнилась в решении ехать в Орlando без Джека!

В голове зудит виноватый рой мыслей, но я как-то сосредотачиваюсь и добываю билеты на самые быстрые рейсы до дома: самолёт до Атланты улетает меньше чем через час, и оттуда я поздно вечером отправлюсь в Лексингтон. Я даже не думаю о том, что отдала последние деньги. Скорее бы домой, домой, домой!

Добравшись до Атланты, я сворачиваюсь калачиком на кресле в зале ожидания и достаю телефон. Мама уже в курсе моих мытарств и решила напомнить мне быть осторожной и не разговаривать с незнакомцами.

Второе сообщение от Джорджа: «Ничего себе. Ясно. Неважно, мы все равно не выиграли».

Даже не пытаюсь переварить эту информацию. Кажется, у меня больше нет на это права.

Я не писала Джеку и Полу. И не звонила им. Потому что этого было бы мало. Они заслуживают большего. Мне нужно быть рядом с ними. Только так я смогу доказать, что мне не плевать на них.

Когда мы уже взлетим?

Мама ждёт меня у багажной ленты. Уже за полночь, луны сегодня нет, и мамина «камри» смотрится особенно мрачно. Я благодарю маму раз пять, но этого все равно мало. Расспрашиваю её о Харлоу, но она мало что знает. Она интересуется, выиграли ли мы, я спокойным твердым голосом отвечаю, что нет, и она ничего больше не спрашивает. Мама и так знает, что я попрошу высадить меня у дома Харлоу, но я все равно прошу.

Обе машины Харлоу припаркованы у дома. Я направляюсь прямо к задней двери и долго вожусь с ручкой. Потом понимаю, что её заперли, а в окнах темно. Решив подойти к главному входу и стучать до потери пульса, вдруг замечаю, что в комнате отдыха что-то светится. От телевизора идёт сине-фиолетовое свечение, и, подойдя ближе, я различаю сидящего на полу Пола с приставкой в руках.

Нерешительно стучу по стеклу: какое право я имею беспокоить друга после того, что случилось в нашу последнюю встречу? Но вскоре потребность быть рядом с ним и Джек перевешивает, и я молочу по двери кулаками. Пол дергается, бросает приставку и бежит открывать дверь.

Как только он появляется на пороге, я бросаюсь ему на шею. Плевать, что между нами произошло, сейчас я обнимаю его, потому что больше ничего не могу сделать. Он тут же обнимает меня в ответ и шепчет куда-то мне в макушку:

— Ни хрена себе, Таш!

Что-то не так. Я вожу руками между его лопаток и не чувствую привычной мягкой копны волос.

— Пол, — хриплю я, отстраняясь, — что ты сделал со своим хвостом?

— Обрезал и сдал в фонд борьбы с раком, потому что кретин!

Через плечо друга я вижу Джек: она спускается по лестнице со скрещенными на груди руками.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она.

— Вернулась домой пораньше.

Не знаю, этого ли ответа она ожидает.

— Не надо меня обнимать! — предупреждает она, когда я подхожу поближе.

Так что я просто сажусь на диван, и мы втроём долго сидим и смотрим на экран с кадром из Call of Duty. Потом Пол зажигает настольную лампу и выключает телевизор. Мы молча сидим. Я то и дело поглядываю на Пола: ну не могу привыкнуть к его стрижке.

— Я не знаю, что говорить, — шепчу я наконец. — Мне просто очень, очень жаль. И я рядом.

Пол чешет в затылке - точно в том месте, где заканчиваются его волосы. Похоже, он сам еще не осознал, что сделал.

— Лучшее, что ты можешь сейчас сделать, — начинает Джек, — это меня отвлечь. Даже не знаю, например, «Золотой тубой». Я видела ваше с Джорджем фото. У меня глюки, или ты была дико счастлива стоять в дюйме от него?

— Все ради рекламы, сама понимаешь.

— Ага. Если честно, я ждала селфи с Фомом.

— Кстати, да, — вступает Пол.

У него спокойный, заинтересованный тон. Слишком спокойный и слишком заинтересованный. Как будто ему тоже стыдно за тот вечер.

— Как прошла встреча?

Я хихикаю, роняю голову на руки и продолжаю хохотать.

— Я запуталась, — замечает Джек. — Это смех счастливой женщины или зловещий хохот?

— Зловещий, — хриплю я. — Можешь быть уверена.

— Боже, дай я угадаю! Он оказался silverspunnx23, да? Тебя очень изощренно надули?

— Джек, это же бред! — включается Пол. — Он ведь сам выложил видео в её защиту!

— Да, снизошел со своего Олимпа и выложил, — парирует Джек. — Это очень подозрительно! Спорим, он все спланировал заранее и в один день выложил отзыв и записал видео? Притвориться героем - какой ход!

— Ну вы даёте! — качаю я головой. — Обалдеть. Нет, он не писал этого поста. Он просто... не захотел меня понять.

Повисла тишина.

— То есть ты сказала ему? — наконец спрашивает Джек.

— Ага, и он решил, что я все выдумываю. Слушай, он прямо заявил, что мои чувства - это выдумка из интернета и такого не бывает. Что может быть отвратительнее?

Джек реагирует мгновенно и резко:

— Засранец.

Следом я слышу ещё пяток вариаций на тему физиологии.

Пол упорно молчит. Все, что он мог бы сейчас сказать, прозвучало бы злорадно или просто неприятно. Мы оба помним, что случилось в нашу последнюю встречу.

— Он не... не сделал ничего такого? — спрашивает Джек.

— Какого? Нет, просто встал и ушёл из моей жизни. Наверно, я чего-то такого ждала, потому что меня это почти не удивило.

Джек бормочет еще несколько эпитетов про разнообразные достоинства Фома, потом заканчивает засорять свою речь:

— Чёрт, теперь тебя надо отвлечь. Эй, Пол, чем мы можем отвлечь её?

Не очень обдуманная фраза, и, похоже, она быстро это понимает, потому что тут же отвечает сама:

— Знаю! Надо начать думать о сборе средств! Расписать, зачем нам деньги, на что они пойдут, чем мы займёмся дальше... Фанаты хотят Оскара Уайльда, но не знаю, зайдем ли мы так...

— Джек, ты серьёзно? — я смотрю на неё так, будто она только что призналась в массовом убийстве, и, мне кажется, я еще спокойно реагирую.

— В смысле?

— У твоего папы только что снова нашли рак. Ты даже не сказала мне, насколько все плохо, а вместо этого хочешь обсуждать планы съёмок!

— Какую букву в слове «отвлечься» тебе объяснить? Ты меня вообще слушала? Обсудить будущее канала - именно то, что мне сейчас нужно. Шоу должно продолжаться. Мы же профессионалы!

— По-моему, это называется подавлением эмоций.

— Слушай, — голос Джек становится резким, — рано или поздно я сорвусь. Однажды - и, наверно, даже в ближайшем будущем - я буду реветь в три ручья и уйду в запой, а тебе придётся держать мне волосы, пока я блюю. И рано или поздно ты узнаешь все про папин чертов рак. Но можно это все будет потом, ладно?

— Л-ладно.

— Джек, успокойся, — бормочет Пол. — Откуда ей знать, чего ты хочешь?

— Она и не знает. Чудесно, правда? Мы лучшие друзья, и ни один из нас не знает, что нужно другому. Мы просто мастера подавления эмоций! Так что уж раз в жизни я окажу Таш огромную услугу и честно скажу ей, что я чувствую.

Джек встает, швыряет в меня подушкой и убегает наверх. Она бросила гранату и скрылась в окопе. Не знаю, храбрый это поступок или наоборот. И бежать мне за ней или нет, тоже не знаю.

Вдруг я замечаю присутствие Пола. Место, которое он занимает, его дыхание, его... стрижку. Я не могу спокойно сидеть рядом с ним.

— Мне надо идти, — произношу я, и это точно трусость.

На полпути к двери я слышу голос Пола:

— Я чувствовал себя плохим человеком.

Я оборачиваюсь:

— Что?

Он подтягивает к себе ноги и садится лицом ко мне:

— Я отвратительно себя чувствовал, когда сказал тебе, что у папы снова найдут рак. Я его сын, мне надо верить в лучшее. А я не верил. И мне все это время было стыдно за то, что я тебе тогда сказал. Как будто от того, что я произнес это вслух, так и случится. А теперь оно случилось.

— Пол!

— Поэтому я не сказал тебе, когда у него стала болеть голова. И Джек сказал тебе не говорить. Если не произносить этого вслух, может, еще и обойдется. Не думай, что я тебе не доверяю. Я не пытался ничего от тебя скрыть, я просто... чувствовал себя плохим человеком.

— Пол, ты хороший!

Он мрачно улыбается. Господи, сколько теперь ждать, пока у него отрастут волосы? Несколько лет?

Я пытаюсь сформулировать получше:

— Ты лучше всех, кого я знаю. Ну, разве что, кроме мамы.

— Никто не сравнится с твоей мамой.

— Пожалуй, да, — соглашаюсь я. — Мама неповторима. Я поспешила с выводами.

Улыбка Пола становится гримасой, как будто его заставили выпить керосина:

— Я еще не готов терять отца. Постоянно думаю об одном и том же: не хочу быть парнем, у которого умер отец. Это страшный эгоизм. Лучше уж, как Джек, вообще не говорить об этом.

— Это не эгоизм, — подхожу поближе к дивану, чтобы лучше видеть лицо Пола в свете лампы. — Ты любишь своего папу и не хочешь, чтобы он умер. И оставаться без отца ты тоже не хочешь. Это совершенно нормально.

— Ты во мне разочаруешься. У меня в голове полная противоположность дзену.

— Да у меня тоже.

Многое остается недосказанным. Я многого недоговариваю. Надо извиниться перед ним. Но извиниться - значит напомнить ему обо всем, что произошло в тот вечер, а сейчас явно не время.

— Я рядом, если надо, — произношу вместо этого.

— Надо-надо, не волнуйся. Ты же знаешь Джек, она просто...

Я киваю: да, знаю.

Но, выходя в ночь, я размышляю, правда ли это. Да, я знаю, что Джек замыкается в себе и уходит, когда расстраивается. Что ей нравятся мрачные кукольные фильмы. Что она не любит обниматься. Но я не всегда понимаю, почему. Она не стерва, не угрюмый человек и не безэмоциональное бревно. Объяснять ее поведение можно как угодно, но это все будет не то. Я ничего о ней не знаю, а она моя лучшая подруга. И что после этого можно сказать о природе человеческой?

Нынче модно рассуждать о конце света: будет это ядерная война, восстание зомби или нападение инопланетян. Но мне кажется, что в один прекрасный день всем просто станет плевать друг на друга, мы разойдемся каждый по своим домам и тихо сгнием в одиночестве.

По пути домой я замечаю на участке соседей маленький муравейник, залитый светом фонарей. Сначала его строили в траве, но теперь он уже потихоньку посягает на дорожку. Туда-сюда снуют полчища муравьев. Они так заняты своими делами, что не замечают великана, который навис над ними и наблюдает за их работой.

Интересно, сколько муравьи знают друг про друга и сколько пытаются узнать? Может быть, у них нет таких проблем. Может быть, у них нет чувства собственной исключительности. Может быть, они - одно целое.

Уже в кровати, отчаянно пытаюсь заснуть, чувствую, как по моим рукам что-то ползет. Не знаю уж, мурашки это или воспоминание о настоящих муравьях, но, похоже, они ко мне еще заглянут.

Мы с Джек, в общем-то, особо и не ссорились. Да, конечно, она сказала то, что сказала, и бросила меня наедине с Полом. Но у её отца снова нашли рак, и я еще не знаю, насколько там все страшно. Боюсь, окажись я в её шкуре - в её футболке с героями Тима Бертона, - я вела бы себя не лучше. Еще и похуже, пожалуй.

С утра я звоню ей, и она берет трубку. Оказывается, на следующей неделе у её папы начинаются сеансы химиотерапии. Врачи говорят, что рак распространился на некоторые внутренние органы, так что придётся лечиться еще интенсивнее, чем в прошлый раз. Тогда лечение началось с гормональной терапии, но сейчас нельзя терять на неё время. Джек рассказывает мне все это ровным голосом без малейшего намека на переживания.

Ожидаемо. Потом Джек может устроить истерику и все что угодно, но сейчас она справляется с новостями вот так. Поэтому я не начинаю многословно извиняться, не реву в трубку и не повторяю, что она права, что я совсем не ценю их и что я исправлюсь. С Джек такое не работает. Я не буду обливать её помоями из недр моей души, чтобы вымолить прощение. Это был бы чистейший эгоизм. Я и так же знаю, что Джек простила меня, она знает, что мне стыдно, и этого достаточно. А если однажды ей понадобятся мои извинения, она их получит. Теперь я знаю, что ради нашей дружбы готова на все. То есть даже на большее, чем ради «Несчастливых семей».

Рак простаты, наверно, самая стыдная болезнь. Особенно если ты девочка, и вы с лучшей подругой обсуждаете диагноз её папы. Когда все только началось, я не знала, что это значит, и все время путала простату с прострацией. Так что однажды я посмотрела в словарь и потом целую неделю думала, что теперь мистеру Харлоу нельзя лежать на спине и грустить, а то он умрёт.

Это стыдная, ужасная болезнь, и рано или поздно она обречена была вернуться в нашу жизнь. Кажется, рак всегда приходит снова. Во всяком случае, во всех книгах и фильмах. Он возвращается - и, как у мистера Харлоу, считает все на своём пути. Во всех книгах, во всех фильмах второй раз оказывается роковым. Я запрещаю себе думать о таких вещах, но это все равно что не думать о розовом слоне. Джек сказала, что врачи дают ее папе хорошие шансы. Шестьдесят против сорока, что он выживет. Стакан более чем наполовину полон.

Мама превратилась в ангела Милосердия и Менеджмента. Вечером я прохожу мимо кухни и слышу, как она обзванивает всех друзей и соседей и договаривается, кто в какой день понесет Харлоу еду. Мать семейства по-прежнему все время в разъездах и не всегда успевает приготовить обед. Но моя мама уж позаботится, чтобы у Харлоу было больше лазаньи, жаркого и пирогов, чем они съедят. Вот единственная общепринятая традиция, которую я полностью понимаю. Цветы на похоронах - зачем? Всем слишком грустно, чтобы им радоваться. Сигареты в честь новорожденного? Да, давайте восславим жизнь её сокращением. А вот еда для больных это понятно. Еда не бывает лишней.

Через неделю по пути к Харлоу я замечаю у их дома знакомый чёрный джип. С крыльца спускается Джей Прасад с пустой плетеной корзиной в руках.

Он улыбается, машет рукой и ускоряет шаг, чтобы мы поравнялись посреди участка.

— Я-я-я ску-у-уча-а-ал! — напевает он тихим фальцетом и щелкает меня по кончику носа. — Как жизнь?

Боюсь, он говорит таким заботливым тоном потому, что мы не выиграли «Золотую трубу».

Мне это не нравится, и я уже жизнерадостно отвечаю, что все обалденно... хотя вообще-то мы стоим у дома больного раком.

— Ну... ты сам знаешь.

— Рак - полная жесьть, — отвечает Джей.

— Ага, — мне хочется плакать. Чтобы не разреветься, я спрашиваю: — А ты как?

И Тони?

Джей улыбается своей простодушной, неудержимой улыбкой:

— Хорошо. Очень-очень хорошо.

Я играю бровями.

— Кстати, — продолжает Джей, — ты слышала, в Луисвилле снимают новый веб-сериал? Я послал им запись для прослушивания и ссылку на серию, где мы с Тони пытаемся вцепиться друг другу в горло. И... меня взяли!

— Джей, это круто! А о чем будет сериал?

— Н-ну-у-у... — смущается Джей. — Короче, рубилово. Бутафорская кровища, все дела.

— А. Ничего так. Решил разнообразить своё резюме?

— Типа того. Прикинь, они позвонили мне и сказали, что очного прослушивания можно даже не ждать. Они все просто обожают «Несчастливые семьи»!

— Ой, как это мило!

— Я просто хотел сказать, что ты знаменитость, и все тебя любят.

— Ой, Джей, ты правда умеешь делать комплименты!

Он счастливо улыбается, и мы обнимаемся. Мне всегда мало его обнимашек.

— Я, наверно, пойду, — говорит он. — Тони собрал новую группу, у них сейчас репетиция, и мне полагается изображать влюбленного фаната.

Главное - не рассказать об этом Джек, когда она будет не в духе. Джей выезжает с участка, я машу ему рукой, и по какой-то причине сейчас мне прощаться с ним грустнее, чем в конце съёмок. Думаю, дело в том, что с тех пор мы осознали: в наступающем учебном году у нас больше не будет общих дел, нас теперь ничто не связывает. Но мы живём в двадцать первом веке, и кое-какие возможности у меня не отнять. Я буду следить, где они с Сереной играют, приходить с цветами на премьеры и поздравлять их с днём рождения. Они навеки останутся моими Алексом и Анной.

В субботу мы отвозим Клавдию в Вандербильт. Фургон так забит вещами, что мы с сестрой кладем ноги на коробки, уложенные на полу не хуже тетриса. По крайней мере, между нашими сиденьями лежит огромная подушка с одеялом, и можно хотя бы нормально поспать. Мы еще не проехали Боулинг Грин, а папа уже раз десять пошутил про то, сколько у Клавдии вещей. Это начинает раздражать её: «Пап, это вся моя жизнь! Попробуй, разложи её по коробкам!»

Мама как-то умудряется спать и не слушать их перебранки. Папа ставит аудиокнигу Малкольма Гладуэлла, мы с Клавдией молча смотрим в окно. Потом я пытаюсь вытянуть ноги - в общем и целом безуспешно - и ловлю на себе взгляд Клавдии.

— Эй, ты меня пугаешь!

Она не отвечает и не отводит взгляда. Так еще страшнее.

— Да прекрати ты!

Я закрываю лицо краем подушки. Когда мне надоедает, она все еще сверлит меня взглядом. Наконец она спрашивает:

— Это ведь из-за меня? Скажи честно!

Я вылезаю из-за подушки:

— Ты вообще о чем?

— Скажи честно, вы ведь не выиграли «Золотую трубу» только потому, что я ушла из состава. Вам пришлось срочно переделывать сценарий и получилось хуже, чем могло бы.

Её слова застают меня врасплох. Я уже много недель не вспоминала, что она ушла, и уж тем более не связывала с этим результатов церемонии.

— Клавдия! — отвечаю я. — Ну при чем тут вообще ты? Ты ушла в самом конце, а мы еще даже не все выложили!

Сестру, похоже, это не убеждает. В ее глубоких карих глазах светится вина.

— Ну правда же! — с нажимом продолжаю я. — Уверена, что дело не в тебе. Просто за год наснимали кучу крутых сериалов. Это была честная борьба.

— Мне кажется... — Клавдия смотрит, как мимо проносятся машины. — Думаю, я сделала ошибку. Мы с Дженной даже больше не разговариваем!

Несколько месяцев назад я бы принялась злорадствовать. Сейчас мне почти все равно. Я думаю только о том, что домой поеду без сестры и не увижу её до дня Благодарения.

— Все уже позади, — отвечаю я. — Это уже не важно.

Я стараюсь, чтобы это не прозвучало небрежно. Я стараюсь, чтобы она мне поверила.

В студенческом городке на меня накатывает атмосфера летнего лагеря. Только очень ухоженного лагеря. Бодрые студенты с планшетами и в желтых футболках объясняют нам дорогу. Мы вчетвером до седьмого пота перетаскиваем вещи Клавдии в комнату на третьем этаже. Потом, умирая от голода, направляемся в El Palenque - наш любимый мексиканский ресторан.

— Когда мы приедем снова, ты уже изучишь все рестораны! — замечаю я, набив рот жареными бобами.

— Даже не надейся! Я буду пить сок из коробок и мечтать о папиной еде.

Она грустно смотрит на папу, он отвечает ей не менее грустным взглядом. Когда мы уже собираемся погрузиться в беспросветную тоску, с другого конца зала раздаются громкие аплодисменты. Официанты торжественно поют Feliz Cumpleaños девочке с брекетами. Они ставят перед ней вазочку жареного мороженого и надевают ей на голову ядовито-розовое сомбреро. Оно закрывает ей глаза и вообще смотрится комично, так что вся семья принимается лихорадочно фотографировать. У девочки такое счастливое лицо, что и наше настроение тут же улучшается. Папа запикивает обёртку от соломинки в карман длинной футболки Клавдии, и мы громко хохочем над его ловкостью и озорством.

Уже затемно мы возвращаемся к общежитию Клавдии, паркуемся на единственном свободном месте для гостей и открываем окно. Внутрь врываются влажный воздух и стрекот сверчков.

Примерно год назад, когда мы с Клавдией ездили сюда на экскурсию, я думала, что однажды тоже сюда перееду. Теперь я смотрю на огромные кирпичные и каменные здания без ощущения, что это мой будущий дом. Здесь просто живёт моя старшая сестра. Мне, наверно, все еще капельку грустно, но рано или поздно это пройдет.

— Конечно, звонить на первой неделе не принято, — начинает мама, — но... ты же позвонишь?

Мы все ревим в три ручья, и папа сильнее всех.

— Позвоню.

— А если твоя соседка вдруг окажется бешеной феминисткой, — добавляю я, — возвращайся к нам. Хотя я уже, наверно, займу твою комнату.

Клавдия закатывает глаза:

— Разберусь уж как-нибудь.

Но голос у неё дрожит.

Мы обнимаемся, хотя все пропотели насквозь. Клавдия отмахивается от папиного предложения проводить её до дверей и уходит в свою комнату.

Обратно мы едем в тишине и темноте. Первую половину пути мама плачет, папа повторяет, что у Клавдии такой счастливый вид, а мама отвечает:

— Знаю, Ян, знаю.

Я понимаю, что все повторится через год, а потом лет через восемнадцать, когда вырастет еще не знакомый мне Зеленка-младший.

Я все еще не понимаю, почему они завели третьего ребёнка, и, наверно, никогда не пойму. Если бы мне было лет сорок и я бы уже вырастила двух дочерей, я бы послала всех к черту и больше в это не ввязывалась. Но я не могу думать за родителей, а они, кажется, счастливы. Папа выкручивает на I-65, и они переплетают руки на руле, как влюбленные подростки, выехавшие на ночную прогулку.

Я вспоминаю слова Клавдии в ту ночь: может быть, мама с папой просто пытаются расширить свою семью, которой им так не хватает. Что-то в этом есть, даже если беременность была случайной. Это что-то хорошее. Мне все еще грустно расставаться с Клавдией, но будущее уже выглядит радужнее.

Утром я отправляюсь в Холли-парк. Ещё очень рано, только взошло солнце. Я проснулась, не смогла заснуть снова и решила, что лучше уж посидеть на скрипучих качелях, чем париться под одеялом.

Я качаюсь, бездумно отталкиваясь ногами от земли и мотаясь из стороны в сторону, а потом замечаю чьи-то кроссовки и поднимаю голову.

Пол что-то говорит, но я его не слышу. Вытаскиваю наушники из ушей:

— Чего?

Он только головой качает:

— Я окликнул тебя, когда ты проходила мимо нас, но ты не ответила.

— Ой, прости!

— Ты хочешь побыть одна?

Я задумываюсь. Если что, можно попросить Пола уйти. Он поймет.

— Нет, — отвечаю я наконец. — Не уходи.

Пол садится рядом со мной. Качели дрожат под его весом.

— Как твой папа? — спрашиваю я.

— Наелся макарон с сыром и радуется жизни, как только может. Вчера какая-то старушка принесла шоколадный торт. С карамелью внутри. Такое вообще бывает?

— Ой, точно, мы забыли испечь вам торт. Хочешь, испечем?

— Боже, Таш, не надо! — смеется Пол. — Вы и так делаете более чем достаточно.

— Разве? Мне кажется, мы вообще ничего не делаем. Ничего полезного уж точно.

— Знаешь что? Люди любят повторять, что забрали бы чужую боль, если бы могли. Но если бы такое было возможно... посуди сама, это же кошмар! Ну заберешь ты чужую боль, а этот человек тоже тебя любит и просто заберет ее обратно. Или она достанется кому-то еще, кто любил бы тебя или его... А потом вся боль мира попадет к человеку, который любит, но не любим, и пусть выживает, как хочет.

— Фига ты загнул, Пол!

Друг отталкивается от земли. Цепи, на которых висят качели, скрипят, в воздух поднимаются облачка ржавчины.

— Я просто хотел сказать, что вы и так делаете все возможное, и я почти рад, что вы не можете сделать больше.

Небо все еще розовеет. Солнце светит мне в глаза. В кронах деревьев щебечут птицы. Я прищуриваюсь и смотрю на Пола: никогда не привыкну к этой стрижке!

Мне надо извиниться перед ним. Именно сейчас. Я открываю рот и порчу нам утро:

— Прости меня. За то, как я вела себя перед поездкой. Я... не понимала, что делаю.

Пол останавливает качели, упираясь ногами в землю.

— Разве?

— Я... Ну... Да.

— По-моему, ты хотела доказать мне, что любить тебя и не спать с тобой будет мучительно и не стоит даже пытаться. Поправь меня, если я ошибся.

Да, как-то так я тогда и сказала. А еще он употребил глагол «любить», и у меня перехватывает дыхание.

— Кстати, не очень-то действенный метод, я на тебе и меньше одежды видел. Мы вроде как рядом уже больше пятнадцати лет.

— Да я поняла. Прости, не думала, что делаю.

А следовало бы!

— Все, все, я тебя простил, — отвечает Пол. — Проехали.

Из его уст это звучит как конец сказки на ночь: тихо, мягко и серьезно.

— Боже, — шепчу я, — никогда не привыкну к твоей стрижке. Это просто невозможно!

Пол смеется. Я улыбаюсь и снова смотрю себе под ноги.

— Я правда не знала, что ты так ко мне относишься. Для тебя никогда не было разницы между мной и Джек!

— Неправда!

— Для меня - правда. Я никогда не видела различий.

— Я чувствовал к тебе... другое!

— Прости, я не могу залезть к тебе в голову.

— Я сказал - проехали, — вздыхает Пол. — Давай сменим тему!

Я копаю в земле яму носком кроссовка. Чем глубже я вкапываюсь, тем темнее земля.

— Пол, ты мне очень нравишься!

— Да, я уже слышал, что я лучший на свете после твоей мамы.

Теперь кроссовок мокрый и грязный.

— Нет, ты нравишься мне... в том смысле, в каком мне нравятся парни.

Ответом мне служит только скрип качелей.

— Ты меня знаешь, — продолжаю я. — Мне не надо ничего тебе объяснять или пытаться тебя впечатлить, потому что ты все уже видел. Так что я сейчас могу просто ответить: «Ладно, хорошо, давай встречаться». Но это будет чистейший эгоизм. Даже если сейчас ты со мной не согласен, в итоге ты меня возненавидишь. А я не могу этого допустить.

— Ты не...

— Дай мне договорить. Я много чего читала по этому вопросу. Асексуалы пытались встречаться с обычными людьми, и это просто жесть как сложно. Нужно очень много всего обсуждать и обо всем договариваться, а ты парень, тебе нужен секс и это совершенно нормально. Но я не понимаю, зачем тебе со мной встречаться.

Пол странно смотрит на меня:

— Это было... длинно.

— Есть немножко.

— Ты хочешь сказать, что я животное, и мной управляет мое либидо.

— Нет, я трезво смотрю на вещи.

— А по-моему, это чистой воды сексизм. И, кстати, ты забыла спросить меня.

— Пол...

— Слушай, это прозвучит глупо, но я люблю тебя сильнее, чем секс. В смысле... да, он мне нравится. Очень. Но... думай что хочешь, но, когда у твоего отца рак простаты, как-то начинаешь иначе оценивать свой член.

Это так неожиданно, что меня разбирает смех.

— Почему-у-у мы обсуждаем член твоего отца?

— Мы обсуждаем? По-моему, это ты начала!

— Пол, да прекрати же ты! — Мне стыдно, но тут не накрыться подушкой, поэтому я зажмуриваюсь.

— Я просто говорю честно.

Я не отвечаю, и он начинает петь строчку из Hey Ya группы Outkast:

— Я... Я... Просто пытаюсь быть честным.

— Прекрати! — я пинаю его качели, поднимается невыносимый скрип.

Когда шум утихает, я прислоняюсь лицом к цепи качелей и зову:

— Пол...

Я так часто зову его по имени! Даже если ничего больше не хочу сказать. Потому что оно такое знакомое, такое уютное. Назвать его по имени проще, чем сказать «да» или «ну».

— Если я тебе нравлюсь, — спрашивает он, — почему ты не хочешь хотя бы попробовать? Да, это может закончиться печально, но давай просто попробуем. Знаешь, я тоже много всякого прочел. По-моему, мы хорошо умеем общаться и договариваться. Я много думал. Наверно, у меня получится.

— Это ты сейчас так говоришь...

— Да, я говорю это сейчас. Но будущего ведь пока не существует! Так что ты можешь сказать «да». Согласись сейчас - и всегда сможешь передумать, через десять минут, часов, месяцев... Может быть, не выдержу я или не выдержишь ты, но мы можем хотя бы попытаться.

— Сейчас тебе нравится идея, потому что я отличаюсь от других девочек, но потом...

Пол резко встает с качелей, падает на колени и хватается за правую цепь моих качелей. Его темные глаза светятся изнутри.

— Таш. Выслушай меня. Мы знаем друг друга всю жизнь. Я целовался с другими девушками, встречался с ними и спал. Ты все это знаешь, потому что всегда была рядом. А теперь слушай. Я лучше. Обниму тебя. Чем буду. С кем-то еще. Просто обниму. И все. Ты. Хочешь. Обнять. Меня. В ответ?

Он говорит как робот, в котором внезапно проснулись человеческие чувства, и в любой другой ситуации я рассмеялась бы. Но сейчас мне хочется плакать. Мой голос пропал. Исчез. Наконец я нахожу его на самом дне пищевода и тащу за шкурку в нужное место. Свет в глазах Пола почти успевает померкнуть.

— Да, — отвечаю я наконец.

— Таш, — произносит Пол.

Тут до меня доходит. Мое имя для него звучит так же уютно, как его для меня. Оно слетает с кончика языка быстрее, чем «да».

Я слезаю с качелей, Пол подается ко мне и обхватывает меня руками. Мы столько раз уже обнимались... Кстати, сколько? Несколько сотен раз, тысяч, сотен тысяч? Мы обнимались все эти годы, и эти объятия одновременно похожи на предыдущие и полностью отличаются. Я прислоняюсь щекой к его груди, его сердце бьется у моего уха. Мне спокойно и тепло. Меня понимают.

Пока мы сидим на земле в обнимку, а над нами скрипят качели, я понимаю и еще кое-что: Пол единственный, кто понимает, почему я - это я. Он знает все мои страшные тайны и еще не сбежал. Было бы глупо отказаться от такого шанса. По крайней мере, сейчас. И сколько бы таких «сейчас» еще ни настало.

Вечером я устраиваю Лео серьезный разговор. Я сажусь на край кровати и впервые в жизни хмурюсь в ответ.

— Лео, — начинаю я, — не пойми меня превратно, но иногда ты действительно разочаровываешь.

Двадцатилетний Лев Толстой хмурится.

— Нам нужно расстаться. Думаю, ты давно это подозревал.

Он хмурится.

— Но мне очень нравится «Смерть Ивана Ильича», и, я надеюсь, твои книги будут вдохновлять меня всю жизнь.

Лео продолжает хмуриться.

Разговор окончен. По крайней мере, я удосужилась предупредить Лео, что ухожу от него. У бедной Софьи не было и этой роскоши.

Я снимаю плакат со стены, аккуратно сворачиваю его и убираю на верхнюю полку шкафа. Раз уж мы расстались друзьями, цитаты трогать не буду. Я даже улыбаюсь при виде моей любимой: «Если хочешь быть счастливым, будь».

Эту фразу можно понимать двояко, и, будь я экспертом по славянским языкам, я бы, наверно, полезла в оригинал и перевела ее так, чтобы сомнений не осталось (Прим. перев. у Толстого действительно «будь им»). Но мне даже нравится такая неопределенность. Самая очевидная трактовка - такое упрощение! Нельзя заставить себя стать счастливым. Счастье - вопрос не силы воли, а эмоций, физиологии, обстоятельств и десятка других вещей. Так что эта версия мне не нравится.

Я понимаю это так: «Если хочешь однажды стать счастливым, живи». Потому что жизнь может быть ужасна, но, пока ты жив, ты можешь найти свое счастье. Может быть, глупо смотреть на жизнь под таким углом, но я предпочитаю надеяться. Когда закончились «Несчастливые семьи», в моем сердце осталась пустота, которую ничто никогда не заполнит. Но всегда можно надеяться на следующий проект, новые идеи, новых людей. Я всегда надеюсь, что буду двигаться дальше и создавать что-то еще более крутое.

Как ни странно, я стала чуть счастливее благодаря честности. Джордж прав, честность - лучшая политика. Сегодня я честнее сама с собой, чем когда-либо в жизни. И мне нравится, что я понимаю сама себя - и что кто-то еще понимает меня.

Именно из-за честности я долго лежу в кровати без сна. Я думаю на привычную, но надолго забытую тему. В моей голове зреет новый проект. Ну же, где гром и молния?

В этом году мы хотим отметить наши дни рождения по-новому. Хватит с нас вечеринок у бассейна, бумажных тарелок, лент и покупных тортов. Мы решили, что в это лето уже достаточно дурачились у бассейна. Поскольку мне исполняется восемнадцать, а Полу - двадцать, мы решили отпраздновать как взрослые. В этом есть доля шутки и доля серьезности.

Так что мы решаем устроить ужин. Просто праздничный ужин на две семьи у меня дома. Праздновать будем вечером двадцать седьмого августа - точно посередине между двумя датами. Это четверг, обычный рабочий день, и мы не позволяем никому помогать нам с приготовлениями. В четыре часа Пол возвращается с астрономии, и мы готовим еду под музыку Travis, которая нравится ему, и Сен-Венсан, потому что она нравится мне. Ближе к шести вечера я зажигаю свечи, хотя солнце еще не село.

Миссис Харлоу снова в отъезде, но Джек с отцом приходят и садятся в столовой, где уже сидят мои родители. Мы с Полом вносим еду: большую миску овощного салата, корзинку горячих роллов Sister Schubert's и, самое главное - феттучини «Альфредо». Да, у нас с Полом одно и то же любимое блюдо.

— Поверить не могу! — возмущается Джек, когда все рассаживаются. — Вы сами приготовили себе праздничный ужин!

— Только не торт! — возражает папа. — Торт я бы им не доверил.

Папа пообещал посадить меня под домашний арест, если я не дам ему приготовить к празднику хотя бы сладкое. Видимо, так далеко заходить уже нельзя.

— Мы же взрослые! — отвечаю я Джеку. — Взрослые всегда сами себе готовят.

— Ага, рассказывай! Взрослые ходят в дорогие рестораны и напиваются хорошим вином, если уж на то пошло.

— И откуда у тебя такие познания? — спрашивает её отец. Джек загадочно пожимает плечами и уделяет все своё внимание салату.

У мистера Харлоу плохой вид. Он как будто похудел, но, может быть, он был таким еще до химиотерапии, а я заметила только сейчас. Но больной вид не мешает ему улыбаться его неизменно спокойной улыбкой. Джек с Полом говорят, он продолжает каждый день копать в саду.

Я кладу ему феттучини первым. Джек косо на меня смотрит: она уже жаловалась, что я стала иначе относиться к её отцу с тех пор, как болезнь вернулась. Она считает, что лучше бы мне было плевать, как в прошлый раз. Мне пришлось ей напомнить, что тогда мне было вообще плевать на всех, и я даже не знала слова «простата». А сейчас Джек может смотреть на меня сколько угодно, но мистер Харлоу заслуживает первую порцию феттучини.

Мы много лет так вот вместе не обедали. А ведь в нашем детстве такое случалось часто. Мистер и миссис Харлоу с моими родителями сидели в столовой, а мы быстро съедали еду на кухне и убегали в гостиную смотреть мультики. В последнее время я начинаю скучать по тем временам. Так что я предложила Полу оживить традицию, он согласился, а лучшего повода, чем наши дни рождения, было не подобрать.

Конечно, по-старому уже не будет: Клавдия уехала, а нам уже больше хочется разжиться бокалом красного, чем посмотреть лишний раз «Русалочку». Но мне нравится, как мы возрождаем прошлое. Нравится даже больше, чем вспоминать детство.

Папа испек нам торт из горячего шоколада с меренгами, и это не только звучит смешно. Когда приходит время десерта, он зажигает единственную свечку на торте, все поют Happy Birthday, и мы с Полом задуваем свечу. Потом папа неровно разрезает торт - его нельзя разрезать как следует - мы вооружаемся вилками с ножами и вгрызаемся в хрустящее лакомство.

Когда разговор каким-то образом заходит о политике, я скидываю салфетку:

— Вы не возражаете, если мы пойдем в гостиную?

— Таш, милая, чему я тебя учил? — отвечает папа. — Именинницы не спрашивают разрешения. Они ставят в известность.

— Как скажешь. Мам, пап, мистер Харлоу, сообщаю вам, что мы удаляемся в гостиную.

Папа доволен и указывает в сторону гостиной жестом великодушно настроенного тирана.

Вот, совсем как в детстве. Я уже собираюсь предложить посмотреть что-нибудь из «Диснея», но тут Пол протягивает мне квадратную коробочку в оберточной бумаге в черно-белую полоску.

— Что это? — спрашиваю я. — Подарок?

Я уже подарила Полу свой подарок три дня назад - как раз в его день рождения. Я набила огромный пакет его любимыми сладостями: печеньем с орехом макадамия, шоколадными батончиками и двухлитровыми бутылками Dr. Pepper. На дно я положила странную книжечку под названием «Выпускники колледжей: где они сейчас?» (с подзаголовком: «В ином мире, в депрессии или на социальном дне») и вложила в суперобложку неровно отрезанную бумажку с запиской: «А еще я должна тебе стол для пинг-понга, напomini, как деньги будут».

Соответственно, я не ждала подарков раньше, чем через три дня, в мой собственный день рождения. Джек, похоже, тоже так решила.

— Пол, засранец, как ты только посмел! — недоумевает она.

Пол разводит руками и с улыбкой поглаживает угол подарка.

— Мне открыть его прямо сейчас?

— Открывай!

Я сажусь на диван рядом с Джек. Она, кажется, собирается убить брата взглядом.

Пол невозмутимо растягивается на полу. Говорю вам, это его состояние покоя.

Я разрываю упаковку. Внутри оказывается что-то мягкое и трикотажное. Я поднимаю и расправляю свой подарок. Голубую футболку моего размера. Спереди на ней красуется нарисованный когда-то Полом логотип Seedling Productions. Арбуз и закат кажутся реальными настолько, что, кажется, вот-вот сойдут с ткани и заживут собственной жизнью. На спине черными блестящими буквами стоит: «Команда Зарлоу».

Джек долго ругается себе под нос, потом пинает Пола под колено:

— Вот уж удружил... Теперь мне придется купить ей собственный остров!

Пол опирается головой на сложенные руки и с надеждой улыбается мне.

— Хватит так на меня смотреть! — прошу я. — Сам знаешь, что она шикарна!

Друг расслабляется и улыбается во весь рот.

— Seedling Productions... — вздыхает Джек.

— Наш дар и наше проклятие, — соглашаюсь я.

В такие моменты я никак не могу поверить, что «Несчастливые семьи» правда закончились, а не просто взяли большую паузу. Думаю, до меня так и не дойдет, пока я не начну снимать что-нибудь новое.

— А как-то вечером, — начинает Джек, — я поддалась твоему дурному влиянию и составила список, что нам нужно поменять в проекте.

— Ну-ка, ну-ка? — осторожно переспрашиваю я.

— Думаю, для начала надо специально постараться не набирать новой аудитории. Это напряжение убьет меня.

— И меня, — ухмыляюсь я.

— Может, попробуем даже немного отпугнуть зрителей...

Пол поднимает руку:

— Возьмите меня актером. И заставьте петь!

— Не пойдет, — осаживает его Джек. — Желающих опозориться перед камерой - полный Ютуб. Мы только еще сильнее прославимся.

— Что-нибудь придумаем, — заключаю я. — Может, нам повезет и придет еще парочка людей вроде silverspunnx23 и «Девочки в роговых очках».

— Будем надеяться.

Можно долго воспринимать что-то всерьез, а потом - раз! - и оно становится смешным. Разве не забавно? Однажды можно надо всем посмеяться - и не будет больно, и не разойдутся швы. Будет просто весело.

Например, сейчас я понимаю, что Seedling Productions скоро начнут что-то новое. Теперь мне плевать на ненавистников, меня не ранят разочарования и просчеты на съемках. Теперь я готова к новой порции ненависти, разочарований и просчетов.

Через несколько недель я делюсь с Джек и Полом новой идеей для влога. Они оба спрашивают, смогу ли я так просто взять и открыться всему миру. Ведь это будет уже не вымышленная история и не исповедь фанатки за чашкой чая. Теперь критика может ранить глубже.

Я уже об этом подумала. Хорошо подумала. И решила, что не у меня одной мама забеременела после сорока. Не только папа моих лучших друзей борется с раком. Не только я обожаю Джейн Остин и Дж. Дж. Абрамса. Не только у меня есть обалденные творческие друзья. Не только я боюсь поступать в университет и скучаю по старшей сестре. И я уж точно не единственный в мире романтик-асексуал. Я не робот, я не странная и я уж точно не запуталась. Я обычная девушка.

У нас сейчас ровно 84203 подписчика, и среди них точно найдется кто-нибудь, кто поймёт меня хотя бы в чем-то одном из этого списка. Так что я расскажу об этом - без чая и без Толстого. Может быть, я никогда не оставлю такого следа в истории, как граф Лев Николаевич, и не стану новым Фрэнсисом Фордом Копполой. Но сейчас я начинаю чуточку понимать их и не уверена, что оно мне надо. Я просто хочу... быть честной. Утром каждого понедельника я буду рассказывать о чем-то из того, что меня волнует. Может быть, это провальная затея. Вполне вероятно, тролли полезут из всех щелей интернета. Это ужасная перспектива - и пока что скорее ужасная, чем чудесная. Но, возможно, это мне и нужно.

Я включаю камеру, выпрямляю спину и гляжу прямо в объектив.

— Привет, с вами снова Таш! Перерыв наконец закончился. Сегодня я с радостью представлю вам свой новый проект...

КОНЕЦ